Сопряков Вадим Николаевич

Восток - дело тонкое. Исповедь разведчика

<soprk000.jpg>

Вспоминая прошлое, думая о будущем----------1
Вместо предисловия----------2
Под «колпаком» японской разведки----------4
Три гола в Японии----------12
Профессия - разведчик----------24
А как разведка стала смыслом моей жизни?----------28
Бирма----------36
Индия----------49
Малайзия----------62
Афганистан - боль моя----------67
Нелегальная разведка----------90
Сыны отечества----------95
Глава без названия----------114
России блудные сыны и предатели----------117
Беседы старых друзей----------132
Послесловие----------135

Приложение----------138
Арест, нарушающий дипломатический обычай----------138
«Каскад» действует----------139
Воспоминания об отце----------141
Я - настоящая жена Штирлица----------148

Российская организованная преступность----------152
Вступление----------152
Влияние российской организованной преступности на ситуацию в России и США----------154
Угроза для США----------155
Ключевые выводы----------155
Рекомендации----------156

Несколько слов об авторе----------157

Автор выражает глубокую благодарность организации «Совместная формула развития» за помощь в издании этой книги

Вспоминая прошлое, думая о будущем

Автор настоящих записок начал службу в те уже далёкие годы, когда упорное, угрожающее ядерной войной противостояние сменялось поисками мирного сосуществования. Пушки молчали. Но именно в такие исторически короткие промежутки, как свидетельствует история, вступают в дело невидимые воинства разведок. Они должны проникнуть в тайные замыслы противника, который сегодня надевает личину респектабельного партнёра; они обязаны знать его слабые и сильные стороны; они должны искать тайных союзников в чужом стане.

60-80-е годы нашего столетия были периодом взлёта советской

разведки. Сейчас, в наше печальное время, слышны лишь отголоски тогдашних успехов. Всё больше разоблачают, судят, приговаривают к пожизненному заключению наших добровольных искренних помощников. Да поможет им русский бог!

Столкновение советских и американских интересов распространялось на всю планету. Вадим Сопряков был одним из множества умных русских людей, призванных Отечеством на разведывательную службу в то нелёгкое и волнующее время. Индия, Бирма, Малайзия, Япония, Афганистан - там пролегали передовые рубежи нашей обороны, там и вёл тайную схватку Вадим Сопряков.

Не вина разведки, что сейчас эти рубежи приблизились к Смоленску, Пскову, Ростову-на-Дону, к границам допетровского времени. Один, даже самый мужественный, отряд не может выиграть войну, но ему нечего стыдиться, если война проиграна. Его бойцы, сделав всё от них зависящее, сегодня могут со спокойной совестью вспоминать прошлое и взирать с надеждой в будущее.

Будни советской разведки - об этом рассказ Вадима Сопрякова, который, как мне думается, будет прочитан с большим интересом, и для молодых коллег автора он к тому же во многом окажется поучительным.

Леонид Шебаршин

Вместо предисловия

Светлой памяти военного разведчика Николая Григорьевича Ляхтерова посвящается

Вспомним, читатель, с каким трепетом и надеждой все мы встретили перестройку, первые ростки свободы - свободы жизни. Какие перспективы, казалось нам, открываются впереди. Вот, думалось, подправим наше поступательное движение - и выйдем на широкий простор светлого будущего нашей России.

Но годы летят, а дела становятся всё хуже и хуже. Везде разорение, кровавые конфликты, разбои, грабежи, торговля национальным достоянием и оптом и в розницу. Некогда огромное Отечество наше сужается в границах, где-то совсем рядом марширует натовское воинство. Америка диктует нам, как жить, с кем дружбу водить. Словом, жизнь наша, как мы все уже поняли, катится не в ту сторону, куда позвали нас сладкоголосые обещатели прекрасной жизни. Где они, все эти «архитекторы и прорабы перестройки»?.. Как говорится: одних уж нет, а те далече. В общем-то и слава богу, что их нет.

Но... появились другие, которые, как выясняется, совершенно не обременены заботой о крепости Отечества нашего и его безопасности. Хуже того, с помощью газет, радио, телевидения, полновластными хозяевами которых нынче являются эти «деятели», нам стали внушать и даже очень настойчиво убеждать в том, что патриотизм - это химера, что

нам совершенно не нужен ракетно-ядерный щит, поскольку у России врагов теперь нет, а кругом лишь одни друзья («друзья»-то, как мы уже видим, у нас такие, что, стоит лишь чуть расслабиться, сразу же в горло вцепятся), что не нужна нам и разведка, другие спецслужбы. Ну нет у нас врагов… и всё тут! Живи, Россия, спокойно. Но от этих слов нет в наших душах покоя.

А кто же у нас в героях? С горечью узнаём, что среди них оказываются самые отпетые и проклинаемые во все времена и везде, не только на Руси, предатели и изменники - сладколюбцы, готовые ради личного блага продать за «тридцать сребреников» мать родную. В этих «героях» сегодня ходят и Пеньковский, и Гордиевский, и Левченко, и Резун, и Калугин, получивший совсем недавно, кстати, гражданство США. Нет, не таков наш народ, чтобы вот так просто поверить в сказки о новых «героях». Предатель был, есть и всегда останется предателем, в какие бы тоги его ни рядили.

Моя же задача - на страницах этой книги показать читателю действительно достойных сынов нашей родины, рассказать, как они служили и работали в труднейших условиях для Отечества, и совсем не ради подачек с барского стола. Все они - люди разведки, мои коллеги.

Профессия разведчик, ставшая для меня смыслом жизни, специфическая. Овладеть ею - дело непростое. Рассказывая о ней, я прежде всего буду говорить о людях, о том, как они пришли в разведку, что им пришлось пережить. Думается, это позволит читателю самому судить - лёгкая ли эта профессия, оценить достоинства и недостатки разведывательной деятельности.

Хочется поведать читателю и о событиях в Афганистане (там мне пришлось быть в начальный период военного противостояния), показать, как воевали наши «каскадёры» - офицеры и солдаты из отряда специального назначения «Каскад» (был такой в составе КГБ СССР, и предназначался он для проведения разведывательно-диверсионных операций за пределами нашей страны). «Каскад» действовал автономно, решительно. В его задачу входило побеждать не числом, а умением. Словом, думается, что читателю будет небезынтересно узнать о деятельности «каскадёров», как говорится, из первых рук.

Профессия разведчика дала мне возможность увидеть многие страны, в некоторых подолгу жить, встречаться с различными интересными людьми. И кое о ком из них я также расскажу.

Желание написать о виденном и пережитом появилось у меня ещё и потому, что не хочется мириться с присущим нашему времени варварским отношением к истории. Сколько поколений разведчиков ушло из жизни, кто по болезни, кто по старости, а кто по воле злых, завистливых, подлых людей, и о них не написано ни слова. С каждым годом всё труднее восстанавливать их имена, узнавать правду об их самоотверженной работе и подвиге во имя России.

Вот уже несколько лет, как я на пенсии. За плечами более тридцати

лет работы в разведке. Рассказывать о своей профессии, честно говоря, в планах у меня не было. Отчасти ещё и потому, что тема эта долгое время считалась запретной, и тотальная секретность побуждала молчать о своей другой жизни даже в кругу родных и близких мне по духу друзей.

Некоторые проницательные и наблюдательные товарищи, с которыми я много и долго общался, догадывались о том, что я занимаюсь кое-чем ещё, кроме официальных посольских обязанностей, но из этических соображений, чтобы не заставлять меня придумывать легенды и выкручиваться, молчали о своих догадках и хранили это молчание довольно долго.

Но однажды мне позвонил мой добрый друг - более двадцати лет назад мы вместе работали в Японии - и предложил встретиться, посмотреть друг на друга, убедиться, что мы всё ещё живы-здоровы, вспомнить былое. Зовут его Александр. В те бурные времена он руководил бюро Агентства печати «Новости» (АПН) в Токио. Чета Фрадкиных была и, слава богу, остаётся по сей день хорошей доброй парой интеллигентных, умных, отзывчивых русских людей. В их доме было всегда приятно посидеть, отдохнуть от забот и проблем, просто пообщаться. Посольский, и не только посольский, люд тянулся к ним, в их доме всегда было полно гостей, шумно, весело. Иногда бывали и спокойные, тихие посиделки.

В тот же вечер после звонка Фрадкина мы с женой уже сидели на уютной веранде загородной дачи, любовались через широкие окна спокойным зимним пейзажем Подмосковья - «сосны в снегу» и пили чай. Шёл крупный, пушистый снег, вокруг было мирно, тихо. И спокойно текла наша беседа. Воспоминания коснулись наших родственников. Саша рассказал о своём дяде - Александре Ефимовиче Фрадкине, в честь его он был назван Александром. Судьба этого человека оказалась необычной, даже по нашим старым меркам, - видный военный, затем разведчик, сотрудник Главного разведывательного управления Министерства обороны, и ужасный по тем временам конец - 1937 год, арест и через полтора месяца расстрел. Ну а затем реабилитация, покаяние.

Мы с Александром решили, что, используя все свои возможности, постараемся собрать доступную информацию об этом человеке.

Я поведал Александру о жизни своего тестя - Ляхтерова Николая Григорьевича, также старейшего сотрудника ГРУ, которому уже за девяносто лет.

И неожиданно последовало предложение Александра:

- А не написать ли тебе книгу о твоём житье-бытье и в неё вкрапить истории наших родственников?

Вот так я и стал литератором, автором данного повествования о жизни разведчиков.

О внешней разведке писали и пишут многие. Но с этой особой сферой человеческой деятельности большинство пишущих знакомы лишь понаслышке или по книжным источникам. Сейчас наконец появились

интересные книги наших известных опытных разведчиков, посвятивших этой профессии свою жизнь, - Леонида Шебаршина, Юрия Дроздова, Вадима Кирпиченко, Николая Леонова и других. Все они в своё время были и высшими руководителями разведки в звании генералов. Я был офицером на рядовой должности и посему описываю пережитые события именно с этих позиций.

Главным побудительным мотивом написания книги, это я ещё раз хочу особо подчеркнуть, является любовь к разведке, к её сотрудникам и чувство благодарности судьбе за её щедрость ко мне. На страницах книги мне хотелось упомянуть как можно больше своих товарищей, рассказать о совместной работе, естественно, в пределах, которые позволяет моя бывшая служба. Особенно хотелось сказать о тех, кто работал в разведке в самое сложное время нашей современной истории. Удалась ли мне моя исповедь, судить Вам, читатель.

Воспоминания бодрят меня, заставляют быть активным. И что самое важное, мне приятно пройти тропами памяти по прошедшей жизни…

Автор

Под «колпаком» японской разведки

Александр был уверен, что агентурная встреча состоялась успешно. Наружки за собой перед встречей он не выявил. В обусловленное время объект его внимания спокойно сидел за крайним столиком, как и договаривались. Ничего подозрительного в вечерней обстановке небольшого кафе не наблюдалось. Беседа была короткой и вряд ли привлекла внимание посторонних. Получение материала прошло мгновенно в безлюдной туалетной комнате.

Уже на протяжении нескольких месяцев Александр вёл изучение и разработку американца - молодого офицера с важного военного объекта США, с атомного авианосца «Мидуэй», который базировался в Японии на военно-морской базе Ёкосука. Этот большой военный корабль вёл пристальное наблюдение за действиями советского военно-морского флота на Востоке, в акваториях Тихого и Индийского океанов. Информация была очень нужной для наших военных. Американцы в то время наращивали свои ядерные силы в азиатско-тихоокеанском регионе. И даже тому, кто далёк от разведки, нетрудно представить, что Александр, вероятно, выяснял, какие ядерные заряды (их мощность, количество) имеются на боевом авианосце, какие на его борту средства доставки ядерных боеприпасов, разведывал планы и возможные сроки применения оружия массового поражения, нацеленного в то время на СССР, определял степень боевой готовности потенциального противника.

Американец, похоже, хотел получить только материальную выгоду от встреч с русским, а то, что он имел доступ к интересующим Александра сведениям, сомнений не вызывало.

Разведчик не исключал, однако, что морской офицер с «Мидуэя» мог быть и хитрой «подставкой» противника.

Поэтому нужно было собрать на него как можно больше информации, проверить её по различным учётам и базам данных, выявить истинные намерения, интересы и цели будущего ценного агента. А для этого важны были личные встречи. И Александр сознательно пошёл на риск.

Встреча состоялась. Теперь нужно спокойно выйти из кафе и, затерявшись в толпе прохожих, уйти подальше с этого места. Но, выходя из кафе на улицу, Александр каким-то внутренним чутьём вдруг уловил опасность, хотя ещё и не заметил ничего подозрительного, левая рука машинально опустилась в карман, где находилась микроплёнка, полученная от американца, и пальцы сжали её. Сделав несколько шагов вперёд, он увидел угрозу - несколько человек тёмными тенями метнулись к нему, пытаясь схватить его за руки. Но Александр оказался проворнее. Он молниеносно выхватил из кармана микроплёнку и незаметно выбросил её. Ему заломили руки за спину и грубо втолкнули в резко притормозивший у тротуара автомобиль.

Так в мае 1976 года на одной из узких улочек Токио произошёл арест советского гражданина, военного разведчика Александра Мачехина.

Арест производился тайно, без огласки, без присутствия прессы, узким кругом подготовленных профессионалов. И даже на следующий день японцы долго не информировали советское посольство о том, что один из его официальных представителей находится в их руках. На запросы советской стороны они нагло лгали, что им ничего неизвестно о судьбе Мачехина.

И всё это время в застенке японских спецслужб происходил сложнейший поединок между тридцативосьмилетним советским разведчиком и очень коварным противником - японскими контрразведчиками. Говоря прямо, Александра пытали, изматывали, давили на психику, чтобы сломать, сделать безвольным и податливым. С первых минут ареста днём и ночью продолжался непрерывный допрос. Профессионалы контрразведки уверяли, что им всё известно о его агентурной деятельности.

- Вы старший офицер ГРУ, опытный разведчик, - орали они ему в лицо, - теперь провалились, вся ваша агентура нам известна. Вы конченый человек.

Александра пугали тем, что советский посол в гневе на него, что им недовольны и в МИДе СССР, что ему не простят случившегося ни резидент, ни Центр, где его только и ждут, чтобы наказать и расправиться с ним. В Москве его обязательно осудят на долгие годы тюрьмы за провал, а затем сошлют в Сибирь. Жена не будет дожидаться его возвращения, семья распадётся.

Разработчики этой акции стремились во что бы то ни стало оказать на Мачехина мощное стрессовое воздействие, запугать, обескуражить, вызвать чувство глубокого страха, растерянности и безысходности, вынудить хоть на мгновение потерять трезвый рассудок и проявить малодушие.

От Мачехина требовали ответов на вопросы из его прожитой жизни, какие учебные заведения окончил, какие специальные задачи ему поставлены, какую агентурную работу проводил в Японии. Задавали много и других не менее важных вопросов. Мачехин держался.

Примечательно, что арест был совершён спецслужбами, хотя в Японии в то время не было закона о предотвращении шпионажа против другой страны, а также не было никаких улик, которые можно было бы предъявить Мачехину в добывании им японских секретов. Арестовали его на основании некоего закона о защите американских военных секретов, разработанного в соответствии с японоамериканским оборонительным договором. Хотя такой закон является нарушением норм международного права, японцев это не остановило. И они, издеваясь над Мачехиным, угрожали судить его за выведывание не своих, а американских секретов.

Разведчику, конечно, намекали, что если он во всём сознается, расскажет, как работал против американцев, то ему будут созданы самые хорошие человеческие условия жизни. Его тихо, без огласки, выпустят из тюрьмы, и он вернётся к своей работе.

Мачехин понимал, что идёт прямая, наглая вербовка, и это придавало ему силы к сопротивлению. На допросах повторял, что он журналист, собственный корреспондент Агентства печати «Новости». И не более. Неоднократно заявлял решительный протест против ареста и содержания в тюрьме, требовал немедленного освобождения, требовал связать его по телефону с посольством СССР и своим офисом, требовал встречи с представителями этих учреждений. То есть он сам переходил в наступление против своих тюремщиков и истязателей, заявляя, что, будучи журналистом, хорошо и красочно опишет эту гнусную провокацию. Ни на какие другие вопросы не отвечал, ничего не признавал, никаких материалов не подписывал.

Александр был помещён в одиночную камеру. Это была маленькая клетка из арматурных прутьев, просматриваемая со всех сторон, как в настоящем зверинце. Узник находился под круглосуточным наблюдением надзирателей при ярком, постоянно включённом свете. Даже оправление естественных надобностей в этой клетке происходило под бдительным оком тюремщиков, что было чудовищным глумлением над человеческим достоинством. Прогулки на свежем воздухе не разрешались. Не было газет, других источников информации. Александру не разрешали встреч с женой, с советским врачом, с прессой. Все данные наблюдения, описания поведения заключённого передавали специалистам по осуществлению шантажа. Даже во время кратких, разрешённых японским министерством иностранных дел бесед Мачехина с советскими представителями надзиратели то и дело вмешивались в разговор, стремясь занять отпущенное время, часто перебивали, предупреждали, что нельзя говорить по существу дела, что могут прервать встречу. Но и в эти немногие минуты Александр успевал сообщить всё, что делают с ним в японском застенке, чего домогаются, на чём настаивают. Эти сведения давали возможность посольству выступать с требованиями в защиту

Мачехина.

Спецслужбы двух стран - США и Японии, вероятно, с самого начала не сомневались в успехе своего тайного замысла. К операции были привлечены опытные разведчики и контрразведчики, психологи, специалисты по шантажу, провокациям и запугиванию, вербовке именно советских людей. Уж очень хотелось им сломать волю этого упорного человека, каким оказался Мачехин.

С Александром Егоровичем Мачехиным я познакомился в офисе АПН, возглавляемого Фрадкиным. Мне понравился этот волевой, сдержанный человек. Но мы не могли открыто проявлять свои симпатии друг к другу, так как занимались одним делом - разведкой и не должны были привлекать постороннего внимания своим общением. Я не знал, чем конкретно занимается Александр, каков круг его интересов и задач. Это естественно, так как мы работали, как говорится, на разные «конторы». Контакт между ними поддерживался только на уровне резидентов. А когда Саша попал в беду и в местной прессе появились сообщения об аресте советского военного разведчика, мне стало ясно, что он интересовался теми же проблемами, чем был занят и я, - активно работал против американцев в Японии.

С помощью американских спецслужб японцы собрали о Мачехине определённую информацию. А помогал им в этом предатель нашей Родины - военный разведчик генерал Поляков, который сотрудничал с ЦРУ уже четверть века. Я встречался с ним ещё в Бирме. Так что американец с атомного авианосца «Мидуэй» не был «подставкой». Роль предателя Полякова в этом деле вскрылась гораздо позже, после его ареста в Москве.

Поляков оказался опасным, коварным и ловким врагом. Не чета предателю Пеньковскому. Он долго скрывал свою вторую жизнь, жизнь изменника, долго мучился, дрожал, боялся своей тени, но продолжал делать своё гнусное дело. Ну и кончил тем, чем кончают все предатели, - роковой точкой в конце жизненного пути Иуды.

По характеру Поляков вспыльчив, холоден, расчётлив. В последние годы перед арестом был замкнут, часто грубо отзывался о подчинённых и коллегах по работе. У него не было близких друзей и товарищей. Он постоянно боялся провала и не общался с опытными сотрудниками службы, боясь вызвать у них какие-либо подозрения в свой адрес.

Поляков лично знал Мачехина по работе в Центре, был хорошо осведомлён о его активной и результативной вербовочной деятельности среди американских военнослужащих ещё в период первой его длительной зарубежной командировки. По заданию ЦРУ, одной из главных задач Полякова было по всем каналам вскрывать и сводить на нет активную деятельность опасных для США разведчиков, особенно умелых вербовщиков, таких, как Александр Мачехин. Именно Поляков помог устроить эту акцию против своего молодого коллеги в расчёте на то, что нахрапистые американцы вкупе с иезуитски жестокими японскими

полицейскими сломают Мачехина и он станет тем, кем долгие годы являлся он сам.

Поляков предал многих, в том числе и Мачехина, и американца с авианосца «Мидуэй», и даже своих родных. Хитрый предатель руками своих заокеанских хозяев пытался вывести из активной работы толкового, опытного и удачливого Мачехина, но просчитался. Он, видимо, мерил Сашу на свой аршин. Но оказалось, что у изменника, как говорят, и труба пониже и дым пожиже.

Начиная операцию против Мачехина, японцы учли, что произошла смена советских послов - уехал многоопытный, уважаемый в Японии, знающий своё дело Трояновский. На его место прибыл бывший министр сельского хозяйства Полянский. Японцы тогда шутили: зачем им Полянский, у них нет целинных земель.

Выбор дня проведения операции против Мачехина был также тщательно продуман. Арест осуществлён 12 мая. Новый советский посол ещё не вручил верительных грамот японскому императору и поэтому не мог действовать официально. Кроме того, японские и американские спецслужбы, подбрасывая новому послу, как писали в прессе, «горячую дипломатическую картошку», рассчитывали обострить советско-японские отношения, создать повод для новых нападок на русских и тем самым получить возможность снова возбудить территориальные претензии к Советскому Союзу.

Я принял самое активное участие в деле освобождения Александра Мачехина из тюрьмы. Поддерживал ежедневный контакт с Дмитрием Степановичем Полянским, регулярно информировал его о ходе событий. Совместно с резидентом из военной разведки мы отрабатывали мероприятия по вызволению нашего товарища из беды.

Полянский, впервые выехавший из Советского Союза на хлопотную должность, был неопытен в таких щекотливых дипломатических процедурах. Сначала он отказывался ехать в императорский дворец на вручение верительных грамот, о чём открыто говорил в прослушиваемых японцами помещениях посольства. И только под «натиском» нашего тактичного давления Дмитрий Степанович изменил своё намерение.

Японцы, принимая участие в совместной с американцами акции против советского гражданина, вероятно, рассчитывали на то, что Полянский не сможет проявить необходимой твёрдости в этой ситуации. Но они ошиблись. Посол, как и мы, всё же случившееся принял близко к сердцу и готов был к любым шагам для вызволения Мачехина из тюрьмы.

Дмитрий Степанович пригласил жену Мачехина на беседу и уверенно сказал, что сделает всё возможное для освобождения Александра.

В самый разгар кампании вызволения, уже поздно вечером, когда всё необходимое было сделано, руководитель военных достал принесённую с собой бутылку коньяка, а сидели мы в кабинете посла, и предложил Полянскому и мне выпить за успех нашей борьбы. Я знал, что посол не пьёт крепких напитков из-за болезни желудка. Но на этот раз он не

отказался. И мы выпили за успех дела и за здоровье и стойкость Александра.

Советское посольство включилось в борьбу за освобождение Мачехина, ощущая поддержку общественного мнения и журналистского корпуса. Активно работали в этом плане также советник посольства И. Цехоня и офицер безопасности В. Садовников.

Арест Александра всколыхнул и всю журналистскую братию. Не только советские, но и западные журналисты были возмущены действиями японских спецслужб, морально поддерживали Мачехина в неравной схватке с японской государственной машиной. Саша работал в Японии под крышей Агентства печати «Новости». Коллеги читали его статьи, знали и уважали его как умного и интеллигентного человека.

В некоторых случаях журналисты действовали коллективно. В советском посольстве была организована пресс-конференция для иностранных корреспондентов. Им были продемонстрированы многочисленные публикации Мачехина почти в четырёхстах советских газетах. Много его публикаций прошло и в прессе других стран. Всё это было сделано для того, чтобы пресечь специально распространяемые слухи, что Мачехин в Японии занимался не столько журналистикой, сколько разведывательной работой.

Активно поддерживали Мачехина и иностранные журналисты. В Международном клубе журналистов, членом которого был и Александр, в местной прессе появились острые, язвительные статьи, показывающие исполнительность и готовность японских властей делать грязную работу в угоду дяде Сэму. Поэтому прессу, под всякими предлогами, не допускали для контактов ни с Мачехиным, ни с организаторами операции.

С самого момента ареста Александр был абсолютно уверен, что выдержит поединок с противником. Для него это было делом чести советского разведчика и офицера. Настойчиво протестуя, Александр, вскоре после ареста, объявил сухую голодовку (без пищи и воды), чтобы исключить изощрённые попытки применения психотропных средств, парализующих волю человека. У него не было никаких сомнений, что их применят.

Голодовка длилась пять дней. Она возымела большое воздействие на участников проводимой операции. Они сразу заметно встревожились, а затем были просто в панике. Наблюдение в камере-клетке за ним было ещё более усилено. На четвёртые сутки, когда Александру было разрешено умыться, он попытался незаметно выпить пригоршню воды. Однако это не ускользнуло от пристального внимания тюремщиков, танцующих вокруг Александра.

Они заорали:

- Пил воду, пил воду! - и поспешили зарегистрировать этот факт в специальном журнале, чтобы затем передать эти сведения шантажистам.

Голодовка продолжалась. Японцы, имевшие отношение к делу

Александра, чувствуя его твёрдость, начали оказывать давление на советских представителей, предлагая повлиять на Мачехина, чтобы заставить его отказаться от голодовки.

Зная, что на шестые или седьмые сутки сухой голодовки и соответствующего обезвоживания организма у человека начинаются галлюцинации и необратимые процессы разрушения жизненно важных органов, посольство настойчиво потребовало через МИД Японии полностью исключить возможность использования психотропных средств, заявив, что если это будет допущено, японская сторона понесёт ответственность.

В конце концов такое заверение было получено. Это была уже внушительная победа над злом. Нелегко далось и разрешение доставлять Мачехину раз в день еду из посольства. По настоянию посольства и после официальных японских заверений Александр прекратил голодовку, и на пятий день ему разрешили первый ужин, привезённый из посольства. Он знал, что еду приготовила жена. Посольские врачи дали полезные рекомендации по приёму пищи после пятидневной сухой голодовки. Все последующие дни еда в тюрьму доставлялась из посольства. Приём пищи происходил в камере для допросов в присутствии следователя, который даже в процессе еды всегда продолжал делать оскорбительные выпады.

Так, один из следователей, проводивших беспрерывный допрос Мачехина, не выдержав напряжения, бросил Саше в лицо кусок хлеба. А до этого он раздражённо говорил, что простой японец много трудился, чтобы сделать этот хлеб. Японец, дескать, делится хлебом с арестованным, а последний отказывается его есть. Такова вот была логика «гуманных» провокаторов.

Давление на разведчика между тем не только не прекращалось, но даже постоянно наращивалось. Противники всё ещё тщетно пытались использовать все силы и средства, весь арсенал воздействия в интересах достижения своих целей. Активно применялось грубое физическое воздействие. Трое здоровых тюремщиков однажды решили снимать отпечатки пальцев Мачехина. Он отказался от этой процедуры. Молодчики хотели заставить его силой. Александр оказал сопротивление. Его калечили, выламывали руки, наносили удары по болевым точкам. Таким образом проводилась процедура тюремного фотографирования (как будто у них не было фотографии Мачехина). Его голову зажимали могучими руками, как тисками, крутили туда-сюда. По нескольку раз в день надевали наручники, как будто имели дело с опасным рецидивистом. Это была явная демонстрация пренебрежения к человеческому достоинству арестованного. Известно, что для достижения своих намерений японцы не останавливаются ни перед какими жестокими методами и пытками.

Александр своим поведением показывал противнику, что не боится его, требовал прекращения насилия, издевательств и всей этой грязной провокации.

Стойкостью Мачехина восхищались даже рядовые японские тюремные надсмотрщики. Они, днём и ночью наблюдавшие за состоянием и поведением Александра, не смогли удержаться от того, чтобы не выразить своего восхищения его мужеством. Эту стойкость отмечали также иностранные, и даже японские, журналисты.

Всё это и незнание, что же делать дальше, вынудило противника отработать задний ход. На десятые сутки после ареста, когда надо было принять решение, начинать ли судебный процесс, Мачехина привезли на допрос к генеральному прокурору. Он сделал последнюю попытку склонить Мачехина к измене Родине, потребовал признаний в работе против американцев. И когда лично убедился, что всё морально-психологическое и физическое давление на русского не даёт желаемых результатов, принял решение об освобождении Мачехина из тюрьмы. Японцы сняли шляпу перед мужеством и стойкостью нашего разведчика.

После освобождения в прессе был поднят пропагандистский шум. Японцы постарались поскорее удалить Мачехина из Страны восходящего солнца. Конечно, если бы он остался в Токио, он смог бы разоблачить перед своими собратьями по перу, да и всей японской и мировой общественностью, неприглядные дела американских спецслужб в Японии, пособничество и угодливость в таком грязном деле японских официальных кругов. Но Александр уважал эту страну, интересовался её историей, нравами и обычаями жителей. А на практике познал и другую сторону характера японских служителей Фемиды.

Нельзя считать этот эпизод простым провалом разведчика. Если бояться таких действий противника, то не стоит заниматься разведкой. Разведка - это всегда риск. А в данном случае Мачехину противостояли и мощное с богатым арсеналом средств ЦРУ США, и иезуитски хитрая и коварная японская контрразведка, обеспеченные необходимой информацией, в том числе и сведениями предателя Полякова.

Мачехин с достоинством вышел из всей этой истории. Он до конца держался легенды, что является журналистом и другой деятельностью не занимается. Это подтверждали и его многочисленные публикации, особенно острые статьи на социальные темы, о чём другие наши журналисты писать не рисковали. А хорошо писать он умел. Журналисты разных стран приняли бы его в свои ряды, считая своим собратом по перу. Потому морально поддерживали Мачехина, когда он находился в одиночной камере-клетке.

Никакие запугивания провести в Японии суд над Мачехиным не возымели на него устрашающего воздействия. Разведчик заявил, что на суде он разоблачит существующую опасность японо-американского агрессивного военного сговора, наращивания в регионе ядерных и других сил, провокационные их действия против Советского Союза и его официальных представителей в этих странах.

После освобождения Мачехина Полянский, резидент военных и я встретились с ним. Поблагодарили его за стойкость и проявленный

характер, отметили мужество в необычайной обстановке. Можно было подвести некоторые предварительные итоги нашей совместной борьбы против двух спецслужб противника - американской и японской.

Первый и главный вывод из этой истории: Александр Мачехин, проявив высокую профессиональную подготовку, хладнокровие, мужество, упорство, волю - одним словом, героизм, не поддался на все ухищрения противника, не сломался. Он отказался быть предателем и служить врагам своей Родины. Александр дал противнику ясно и твёрдо понять, что он не просто рядовой человек с присущими ему слабостями и недостатками, а очень порядочный, жёсткий к себе и твёрдый к врагам человек.

Следует особо отметить, что все действия Мачехина были правильными. Я не знаю, как была отмечена руководством ГРУ его стойкость. Его поведения, к большому сожалению, не поймут те люди, которым никогда не приходилось действовать в сложных ситуациях и проявлять величие своего духа. И если даже Александра не отметили, то это объяснимо тем, что предатель Поляков, работая тогда в Москве, мог сыграть свою неблаговидную роль. Поляков тогда втёрся в доверие ко многим высокопоставленным чинам ГРУ и ему нетрудно было влиять на ситуацию.

Второй вывод сводится к необходимости предупреждения предательства в разведке. Мачехин - лишь одна частица того ущерба, который нанесён советским спецслужбам предателями масти Полякова.

И третий вывод из этой японской истории - не все советские граждане одинаково восприняли арест нашего разведчика. Помнится, двое советских журналистов, в частности корреспондент газеты «Правда», отказались подписаться под общим обращением нашего журналистского корпуса к японским властям с протестом против ареста своего коллеги. Свой отказ они мотивировали тем, что боялись репрессий со стороны японских властей, - в это время решался вопрос о продлении им виз на пребывание в Японии. Видимо, каждому своё - кому тюрьма, а кому сладкая безбедная жизнь за границей.

Один из советников посольства, фамилию его за давностью события я забыл, также проявил свою дипломатическую «галантность». Когда он прибыл в тюрьму на разрешённую местным МИДом очередную встречу с Мачехиным, ему сообщили, что, дескать, приёма нет. Поверив в эту выдумку, советник сразу же с облегчением удалился домой. Он не захотел обострять отношения с местными властями. Такая «дипломатия» отражалась на здоровье Мачехина, которому в то время как воздух нужна была моральная поддержка советского посольства.

Александра Мачехина тепло встретили в Центре. Он остался в разведке, продолжал плодотворно работать в Москве на пользу Родине. Как и я, побывал в Афганистане. И не был осуждён, не был сослан в Сибирь, как пугали его японцы. Закончил адъюнктуру, защитил диссертацию на актуальную тему. Затем долго преподавал в академии,

стал доцентом. С любовью воспитывал и обучал молодых разведчиков. Ему было чем поделиться с молодёжью, передать им хотя бы частицу железной стойкости, которой обладает сам.

Выйдя на пенсию, полковник Мачехин занялся несколько иной работой - он полностью отдался творчеству. Подготовил и издал на память своим потомкам и всем, кто хочет быть достойным гражданином России, две очень полезные и умные книги.

Жизненный опыт Мачехина может оказаться полезным не только разведчику, но и любому гражданину, который, оказавшись в подобной ситуации, мог бы следовать его примеру. Он учит, что выстоять можно.

А каково было Лидии, жене Александра Мачехина? Она, как всегда, нервничая, ждала его дома в тот злополучный вечер. Такого никогда не было, чтобы Саша домой не пришёл, - и тревога сжала её сердце. Она металась в четырёх стенах токийской квартиры. Ведь не поделишься с соседями своими тревогами о судьбе мужа. Они не знают, что Александр, кроме журналистики, занят и другой важной и рискованной деятельностью. Условным сигналом Лида сообщила в резидентуру о недобром. В терзаниях и всевозможных догадках прошла ночь и наступил день. Это, пожалуй, самое худшее в жизни жены разведчика, когда не знаешь, где муж, что произошло. В голову лезут самые страшные предположения.

Наконец японская сторона под давлением советского посольства сообщила об аресте советского гражданина во время встречи с американцем. Для Лиды это сообщение теперь внесло хоть ясность - муж в руках японских спецслужб. Ну а дальше пошли кошмарные дни её мучений и переживаний. Стало известно, что делают с ним в тюрьме, что он объявил сухую голодовку. А Лида знала своего мужа: он всё делал продуманно, обстоятельно и серьёзно. Она верила, что он выдержит. Даже смерть не вынудит его сдаться. О своей уверенности она твёрдо заявила послу и резиденту.

Бедные наши жёны, каких только переживаний не выпадает на их долю. Разведчику легче - он сам решает, как поступить, и, приняв решение, идёт до конца. А каково жене! Ведь трудно готовить их к самому худшему. Но жизнь есть жизнь, и слава богу, что наши жёны нас хорошо понимают. А это значит, что наш тыл обеспечен.

Три гола в Японии

Уж коли я начал свою книгу с рассказа о том, что приключилось с нашим разведчиком в Японии, то и продолжу свой рассказ о том, как я попал в эту удивительную страну - целую своеобразную восточную цивилизацию.

В Японию я приехал в начале 1975 года. Неожиданно меня вызвал к себе начальник отдела и сообщил, что решением руководства службы я направляюсь на работу за границу и мне необходимо срочно приступить к подготовке в эту командировку. Мои возражения, что я не знаю

специфики этой страны и японского языка, на начальника не произвели никакого впечатления. Он заявил: решение принято и надо его выполнять. А у меня были надежды и планы два-три года поработать в Центре.

Служба есть служба. Я приступил к интенсивной подготовке. Со мной беседовали заместители начальника нашей «конторы» Старцев и Попов. Василий Иосифович (Дядя Вася) продолжал убеждать меня в том, что моё место «в поле», в боевой обстановке, а кабинетная работа от меня не уйдёт. Спорить с ним я не мог. Его убеждённость зажигала и меня. А вот Юрий Иванович Попов соглашался с главным моим доводом, что незнание японского языка будет отрицательно сказываться на моей деятельности. Тем не менее сказал: «Обстановку ты изучишь на месте, страну познаёшь в ходе поездок по ней. Важно, что у тебя очень большие перспективы в работе с американцами. Там их очень много, и они чувствуют себя в Японии как у себя дома. Тебе и все карты в руки». Попов неоднократно повторял, что моя основная цель в Японии - работа против американцев. «Пусть тебя не смущает, - говорил он, - что ты по совместительству будешь заниматься и вопросами обеспечения безопасности работы нашего посольства, это временно, потом эти обязанности будет исполнять другой человек».

К уговорам этих двух генералов присоединился и третий генерал - Дмитрий Александрович Ерохин - резидент нашей разведки в Токио. И я сдался. Но, видит бог, не хотел я ехать в Японию. И, как потом оказалось, не зря: удовлетворения от работы в этой стране я не получил. Хотя Япония и японцы мне очень понравились. Это замечательная страна, с богатейшей историей и традициями. Живёт в ней умный и трудолюбивый народ. Главный лозунг страны - в конкурентной борьбе выживает сильнейший. Как хорошо бы было побывать там просто туристом.

Как позже я выяснил, генерал Ерохин предложил поехать на работу в Японию ещё одному нашему разведчику, работавшему в одной из азиатских стран. Этот человек, будучи очень толковым, подготовленным и хорошо образованным специалистом, оказался плохим организатором работы коллектива. Возглавляя одну из небольших резидентур в Азии, он совсем не занимался проблемами коллектива, пустив всё на самотёк. Этим воспользовался его заместитель, который разложил несколько разведчиков, посещая с ними всякие злачные места. Всю эту команду пришлось срочно вывозить домой.

Ерохин понадеялся на способности этого человека, на то, что он сможет активно работать на новом месте, потому и взял его с собой в Токио. Но надежды резидента не оправдались. Всё закончилось тем, чем, видимо, и должно было закончиться. Этому работнику пришлось покинуть страну. Резидентура так и не получила от него ожидаемой пользы.

Стремление Ерохина ввести в состав резидентуры новых людей, не японистов, имеющих опыт оперативной работы в других азиатских странах, объясняется, на мой взгляд, следующим. Работая в Индии, ему удалось создать работоспособный, дружный, полный энергии и энтузиазма коллектив. Этому способствовали хорошие личные отношения

с послом Николаем Михайловичем Пеговым, видным политическим деятелем того времени. И резидентура в Индии работала успешно.

Через год, присмотревшись к работникам на месте, Ерохин решил активизировать деятельность токийской резидентуры по примеру делийской. И с присущей ему энергией взялся за дело. Но японский коллектив даже по общему отношению к работе, чувству коллективизма заметно отличался от индийского. Там были романтики, энергичные, не лишённые разумного риска люди, прибывшие в новую для себя страну. Японисты же - специфическая каста. Этому способствовал их предварительный тяжёлый труд по изучению японского языка, японских традиций, японской истории. Зная только японский язык, они были крепко привязаны к этой стране. Страх потерять это место не то чтобы сковывал их, но заставлял быть прагматиками, реалистами. Они не то чтобы боялись риска, риск вообще не входил в их планы работы. Это, видимо, чувствовал Дмитрий Александрович и пытался влить свежую кровь в устоявшийся коллектив.

Его отношения с Олегом Александровичем Трояновским, по какой-то неизвестной мне причине, не сложились или шли не по тому руслу, как было с Пеговым. Я слышал, что они по-разному подходили к решению вопроса о японских претензиях на Курильские острова. Как я знаю, Ерохин был против любых территориальных уступок Японии. Ведь раньше он был пограничником, смешно от бывшего стража наших рубежей ждать уступчивости в этом вопросе. Он мог стоять только насмерть за каждую пядь земли. Я и сам был морским пограничником. И знаю, если уступить японцам четыре острова, то открываются наши внутренние моря, нарушается наша экономическая зона. Более того, Япония являлась, да и сейчас является, стратегическим партнёром США. В Японии полно американских военных баз. Как же можно, в таких условиях, говорить о пересмотре наших сложившихся после Великой Отечественной войны морских границ. В голове это не укладывалось. Политическая целесообразность, дипломатический подход - всё это, возможно, было не для Ерохина. Трояновский - потомственный дипломат, его отец в своё время был послом СССР в Японии. Я ни разу не слышал споров Ерохина с Трояновским. И Дмитрий Александрович мне ничего не говорил о своих взаимоотношениях с послом.

Перед самым выездом в Японию меня принял заместитель председателя КГБ Пирожков. Помимо обычных напутственных слов, он сказал, что я должен быть посредником между Ерохиным и Трояновским, приложить максимум усилий, чтобы сгладить противоречия между ними. Глубокого смысла этих слов я не понял, но уточнять не решился.

Ранней весной 1975 года я и моя жена прибыли в Токио. Удивительное это было путешествие. Самолётом до Хабаровска, поездом до Находки и пароходом по бурному морю до Иокогамы. Мы любовались просторами нашего Отечества, видами Страны восходящего солнца с моря. А затем нас на машине привезли в Токио. Огромный город произвёл на нас особое неизгладимое впечатление - небоскрёбы, дороги из бетона

над городскими улицами и конечно же его жители. Здесь нам предстояло прожить три года.

На первой же встрече с резидентом я сообщил ему о содержании своей беседы с Пирожковым. Дмитрий Александрович никак не прокомментировал услышанное, посоветовал мне активно включаться в работу резидентуры.

Приступив к изучению обстановки, я убедился, что Токио, будучи очень большим и запутанным городом, является удобным для работы разведчика местом. Много больших и малых гостиниц, ресторанов, кафе. Появление в ресторанах двух европейцев не вызывает интереса и подозрений. Много мест общественного пользования, прекрасные парки. Есть удобные улицы для проверки на наличие за собой «хвоста». Развита сеть общественного транспорта, линии метро связывают различные районы.

С первых же дней пребывания в Японии я стал объектом наблюдения местной контрразведки. «Хвост» ходил за мной от самого посольства до любых мест, дожидаясь моего выхода, чтобы старательно сопроводить меня до самого дома. Излюбленным местом наблюдателей был пост прямо напротив въездных ворот. Иногда наблюдатели меняли тактику - и то на коротком, то на длинном поводке пасли свой (то есть меня) объект внимания. Периодически показывали, что «бросили» жертву или «потеряли» её. Но через несколько кварталов или даже в соседнем районе «хвост» появлялся вновь.

Такая «забота» продолжалась и когда я был не один. Однажды с женой в компании наших друзей Александра и Маши Евдокимовых и семейства Кепко мы отправились в магазины. Наружка пошла следом. В больших магазинах нужно было пользоваться лифтами. Ребята из наружного наблюдения спокойно шли за нами на определённом удалении. Но когда мы всем здоровым коллективом сели в лифт, двое из них почему-то решили, что мы хотим скрыться, и бросились в ту же кабину лифта. Это было настолько открыто и непривычно для поведения обычных японцев, что жёны моих друзей даже испугались. Ребята-«пастухи», соблюдая традицию сотрудников наружки - никогда не смотреть в глаза объекта наблюдения, подняли глаза вверх, переводя дыхание от спешки.

Выйдя из лифта, женщины набросились на меня, прося объяснить, что это было. Я спокойно ответил им, что эти парни - «моя личная охрана», приставлены ко мне японским правительством, и нет повода для беспокойства. Боюсь, наши милые женщины не поверили мне, но после этого случая иногда старались разглядеть в толпе моих «телохранителей». А так как они периодически менялись, то без навыков обнаружить их было сложно.

Освоившись с городом, я принял на связь двух агентов. Они были европейцы. С подбором мест встреч с ними проблем у меня не возникало. Важно было уйти от наружного наблюдения, в чём мне помогали мои коллеги. За время работы в Японии я не дал местной спецслужбе, да и

американцам, возможности зафиксировать мой оперативный контакт, на встречу с агентурой приходил без «хвоста». Хотя работала служба наружного наблюдения Японии, нужно отдать ей должное, хорошо.

Моя группа в резидентуре была небольшой, работали в ней в основном молодые, энергичные люди, все стремились добиться успеха. Свою задачу я видел в нацеливании людей на конкретные участки, где необходимы были прорывы и информация, расширение агентурной базы. И офицеры понимали необходимость быть активными. Хотя кое-кого приходилось подстёгивать, приводя в пример усилия, прилагаемые товарищами. А некоторых, наоборот, нужно было сдерживать, чтобы не тратить силы впустую, не совершить ошибок и просчётов. Работа приобретала более целенаправленный характер и улучшалась. Медленно, но дела шли вперёд.

Сразу после нашего прибытия в Токио Ерохин представил меня послу, очертил ему круг моих обязанностей. К Трояновскому я относился уважительно, мне нравился этот спокойный, рассудительный, умный человек, хорошо знающий своё дело.

Как-то произошёл со мной один случай, чуть не закончивший мою, так хорошо начинавшуюся карьеру в Токио. На острове Окинава летом 1975 года открылась всемирная выставка ЭКСПО-75. В составе участников выставки работали и советские представители. Что-то там произошло - и потребовался мой срочный приезд на остров. Чтобы не смущать японцев, решил с собой в эту поездку взять жену, причём все расходы по её поездке взял на себя. Японцы должны были поверить, что лечу я туда с женой, чтобы познакомиться с мировыми достижениями в освоении океана. Помню, в посольстве мой поступок вызвал удивление - бросает такие деньги на ветер, взяв жену в поездку. Но «лишать жену возможности взглянуть на Окинаву» я не мог. Там было столько американских боевых самолётов, целые американские воздушные базы, так что пара лишних глаз была не лишней.

Действуя как в других странах, я предупредил нашего уважаемого консула, что лечу на Окинаву, взял у него наши паспорта. Офицер безопасности посольства отвёз меня на аэродром, и мы улетели. Не помню, заметил ли я в тот день за собой наружку.

Прилетели на остров. Нас встретили и повезли в городок ЭКСПО. Ехать было далеко, и я обратил внимание, что встретившие меня товарищи почему-то нервничают. В это время мы проезжали мимо тех самых американских баз ВВС. Я прямо спросил товарищей, в чём дело? Они, повертев головами во все стороны, с удивлением заявили, что не понимают, что происходит, почему-то за нами отсутствует наружка. Такого раньше, по их утверждению, ещё не случалось. Я хотел было пошутить, что они испугались меня и жены, но и сам задумался. И здесь меня осенило - не может быть, чтобы наше посольство не предупредило МИД Японии о моей поездке. А было именно так.

В тот же день связался с офицером безопасности по телефону и

попытался выяснить, направлено ли предупреждение посольства в японский МИД. Но говорил это всё, конечно, иносказательно, так как если бы слушавшая меня контрразведка поняла, что я нахожусь на Окинаве без разрешения МИДа страны, она бы сразу же могла заняться привычным для неё делом - устроить провокацию. Офицер безопасности заверил меня, что всё хорошо и нет оснований для каких-либо беспокойств.

Решив все дела на острове, мы через три дня вернулись в Токио. Прямо в машине, возвращаясь из аэропорта в город, я спросил встречавшего товарища о ноте в МИД. Он ничего не знал. Приехав в посольство, выяснил, что никто и не собирался эту ноту посылать в японский МИД.

Я сразу же прошёл к послу и рассказал обо всём, как было. Он успокоил меня и при мне позвонил в МИД. Японцам объяснил, что произошло недоразумение, наша канцелярия позабыла направить необходимую ноту о поездке сотрудника посольства на Окинаву. И проблема была решена. Трояновский быстро оценил ситуацию и сразу же разрешил её одним телефонным звонком. Эти решительные действия посла только подняли его авторитет в моих глазах. Они показали, что он способен защищать своего работника в сложной ситуации, возникшей на пустом месте.

Как-то Ерохин сообщил мне, что второй его протеже ведёт себя не совсем корректно, пытается диктовать ему, с кем ему дружить, а кого следует игнорировать, вмешивается в вопросы, являющиеся компетенцией только резидента. Позднее он сказал, что принял решение откомандировать этого работника домой. Я поддержал его решение, и офицер вернулся в Союз.

С этого момента начались все неприятности как у Ерохина, так и в резидентуре. Этот слаженный механизм как-то сам разладился, и наступили сложные времена для разведки в Японии. Дмитрий Александрович выехал в Москву в отпуск и больше в Токио не вернулся. Мы остались без инициативного и твёрдого руководителя.

А в Москве творились какие-то сложные, скрытые от постороннего внимания, жестокие действия. Ерохина убрали из разведки, ушёл из неё и заместитель начальника Старцев. По моему твёрдому убеждению, Ерохин кому-то очень мешал в руководстве разведки. Этот активный, напористый, умеющий работать разведчик кого-то не устраивал своей масштабностью и, возможно, претензией на более высокую роль в руководстве. Наверное, были у него свои отрицательные качества, а у кого их нет, особенно когда нужно делать не совсем чистое и острое дело, коим является разведка. Ерохина убрали «в интересах дела», ломая и нарушая движение всё того же дела. Говорят, что пути Господни неисповедимы. Но эти действия творились не Всевышним, а земным человеком.

Через какое-то время уехал из Японии и посол - Олег Александрович Трояновский. Этот мудрый и многоопытный дипломат работал после этого

долгие годы в ООН, был послом в Китае.

А жизнь в Японии продолжалась, продолжалась и работа нашей резидентуры. Через какое-то время на место Ерохина прибыл новый человек, со своими взглядами на деятельность нашего коллектива.

В Токио я познакомился со многими интересными людьми. С таким, например, замечательным человеком, как Георгий Михайлович Чхеидзе. Был он тогда заместителем генерального директора совместной советско-японской компании «Юниориент». До Японии в течение тринадцати лет плавал на наших морских судах по всему миру, базируясь во Владивостоке. Этот весёлый и общительный человек, морской волк (не шутка быть столько лет капитаном дальнего плавания) привлёк меня своей открытой морской душой. Меня, бывшего морского офицера, всегда тянуло к таким испытанным морем и морскими трудностями людям. Мы подружились семьями, периодически вместе ездили по стране. А знал он Японию отлично, умудрился освоить сложный японский язык. Удивительные люди моряки! Настоящими моряками становятся, видимо, только талантливые и с богатым душевным потенциалом люди. Георгий Михайлович после Японии пять лет возглавлял Грузинское морское пароходство. Поднял его с колен и сделал процветающим. Грузия, вероятно, до сих пор благодарна ему за это. Потом этот русский грузин в течение шести лет был генеральным директором смешанной германо-советской транспортной компании «Транснаутик». В Германии он овладел немецким языком и научился понимать душу и сердце своих коллег - немцев. Не зря немцы, после ухода Чхеидзе на пенсию, предложили ему открыть в Москве представительство своей фирмы «Саламандер». И было это в самые бурные, тревожные, перестроечные времена в России. Славный моряк, став деловым человеком, справился и с этой задачей.

Там же, в Японии, мы с женой подружились семьями с Александром Фрадкиным и его супругой. Александр - японист, знал язык, историю, нравы и обычаи японского народа. Был настоящим другом Японии, и японцы любили и уважали Фрадкин-сана. С помощью Александра я ближе познакомился с Японией. Мы вместе путешествовали по стране, любовались её природой и достопримечательностями.

Однажды на два дня выехали в старинный, расположенный в лесистой местности, деревянный японский дом. Окунулись в обстановку японского быта столетней давности. Дом был огромным, по японским стандартам, древним сооружением. Сложен он был из толстых, почерневших от времени брёвен, с типичной планировкой давних времён, без всяких навязчивых современных удобств и излишеств. В центре дома - большой холл-гостиная с выходом прямо на улицу. На полу рисовые циновки, в центре комнаты - место для огня и приготовления пищи. По бокам большой комнаты располагались меньшие по размеру комнаты-спальни с обычными для японцев спальными напольными матрацами. Все удобства и душевая располагались в дальнем углу дома. Дом окружали типичные японские лужайки с неизменным валуном у входа в дом и старой сосной перед въездом на участок.

Александр показывал нам древнейшие японские храмы, которым было много столетий, возил в другие примечательные места этой загадочной и прекрасной островной страны. С помощью Александра Фрадкина я с женой и сыном побывал на могиле легендарного военного разведчика Рихарда Зорге. Мы молча возложили цветы к праху героя от имени благодарных потомков. Проведя два дня в древней Японии и, заряженные положительными эмоциями, вернулись в шумный, пыльный Токио.

В Японии я продолжал, как и в предыдущих странах, поддерживать неофициальные контакты с сотрудниками ЦРУ США. На этот раз я остановил свой выбор на молодом, толковом американце, хорошем специалисте по Китаю, Флойде Пэйсмэне. Флойд и его жена Джорджия были приятной общительной парой, у них был симпатичный малыш, которого они воспитывали в спартанском духе. Моей супруге Лидии и мне нравились эти американцы, было приятно провести вечер у них, послушать песни хозяина дома под аккомпанемент американской гитары-банджо. Это было нормальное человеческое общение нормальных людей. Оставались в стороне, за стенами дома, те обстоятельства, которые делали нас противниками и в других, драматических условиях, заставляли рассматривать друг друга только в прорезь прицела боевого оружия.

Я чётко представлял себе, что мой контакт с Пэйсмэном контролируется ЦРУ, что они меня изучают. Но сколько можно было им изучать меня? Уже прошло более 15 лет с момента моего первого контакта с представителем американской разведки. Я знал, что они именно таким образом следят за мной: замыкают на своих доверенных лиц и уводят тем самым от других американцев. Ну и хорошо, что они так думают, полагал я. Ведь я-то делал не так, как им хотелось, а по-своему, и у меня хватало времени и энергии и на внимание к другим американцам.

Пэйсмэн, будучи специалистом по Китаю (а в те времена эта страна раздражала нас не меньше США), ввязывался в беседы по китайским проблемам, по американско-китайским отношениям. Да, можно было ожидать, что американцы будут передавать мне дезинформацию по этим вопросам. Но «деза» не будет голой, они должны одевать её в какие-то одёжки, то есть сообщать и правдивые сведения. Так я получил от Флойда информацию о состоянии здоровья Мао, он первый же сообщил мне весть и о его смерти, и о том, какова будет политика США в отношении Китая в новых условиях. Это говорилось в момент эмоционального подъёма, и многое было правдой. Центр попросил уточнить у Пэйсмэна некоторые детали и затем подтвердил, что эта информация ценная, правдивая. Хоть крупица, но в общем котле и она на пользу.

Пэйсмэн продолжил традицию своих коллег, он откровенно сказал мне, что его руководство планирует направить его заместителем резидента в Бирму. Попросил рассказать о Бирме, о климате, об условиях жизни в этой азиатской стране. Правда, он «забыл» сказать об одной детали: его руководители сообщили ему о том, что ранее я работал в

Бирме. А я ему до этой беседы о Бирме не говорил. Такой просчёт американца я воспринял спокойно. Мы с Лидой с удовольствием поведали ему об условиях жизни в экзотической Бирме, на что следует обратить внимание, чтобы уберечься от местных болезней.

В Японии вместе со мной работал наш большой специалист по ЦРУ - Юрий Т. О нём ходили легенды среди коллег. Говорили, что даже если Юрия разбудить внезапно ночью и назвать ему фамилию американца - предполагаемого сотрудника ЦРУ, то он без задержки сообщит: работал там-то, сейчас находится там-то. Обладая отличной памятью, упрямым характером, Юрий был настойчив в достижении поставленной цели, был смелым и решительным разведчиком. Мне приходилось сдерживать его порывы, но работать ему я не мешал. Однако однажды он заявил мне, что хочет проникнуть в помещение резидентуры ЦРУ в американском посольстве в Токио. Я, естественно, усомнился. На мой вопрос, а что это даст нам, вразумительного ответа я не получил. И поэтому предложил отказаться от такого шага. При мне Юрий этот поход не совершил, но что было после моего отъезда из Японии - не знаю.

В нашем небольшом коллективе в Токио трудился Михаил Сергеев, опытный работник, добрый человек. Он вёл разработку японского полицейского. Работать с такой категорией лиц было трудно, не многие рисковали браться за это дело. А Михаил взялся и развивал свой успех. Центр торопил нас, требуя ускорить вербовку японца.

Сергеев начал нервничать, его можно было понять, так как у него был не дипломатический, а служебный паспорт. Я обеспечивал безопасность Сергеева, выезжая с ним вместе на встречи с японцем. Но в контакт с ним я не вступал - это несколько ободрило Михаила. Так мы провели несколько встреч. Затем пошли сбои во встречах. Это насторожило нас, и резидентура предложила Центру временно законсервировать работу с японцем. Центр согласился, какое-то время мы выжидали. Но как бывает в таких случаях, появилась острая необходимость в информации из местной полиции, и нас опять стали торопить с завершением работы по японцу.

Мы выехали с Сергеевым на встречу с нашим «объектом». Нам удалось перехватить его у дома и договориться о деловом разговоре на следующий день в городе. Место будущего рандеву мы подобрали заранее, и японец согласился туда прийти. Сергеев отметил, что в ходе этой короткой беседы наш объект нервничал, озирался вокруг и не очень охотно согласился на восстановление контакта. С учётом этого обстоятельства я решил место будущей встречи обеспечить контрнаблюдением. Были выделены два наших опытных разведчика, имеющих дипломатические паспорта, которые могли, в случае необходимости, предупредить Сергеева об опасности и прикрыть его. И эти меры оказались не лишними.

В парке, где должна была состояться встреча, на первый взгляд, всё было спокойно, ничего подозрительного наблюдателями отмечено не было. Но каждый из наших работников отлично понимал, что это спокойствие может быть обманчивым. Точно в назначенное время на

месте встречи появился Сергеев. Он также не отметил ничего подозрительного, но не было того, кого он должен был встретить здесь. Подождав несколько минут, Сергеев направился к выходу из парка, поближе к нему подтянулись и наблюдавшие за обстановкой товарищи. В этот момент к Сергееву подошёл неизвестный ему японец и, не представившись, сообщил, что они знают, кого он ждёт здесь. «Он не появится здесь, - продолжил японец, - и вы можете спокойно уезжать из Японии, мы не будем вас задерживать. - Он выразительно взглянул на маячивших в стороне наших офицеров. Мы не будем чинить препятствий вашему отъезду из страны, - повторил японец, - но вы должны поторопиться». Сказав это, японец ушёл. Стало ясно, что произошёл провал в нашей работе в Японии. Сергеев был известен противнику, и надо было срочно его вывозить из страны.

Я подробно отчитался перед Центром о случившемся, сообщил, что Сергеев ближайшим пароходом выезжает в Союз. Через день в Токио поступил грозный окрик генерала Калугина, в то время он руководил службой КР в разведке (КР - контрразведка). Смысл этого грозного послания сводился к одной фразе: «Что это за демонстрацию вы устроили на месте встречи?» Ну раз генерал не смог правильно оценить обстановку на месте встречи, мне пришлось ему объяснить, и я ответил, что мне было бы сложнее доставать Сергеева из японской тюрьмы. После этого объяснения вопросов больше из Центра не поступало.

А обстановка вокруг Сергеева в Токио сгущалась. За его домом велось круглосуточное наблюдение. По нашей рекомендации Михаил не выезжал из дома, где находились его жена и маленький сын. Наконец наступил день прощания с Японией. Наши товарищи спокойно, без помех, доставили Сергеева и его семью на наш пароход, и все вздохнули облегчённо.

Японцы также устроили «пышные» проводы нашего разведчика. Такого скопления машин наружного наблюдения и «товарищей в штатском» мы не наблюдали даже во время проводов более именитых гостей Японии. Михаил, естественно, очень нервничал в эти последние дни. Мы все старались поддержать его морально, при нём постоянно находились наши люди. Он навсегда покинул японскую землю, сделав всё, что мог, для нашего ведомства. Словом, в нашей жизни бывают и печальные проводы.

Сергеев ещё долго работал на пользу Отечеству, а потом ушёл на пенсию. Я знаю, что он с теплотой вспоминал годы, проведённые в Японии.

А жизнь и работа резидентуры продолжались, продолжались и наши неприятности. Внезапно на наши головы, на японский остров Хоккайдо сел МИГ-25 «С». Этого нам только, как говорится, не хватало для остроты ощущений. А дело было так.

Начинался обычный рабочий день в посольстве СССР в Японии. Ничто не предвещало неприятностей, потрясений, чего-то необычного. Я пришёл

на работу несколько раньше, взял местные газеты и поднялся в свой кабинет.

И вдруг как гром среди ясного неба сообщение по радио: на остров Хоккайдо, в районе Хакодате, сел советский МИГ-25, суперсовременный в то время боевой истребитель. Лётчик стоит возле самолёта и, угрожая пистолетом, никого к машине не подпускает.

Первая мысль, пришедшая в голову, - что-то случилось с техникой. Машина вышла из повиновения, и пилот был вынужден посадить самолёт на чужой территории. Иначе зачем же ему угрожать японцам оружием, не подпускать к самолёту. Надо как-то срочно связаться с лётчиком, оказать ему помощь и думать, как спасать секретную боевую технику. Одновременно с этим следует срочно проинформировать Москву о случившемся, предложить первичный план действий.

У читателя может возникнуть вполне естественный вопрос: почему это именно я, разведчик, был всем этим озабочен? Дело в том, что я тогда был заместителем резидента КГБ в Японии и в числе прочего в мои обязанности входило обеспечение безопасности резидентуры и всех советских граждан в Японии. Под моим руководством работал офицер безопасности, официальный сотрудник посольства, обеспечивавший связь с местной полицией. Японская администрация была надлежащим образом извещена, что он является сотрудником КГБ, отвечающим за безопасность посольства и советских граждан. Следует заметить, что подобные должности есть практически во всех посольствах любой страны.

Итак, всё необходимое в таких случаях было сделано: срочно проинформировали Москву, и наши представители готовились к поездке на Хоккайдо. Дело несколько осложнялось тем, что в Японии существуют ограничения на передвижение советских людей по территории страны, и, чтобы куда-нибудь поехать, требуется испросить соответствующее разрешение у японского МИДа. Проще в этом смысле было нашим журналистам, бизнесменам.

Между тем радио продолжало периодически сообщать о случившемся. Оказалось, что взлётно-посадочная полоса в аэропорту Хакодате была короче необходимой для посадки таких самолётов. Истребитель проскочил её всю, съехал и застрял в грунте далеко за её пределами. Лётчик по-прежнему находится возле самолёта и никого к себе не подпускает.

Как позднее выяснилось, и у японцев были якобы мысли - не торопиться подходить к истребителю и вступать в контакт с лётчиком. Они даже думали, что в считанные часы другие советские самолёты сядут на Хоккайдо и морская пехота возьмёт под охрану злополучный МИГ. В худшем варианте Советский Союз просто уничтожит этот самолёт с воздуха. Поэтому никто не хотел попадать в возможную военную операцию, лезть на рожон.

А время шло, и драма развивалась по не известному никому сценарию. МИД Японии не торопился с ответом на запросы советского

посольства, Москва молчала, военные на российском берегу пребывали в растерянности, толком не понимая, что же произошло на самом деле. Естественно, никто у нас и не помышлял о проведении военных операций на иностранной территории.

А предпринять что-то было совершенно необходимо.

Попытки представителей советского посольства и прессы приблизиться к самолёту, вступить в контакт с пилотом результатов не дали. Японцы наглухо блокировали аэродром и подходить близко к самолёту категорически не разрешали.

Согласно очередному радиосообщению, лётчик вступил в контакт с японскими представителями. Он потребовал, чтобы его передали американцам (замечу кстати, что Япония политического убежища никому не предоставляет), заявил, что намеревался посадить самолёт на базу ВВС США, неподалёку от Саппоро. О существовании такой базы на острове Хоккайдо он якобы знал из сообщений советской военной разведки.

Таким образом, всякие иллюзии о непредвиденных причинах посадки нашего истребителя на территории Японии были развеяны, стало ясно, что мы имеем дело с элементарным предательством. Стало понятным и другое: лётчик Беленко решился передать американцам самый современный и к тому же совершенно секретный истребитель МИГ-25 «С» и такой ценой купить себе свободу на Западе. Как выяснилось позднее, у него не ладились отношения в семье. Не мог ужиться он и с начальством. Считая себя асом (таковым и был на самом деле), он полагал, что его недооценивают, зажимают, загнали, видите ли, служить в глухую Сибирь, а ему хотелось летать в московском небе, показать всем, на что он способен. В общем, логика и доводы заурядного предателя.

Ещё находясь в воздухе над территорией СССР, он всё заранее просчитал, отошёл от ведущего, сымитировав неполадки в машине, резко снизился и над самой водой пошёл в сторону Японии. Этот манёвр ему понадобился для того, чтобы исчезнуть с экранов радиолокаторов советских ПВО и не попасть в поле зрения японских и американских локаторов. Перед Хоккайдо Беленко набрал высоту, чтобы определить, где находится аэродром базы ВВС США Читосе, тот самый, что неподалёку от Саппоро. В этот момент его засекли американцы. В воздух для перехвата были подняты американские истребители, но Беленко умело ушёл от них и посадил машину на первый попавшийся аэродром, им оказался Хакодате. Американцы, потеряв наш истребитель из виду, вернулись на свою базу.

Уже вечером того же дня все японские газеты сообщили об этом поистине сенсационном инциденте, поместили фотографии нашего самолёта, одиноко стоящего на обочине взлётной полосы. Характерная для Японии деталь - через три дня после случившегося в магазинах детских игрушек шла бойкая торговля пластиковыми моделями советского МИГ-25 «С».

На следующий день газеты опубликовали фотографии Беленко. Он

был запечатлён на заднем сиденье автомашины с каким-то мешком на голове и сложенными перед собой руками, вероятно, в наручниках. Встречают и так «дорогих» гостей.

В конце концов офицеру безопасности советского посольства Садовникову удалось найти Беленко в Японии, однако лётчик отказался от беседы с ним. Позднее японцы организовали официальную встречу Беленко с нашим представителем. Проведена она была в очень странной обстановке. Узкая длинная комната была сплошь заставлена рядами обычных канцелярских столов, свободные места шириной по метру каждое оставались только с торцов помещения. У одной стены разместился Садовников в сплошном окружении дюжих полицейских. Через несколько минут в комнату с противоположного конца ввели Беленко, тоже в тесном кольце охранников. Он, по словам Садовникова, был то ли в состоянии тяжёлого опьянения, то ли под сильным воздействием наркотических средств. Не мог внятно говорить, что-то бормотал себе под нос. Расстояние между ним и нашим представителем было не менее 20 метров. Японцы, видимо, опасались, что Садовников попытается силой вернуть предателя домой. Иначе зачем был нужен весь этот спектакль?

Передав приветы от жены и детей, Садовников просил объяснить, что с ним произошло. Но Беленко односложно повторял, что он не хочет говорить и встречаться с советским представителем. На резонные слова о том, что встреча уже состоялась, что они уже стоят друг напротив друга, лётчик бубнил: «Я не хочу встречаться». После этого полицейские, подхватив Беленко под руки, вывели его из помещения, и на этом встреча закончилась.

Уже на третьи сутки Беленко не было в Японии. Японское телевидение многократно показывало «счастливое и радостное» воссоединение с Америкой. Он бодро и улыбчиво спускался по трапу самолёта в Лос-Анджелесе. Его бравый вид отнюдь не напоминал то жалкое зрелище, что представлял собой лётчик в Токио. Позднее удалось выяснить причину такого внезапного преображения. Американцы успели за это короткое время подобрать для Беленко двойника, он и исполнил хеппи-энд нашумевшей истории.

Для американцев и японцев, не говоря уже о советских чиновниках, раскручивались жаркие и бурные события. Была срочно создана японо-американская совместная комиссия, которой предстояло изучить причину посадки МИГа в Японии. Бойкие японские журналисты, а нужно отдать им должное, они умудрялись преодолевать всевозможные трудности и преграды полнейшей секретности этого дела, высказывали предположение, что Беленко выполнял какое-то сверхсекретное задание советского правительства. Затем зазвучала более правдоподобная версия - это обыкновенный перебежчик, искатель «роскошной» заморской жизни.

Тем временем комиссия занялась проблемами, далёкими от Беленко. Американцы хотели сразу же заполучить самолёт себе, благо пилот уже был в Штатах. Но этого не хотели японцы. Они великолепно понимали,

что, раз самолёт сел на их территории, им в конечном итоге придётся разбираться с собственником дорогой машины. А если американцы так же быстро упрячут самолёт, как и пилота, подальше, то не миновать осложнений. Поэтому японские официальные власти, чтобы расставить все точки над «i», с первых же дней инцидента заверяли советскую сторону в том, что они отдадут самолёт.

Чтобы сохранить в тайне ход работ по разборке самолёта, японо-американская комиссия приняла решение переправить самолёт с гражданского аэродрома Хакодате на японскую военно-воздушную базу Хаякуре, вопреки попыткам американцев доставить его на базу американских ВВС в Читосе.

И комиссия приступила к изучению МИГа. Первая оценка была самой высокой: это современный самолёт, аналогов ему нет. Потом, придравшись к какой-то чепухе, подкинули местной прессе мыслишку, что самолёт-то на самом деле не такой уж грозный и совсем не передовой. И всё-таки, как и следовало ожидать, правда восторжествовала. После того как американские и японские специалисты окончательно разворотили самолёт, вновь его собрали, запустили двигатели и оживили технику и вооружение, они вынуждены были признать, что перед ними действительно уникальное творение русских конструкторов. Не случайно американцы оставили на его приборах написанные от руки слова: «Русские, вы на правильном пути». Вот тогда японская пресса поведала миру, что МИГ-25 «С» сделан настоящими мастерами своего дела, что это лучшая в мире боевая машина.

Японские и американские спецы ещё долго потрошили самолёт, и только через два месяца он был готов к отправке в СССР.

Советские специалисты прибыли в Токио из Москвы уже через несколько дней после посадки самолёта в Хакодате. В составе делегации были военные, инженеры из конструкторского бюро Микояна, сотрудники МИДа. Была создана совместная советско-японская комиссия для выработки процедуры возвращения машины. Японцы подтвердили своё намерение возвратить самолёт, однако настаивали на том, что он должен быть вывезен с их территории наземным и морским транспортом, а не по воздуху.

Как мне представляется, работа комиссии часто пробуксовывала и неоправданно затягивалась из-за недостаточно решительных и умелых действий советского посольства.

Наконец работа советско-японской комиссии была завершена, и Япония заявила, что возвращает самолёт. Доставка МИГа в Союз была поручена совместной советско-японской морской компании «Юниориент». Эту операцию чётко организовал и быстро провёл заместитель генерального директора фирмы Георгий Михайлович Чхеидзе, старый морской волк, капитан дальнего плавания с многолетним стажем. Стивидорная компания «Адзума», входящая в «Юниориент», автотранспортом вывезла части самолёта в порт Хитачи, а затем

советскими судами останки некогда могучего истребителя были доставлены во Владивосток.

Так закончилась драма с МИГом, потрясшая и Японию и СССР.

А позднее произошёл вообще мерзкий, не укладывающийся в сознании нормального человека случай. Красивая японская девушка, испытывая чувства уважения и любви к великому соседу Японии - Советскому Союзу, решила посетить нашу страну с целью изучения русского языка. Полная самых радужных планов и намерений, она купила билет на наш теплоход и отправилась в Советский Союз. На корабле она встретила русского человека - члена команды теплохода и сразу же, не откладывая свои планы на потом, попыталась говорить с ним на русском языке. Этот изверг, другого слова я не могу подобрать, человеком его не назовёшь, завлёк её в свою каюту и попытался изнасиловать. Она, видимо, сопротивлялась, и он убил её, а труп выбросил через иллюминатор в море. Японское море прибило её тело к родным берегам. Девушку опознали, выяснили, когда она на советском теплоходе отправилась в Россию. Началось следствие, нашли убийцу. Но оказалось, что подонок был не совсем психически нормальным. А как же ему доверили плавать на кораблях и ходить за границу, в Японию? Эти естественные вопросы возникли и у японцев. Умных и понятных ответов не было. Всё это, конечно, не способствовало добрым отношениям с соседней страной.

Как-то к нам в группу из Центра прибыл новый, молодой разведчик-японист. Наши товарищи окружили его вниманием, помогали освоиться на новом месте, изучать город, вводили в курс, как заводить связи. Время шло, но заметной активности этот разведчик не проявлял, хотя хорошо владел японским языком. Нас было мало, каждый штык был на счету и должен был действовать. Я пригласил парня на беседу, объяснил ему, что пора включаться в активную работу, тем более что у него есть все данные для этого: он хорошо подготовлен, образован, только нужна воля. Он вроде бы всё понимал, но сдвигов у него в работе так и не было.

Это был типичный представитель «японской касты», решивший, что в первую командировку нужно только присматриваться к стране, совершенствовать знание языка. А вот потом, через несколько лет, вероятно, он сможет работать активно. Этот работник к тому же оказался большим «теоретиком» агентурно-разведывательной деятельности. В кругу своих коллег он философствовал, поучал других: надо работать с агентом так, чтобы тот и не догадывался, что имеет дело с разведчиком, с сотрудником КГБ. Это, видимо, были ростки «нового мышления» в разведке. Я провёл с этим разведчиком более серьёзную проработку. Он заверил меня, что возьмётся за дело более настойчиво, уже наметил несколько человек для активного изучения.

Позднее, когда меня уже не было в Японии и туда прибыл руководящий сотрудник Центра с целью выяснить, что же творится в резидентуре, этот наш «теоретик» развил бурную деятельность в обхаживании гостя и был назначен исполняющим обязанности

руководителя группы. Жизнь непредсказуема, даже для разведчиков: неожиданностей много.

Так, однажды меня вызвал к себе посол Полянский. Он сообщил, что в Токио находится Жак Ширак, в те времена тот был мэром Парижа. Француз просил встретиться с нашим послом во французском посольстве. Полянский предложил мне сопровождать его на эту встречу. Я понял, что он не знает, о чём хочет говорить с ним Жак Ширак, и на всякий случай, чтобы сохранить конфиденциальность этой беседы, приглашает с собой вместо переводчика меня - сотрудника КГБ. Я принял предложение посла.

Мы прибыли в посольство Франции в Японии. Нас тепло встретили, угостили, беседа носила светский характер. Ширак, помня, что Полянский был самым молодым членом Политбюро ЦК КПСС, видимо, рассчитывал на сохранившиеся его связи в правительственных кругах Советского Союза. Он попросил оказать помощь в решении вопроса о пролёте французских самолётов над советской территорией при перелёте из Парижа в Токио. Эта просьба удивила Полянского, но он, не подав вида, пообещал Шираку выяснить этот вопрос.

Резонно спросить, а как живут жёны, дети разведчиков в зарубежной «командировке»? Вот одна история.

Наши дипломаты и другие советские граждане на лето приглашали своих детей в Японию. Таким образом они пытались как бы влиять на своих чад, участвовать в их воспитании, ну и, естественно, дать им возможность хорошо отдохнуть и набраться сил перед следующим учебным годом. И мы один раз вытянули нашего сына на каникулы в Токио. Помню, он не соглашался, даже пытался уклониться от поездки, но, побывав в Японии, остался очень доволен. Мы устроили его на один месяц в японскую школу каратэ, повозили по стране, угостили различными японскими кушаниями. И нам было приятно пообщаться с сыном.

С какой удивительной и красивой традицией мы познакомили сына в Японии - провожать теплоходы в дальний рейс. В целом он был доволен. Уезжали дети, как правило, в одно время - к первому сентября им нужно было быть дома. И вот в день отплытия парохода все уезжающие и провожающие собираются в одном месте - на пирсе, возле борта судна. За несколько минут до отхода теплохода все бросают друг другу ролики тонкой цветной ленты, и между теплоходом и берегом образуются сотни и сотни цветных трепещущих лент. Пароход отдаёт швартовы и медленно удаляется от стенки, ленточки натягиваются, а затем рвутся. Весь белый лайнер, отходящий от берега, опутан паутинками бьющихся на ветру цветных линий. На время порываются связи родных со своими близкими, остающимися на берегу.

Пора было думать о поступлении сына в вуз. Жена заранее начала готовить меня к мысли, что неплохо бы нам закончить командировку в Японию, чтобы при поступлении сына в институт быть в Москве. Я понимал её переживания, убеждал её, что и меня тревожит дальнейшая

судьба сына-выпускника, но не я же решаю вопрос о продолжении или окончании нашей командировки в эту страну. Себе же твёрдо сказал, что по истечении трёх лет пребывания в Японии буду просить руководство службы отозвать меня на Родину.

Бурный поток острых и неожиданных событий, происходящих в Японии, конечно, влиял на деятельность всей резидентуры. Нам приходилось реагировать на эти события, отвлекая силы от решения главных задач, поставленных Центром. Но мы понимали, что, кроме нас, никто не выполнит поручений руководства, и делали своё дело с полной отдачей сил. Шла обычная тяжёлая повседневная работа: разведчики встречались с агентурой, вели разработки иностранцев, приобретали новые источники информации, продолжали информационно-аналитическую деятельность. Коллектив жил и трудился в напряжённом ритме.

Так пролетели три года. В середине 1977 года Центр согласился с окончанием моей командировки в Японию, и мы вернулись в Москву. Я рассчитывал встретиться с теми, кто направил меня в эту страну, рассказать им о всех тех трудностях, которые выпали на долю резидентуры. Всякое бывает как в жизни отдельного человека, так и в жизни целого коллектива. Но многих из этих людей уже не было в Центре. Ушёл из разведки Василий Иосифович Старцев, ушёл и Дмитрий Александрович Ерохин.

Остался один Юрий Иванович Попов. Он принял меня, выслушал и одобрил мою работу в Японии. Закончив письменный отчёт о проделанной работе, я ушёл в отпуск.

Внезапно меня отозвали из отпуска, руководство предложило вновь выехать в Японию. Я отказался. Попов, предлагая мне возобновить командировку, утверждал, что в отделе пока нет места для руководящего работника, поэтому мне целесообразнее вернуться в Токио. Мои слова о том, что я не претендую на руководящую должность, не изменили его решения, но и я остался при своём мнении. В конце долгой и тяжёлой беседы Попов философски заметил: каждый разведчик умирает в одиночку, борись за свою дальнейшую карьеру сам. И мы расстались.

Товарищи помогли мне, и я был приглашён на беседу к Вадиму Алексеевичу Кирпиченко. В то время он руководил нелегальной разведкой нашей службы. Кирпиченко расспросил меня о службе в разведке и направил на работу в один из отделов своего подразделения. Так я стал сотрудником нашей самой закрытой разведки. Но об этом мой рассказ чуть дальше. Пока же я должен поведать о том, что же это за профессия такая - разведчик. Как им становятся и каков был мой путь в разведку.

Профессия - разведчик

Разведка - это искусство приобретения и приумножения знаний о том, что сознательно скрывается. Скрывается же обычно то, что является самым важным для выживания того или иного государства.

В истории спецслужб много интересного, не утратившего своего значения за давностью лет, того, что можно использовать и в нынешней ситуации. Авторитетно для нас мнение о разведке Леонида Владимировича Шебаршина, руководителя советской внешней разведки до 1991 года. Это профессионал, знающий своё дело до мельчайших подробностей. Шербаршин подчёркивает, что разведка - это инструмент политики. Однако она не может заменить политику и сама формировать свои задачи. Постановка целей для разведки - прерогатива и обязанность высшего руководства страны. А цели эти вытекают из политических и экономических задач, стоящих перед государством на данном этапе развития. В более широком толковании разведка, по убеждению Шебаршина, - это выяснение обстоятельств, которые благоприятствуют или препятствуют осуществлению того или иного действия, связанного с риском для замышляющего это действие.

Большинство разведчиков царской России порвали связи с Родиной, так как после революции исчезли разведывательные службы Российской империи. Однако ни одно государство не может существовать без специальных служб. Для защиты нового государства была создана ВЧК и её разведывательный орган - ИНО (Иностранный отдел). Подразделения разведки появились и в Генштабе Красной Армии.

Обе разведки решали свои специфические задачи, иногда соревнуясь, соперничая, дополняя информацию друг друга, используя легальные и нелегальные возможности - агентуру и разведчиков-нелегалов.

Нужно сказать, что отечественная разведка, как и другие государственные учреждения, ощутила на себе удары репрессий тридцатых годов. Десятки наших замечательных разведчиков были незаслуженно осуждены под вымышленными предлогами и расстреляны. Но и в этих условиях внутреннего террора наши военные разведчики и разведчики-чекисты продолжали выполнять свой долг перед Родиной. Разведка своевременно предупредила о готовившемся нападении гитлеровской Германии на нашу страну. В годы войны было переброшено в тыл немцев тысячи групп разведчиков с информационными и диверсионными заданиями.

Сегодня в нашей стране кто-то пытается предать забвению многие нравственные и моральные ценности. Стремление к быстрым радикальным переменам, поспешность и недостаточная продуманность практических шагов со стороны преемников бывшего СССР осложнили и без того трудные условия развития России. Успех здесь возможен только при условии её защиты, в том числе и с помощью разведки и контрразведки.

Ради этого мы и наши предшественники служили своему Отечеству.

Как известно, КГБ СССР был преобразован в 1954 году. Постепенно он расширялся, организуя новые отделы, службы, управления. Я вступил в ряды этой спецслужбы ещё в августе 1952 года, став курсантом Ленинградского пограничного высшего военно-морского училища.

В октябре 1991 года эта государственная система рухнула под радостные крики толпы вместе с поваленными на землю памятниками.

20 декабря 1991 года, в годовщину создания внешней разведки, был подписан приказ о моём увольнении на пенсию. Я отдал разведке более 30 лет своей жизни, много сил и энергии. Ушёл без сожаления, несмотря на то, что разведка была для меня смыслом моей жизни. Своим уходом из разведки я продемонстрировал неприятие событий, происходивших в нашей стране. Не хотел участвовать во всеобщем развале.

Считаю разведку сложным и специфическим ремеслом, где есть элементы искусства, где нужны соответствующие способности, владение приёмами этой работы, кропотливый труд, тщательная профессиональная подготовка, добросовестность. Но нужны и порывы вдохновения, которыми живёт искусство, нужен и определённый оправданный риск, без которого разведка становится сухой и инертной. Разведчик - один в поле воин, во всех ситуациях он должен рассчитывать только на себя.

Не открою большого секрета, если скажу, что КГБ в нашей стране для многих никогда особой любовью не пользовался. Кто-то его ненавидел, кто-то относился с недоверием. Но кто-то понимал необходимость его существования, а кто-то относился даже с уважением. Недостатки, конечно, как и везде, были и в работе наших органов безопасности. Были перегибы и излишняя старательность, чтобы угодить верхам, ведь комитет и их защищал от внутренних потрясений, был гарантом стабильности их положения. Были случаи грубой работы контрразведчиков, особенно на идеологическом направлении. Комитет перегибал палку в отношении интеллигенции. Но всё это были скорее единичные проявления, с которыми сам комитет вёл борьбу, борьбу с собой внутри себя.

После августа 1991 года КГБ был расчленён, функции новых образований ограничены. Так появилась новая Служба внешней разведки. Тем не менее, всевозможные обвинения в адрес бывших и новых структур безопасности, в том числе и разведки, не утихают. Современные ниспровергатели всего и вся продолжают твердить о ненужности разведывательных и контрразведывательных служб. Что ж, они либо ничего не смыслят в государственном устройстве вообще, либо очень лукавят, либо тихо служат интересам наших противников.

Кому выгодны нападки на разведку и контрразведку? Эти атаки нужны тем, кому хорошо живётся в разваливающемся государстве, где нет уважения к законам, а главное, нет эффективных структур, которые следили бы за соблюдением этих законов.

Разведка - это интеллект, трудолюбие, воображение и изобретательность, коммуникабельность и способность к сознательному самоограничению, быстрота ума и склонность к анализу. Трудно перечислить все качества, которые нужны разведчику. Впрочем, едва ли можно найти их полный набор в одном человеке. Такого человека, пожалуй, не бывает. А вот воспитать в себе недостающие качества

разведчику необходимо. Первейшее требование к нашему разведчику - это абсолютная преданность Отечеству. Если нельзя гарантировать, что разведчик не дрогнет в трудную минуту, не поддастся каким-то соблазнам, - то грош ему цена. Страшны для разведки эгоисты, люди самовлюблённые, будь они хоть семи пядей во лбу. Гипертрофированное чувство собственной значимости, непогрешимости, неспособность к объективной самооценке, снисходительность к своим недостаткам и нетерпимость к чужим - это качества потенциального предателя. Пока работе такого человека сопутствует успех, он с нами, возникают трудности - он способен на любую подлость.

Работа разведчика всегда сопряжена с реальной, практически повседневной опасностью, требует крайнего напряжения физических и интеллектуальных сил, мужества и воли. Ведь разведчик вынужден жить двойной жизнью - реальная скрыта от чужих глаз, а на поверхности лишь маска, расставаться с которой на людях не просто нельзя, но и опасно. Лишь немногие будут в курсе его достижений и успехов. Даже самые близкие люди, жена и дети, так никогда и не узнают, какие сложнейшие задачи решает их муж и отец.

А вот когда случается провал, об этом узнают все, тут и выясняется, что разведка действует. А разведчик всю тяжесть провала всегда испытывает на себе, он во многом повинен один. В лучшем случае за этим следует выдворение из страны, если разведчик прикрыт дипломатической должностью, а то и тюремное заключение, долгие годы тревожного ожидания освобождения. Случается, что платой за поражение является жизнь.

Непременное качество разведчика - хорошая общеобразовательная подготовка, высокий интеллектуальный уровень. Наличие как минимум двух высших образований - общегражданского и специального разведывательного - во многом предопределяет личность разведчика, делает его интересным человеком.

Ясно, всему, что нужно разведчику, не научишься, многие качества должны быть попросту врождёнными, но специальная подготовка играет большую роль. Говорю об этом не ради того, чтобы себя как-то выпятить, я лично далёк от тщеславия. Но всё сказанное мною выше - истинная правда. Без этих качеств разведчик - ноль.

Есть ещё один, чисто психологический аспект, который играет важную роль в судьбе разведчика. Ведь ему суждено постоянно нарушать большинство библейских заповедей, действовать вопреки всему тому, чему учили с детства.

Возьмём, к примеру, вербовку иностранца, этот основной показатель результативности работы разведчика. Нужно склонить человека, хорошего твоего знакомого, к сотрудничеству со своей службой или от имени другой службы побудить его передавать секреты, зная что он нарушает законы своей страны и несёт огромную, в случае провала, ответственность. Эта тонкая и рискованная работа удаётся далеко не

всем. И есть разведчики, которые сами не могут преодолеть этот психологический барьер. Тогда подключается другой человек - вербовщик.

Как представить себе разведчика, который не может нарушить заповеди - не укради, говори только правду? А разведчику приходится в интересах дела постоянно идти на такие поступки, которые в обычной жизни, мягко говоря, не украшают человека. Тут ни в коем случае нельзя перейти грань, чтобы не превратиться в циника. Важно сохранить в себе чистоту души и веру в идеалы.

Должен сказать, что в разведслужбах разных стран общая для них проблема решается по-разному, а от этого напрямую зависит и результативность их деятельности. Одна лишь грубая сила, беспринципность, лозунг «цель оправдывает средства» не только не могут принести должного результата, но и являются главным уязвимым местом в работе ряда спецслужб, причиной их многих поражений.

Именно поэтому советская разведка всегда уделяла большое внимание воспитательной работе, мы выработали своеобразный кодекс поведения, правила игры, от которых никогда не отступали. И поэтому не втягивались в противоборство с особо беспардонными противниками по принципу «зуб за зуб».

В последнее время с этим стали считаться и наши бывшие противники, из арсенала даже самых жёстких спецслужб стали исключаться варварские методы работы.

Иногда в разведку попадают случайные люди, такие сотрудники, которые не приучены к упорному труду, но из-за трусости или меркантильных соображений не хотят признаться в том, что «не туда попали», не идут на оправданный риск в работе, лавируют, кривят душой, прячутся за спины товарищей и прикрывают свою бездеятельность различными уважительными причинами. От таких людей разведка избавляется, и делает правильно.

В годы моей работы в органах безопасности среди молодых сотрудников хотя и очень редко, но попадались такие, которые увольнялись из разведки, честно признаваясь в несовместимости своих жизненных установок с практикой вербовочных и других оперативных мероприятий. К ним никто не предъявлял претензий.

Итак, говоря военным языком, разведка - это ведение боевых действий мирными, цивилизованными средствами. В этой борьбе есть победители и побеждённые, выигравшие отдельные сражения и проигравшие их. Победить или выиграть - это значит нанести урон противнику или обеспечить себе более выгодные позиции. На языке разведки это означает своевременно добыть достоверную и нужную для своего правительства информацию, упредить или нейтрализовать замыслы противника, которые могут нанести ущерб твоей стране.

Без надёжной агентуры из числа граждан других стран, имеющей доступ к секретам своей страны, здесь не обойтись. Вот поэтому

разведчику надо подбирать нужных, могущих быть полезными людей, изучать их, затем вербовать, организовывать и налаживать надёжную с ними связь для получения информации, обучения и инструктажа. Вовремя предупреждать об опасности, а при необходимости оказывать содействие выходу из опасного положения, в которое попал наш человек. В общем, непросто заниматься сложной, опасной и увлекательной работой, называемой разведкой.

Этим занимаются разведчики многих стран, и, как в любом ремесле, формы и методы этой работы почти везде одинаковы, только у каждой страны есть свои особенности и нюансы. И эта тяжёлая работа никак не походит на ту, которую нам показывают в весёлых боевиках с милыми женщинами, вином, стрельбой из пистолетов, погонями на автомашинах, вертолётах и т.д.

Каждое государство, вне зависимости от его размеров и политической системы, должно иметь и обычно имеет разведку. Если государство динамично развивается, имеет обширные международные связи, его внутренняя обстановка стабильна, оно имеет политическое, экономическое, военное и нелегальное направления деятельности разведки. При благоприятных условиях работа разведки государства незаметна, её как бы и нет. И нет разведчиков как таковых, нет повода о них говорить в прессе.

В случаях провала по вине ли разведчика, квалифицированной работы контрразведки противника или предательства в составе самой разведки деятельность её становится достоянием гласности для граждан обеих стран. В этом случае разведка приобретает как бы человеческое лицо, лицо действовавшего в той или иной стране разведчика. И мы все вспоминаем, что есть разведка, что она постоянно ведёт незримое «сражение». И она должна действовать при любых условиях и обстоятельствах, так как она необходима любому государству.

А как разведка стала смыслом моей жизни?

Ещё в раннем детстве, бродя по лесам Урала с ружьём и собакой, а затем и по горам Алтая, я мечтал стать геологом-разведчиком. Я планировал построить избушку где-нибудь в глухом лесном месте, завести небольшое хозяйство и спокойно изучать родные места, природу, недра гор Урала или Алтая. Надеялся, что мои родители, став стариками, с удовольствием переберутся ко мне из шумного, пыльного города, будут помогать воспитывать моих детей. Так мечталось в юные годы, но не получилось. Вместо этого я стал морским офицером, затем разведчиком, попробовал свои силы в отряде спецназа, а закончил свою карьеру преподавателем-консультантом по различным специальным предметам.

Родился я на Среднем Урале в городе Аша Челябинской области в самом начале 1934 года. Городка этого за всю свою жизнь я так и не увидел, родители вывезли меня сначала в Тёплую Гору, затем в Пышму, а потом в Свердловск.

Я много путешествовал в ранние годы. Отец мой Николай Александрович Сопряков родился в 1909 году в Ленинграде. Был строителем, в 1933 году закончил Уральский строительный институт. Мама - Сопрякова (в девичестве Куныцикова) Татьяна Дмитриевна, 1912 года рождения, родилась на Урале. Металлургический институт, где она училась, ей закончить не удалось, так как был репрессирован отец и её отчислили с третьего курса. Её отец, мой дед, Куныциков Дмитрий Александрович, 1887 года рождения, был талантливым инженером-металлургом. Будучи директором Ашинского металлургического завода, он изобрёл новый сорт стали, успешно внедрённый в нашу военную промышленность перед Великой Отечественной войной. Какой-то чиновник из Москвы попросился к деду в соавторы изобретения, но тот гневно отверг это - и был жестоко наказан за гордость и справедливость: был арестован за «вредительство». Рабочие и инженерный состав завода неоднократно писали письма в советское правительство с просьбой вернуть на завод нужного им квалифицированного инженера. Начальник лаборатории завода Щербаков Ю.И. подготовил самодельный альбом, описывающий деятельность этой передовой тогда лаборатории. После реабилитации альбом вернули родным.

Член правительства Орджоникидзе, лично знавший Д.А. Куныцикова, принял самое активное участие в судьбе деда. Он был освобождён, но затем вновь арестован и сослан в Сибирь. Только в 1951 году дед был реабилитирован, но домой так и не вернулся. Знакомые видели его тяжело больным и без копейки денег на железнодорожном вокзале в Благовещенске, о чём и сообщили родным. Видимо, ему не хватило сил добраться на родину к близким.

Я отчётливо помню переезд нашей семьи из Свердловска в Тулу. Это было перед войной. Отца направили туда создавать укреплённый район для будущей возможной обороны Тулы. Затем началась война, я сбрасывал зажигательные бомбы с нашего большого многоэтажного дома в центре города. С последним эшелоном мама, младшая сестра и я эвакуировались в Сибирь. А отец остался оборонять Тулу. Мы долго добирались до дома родителей отца в город Ишим Тюменской области. Там мы прожили до конца 1942 года. Мой второй дед, Сопряков Александр Алексеевич, 1885 года рождения, был также строителем, как и отец. Тогда активно строились промышленные предприятия по всему Уралу и Сибири.

В 1942 году отца перевели на работу в город Молотов, ныне Пермь, на строительство авиационного завода, и мы перебрались к нему. Из Перми я и отправился в самостоятельное плавание, называемое жизнь.

В шестидесятые годы отец обосновался в Туапсе, там он реконструировал нефтеперегонный завод. Ему удалось получить небольшой участок земли прямо на обрыве, на берегу Чёрного моря в Небуге. Он построил своими руками небольшой домик, разбил сад и мечтал, что мы - его чада - будем слетаться со всего Союза на лето к нему в родительский дом. Не получилось, он ушёл от нас раньше времени.

Мама моя не решилась жить одна на юге и переехала ко мне в Москву. Дом мы отдали заводу, и там сейчас действует заводской пансионат, чужие люди отдыхают в нём летом.

Моя жена Сопрякова (в девичестве Ляхтерова) Лидия Николаевна, 1931 года рождения. Родилась в Ленинграде в семье военнослужащего. Окончила Московский университет им. Ломоносова, философский факультет. Работала в Институте психологии, а затем была просто помощником разведчика вплоть до моего выхода на пенсию.

У нас есть сын Николай 1959 года рождения. Он закончил Институт стран Азии и Африки при МГУ им. Ломоносова. Есть внук Денис и внучка Аннушка. Все - москвичи. У меня две сестры: Елена 1937 года рождения и Ольга 1943 года рождения. Сейчас мы все живём в Москве, имеем детей и внуков. Отец ушёл из жизни в 1968 году, мама покинула нас в 1982 году. Она дождалась моего возвращения из Афганистана.

Иногда мой сын, внук и внучка посещают дедовский дом на берегу Чёрного моря, помянут добрым словом деда-прадеда и катят домой. Ничто их не удерживает там. Только могила его осталась там, на туапсинской земле.

Периодически мы – дети, посещаем этот скорбный для нас уголок земли Русской.

Я заканчивал среднюю школу в городе Пермь (в то время город Молотов). Учился без особого прилежания и старания, так как много времени уходило на занятия спортом, а это я любил. Был чемпионом области по некоторым видам лёгкой атлетики - метанию копья, диска, велосипедным гонкам на короткие дистанции. Зимой бегал на коньках, также отдавая предпочтение коротким дистанциям - пятьсот и полторы тысячи метров. Любил бокс.

Каждое лето отец отправлял меня на подсобное хозяйство далеко за город, подчинённое его строительной организации. Я очень любил уральскую природу и целыми днями бродил с ружьём по лесу в сопровождении моего четвероногого друга по кличке Верный. С десяти лет я пристрастился к охоте. Отец часто брал меня с собой и научил обращаться с оружием. Сначала у меня было одноствольное ружьё, а в четырнадцать лет отец подарил мне тульскую двустволку, принадлежавшую ещё моему деду по материнской линии. Позднее, уже в Индии, с помощью этой тулки я добывал наших российских гусей и уток и другую дичь.

Учась в десятом классе, я был уверен, что смогу поступить в местный университет на геологический факультет. Меня пригласили туда на предварительное собеседование и с учётом моих спортивных достижений заверили, что проблем с поступлением не будет. Университету нужны были спортсмены. Живя на Урале, любя природу, собирая уральские камни, другой профессии, кроме геолога-разведчика, я себе не хотел.

Заканчивая школу, я понимал, что надо как-то поднять уровень своих оценок в аттестате, но прилежно заниматься уже было поздно, да и

трудно, и я нашёл более лёгкий способ. С группой товарищей, Валентином Устькачкинцевым, Марком Детковым и сыном директора школы Игорем Максимовым, мы решили заранее узнать, какие будут темы сочинений по литературе. Решили и сделали. Когда запечатанный конверт с темами прибыл в школу, мы его ночью изъяли, проблем здесь не было. Игорь жил с отцом в школе, ключи от кабинета директора и от сейфа, где лежал конверт, заполучить на время не составляло большого труда. На квартире Марка, который увлекался фотографией, мы просветили конверт, не вскрывая, под сильным проекционным фонарём. Удалось с уверенностью прочесть только одну тему, среднюю в списке. Из второй темы мы разобрали только половину текста, а третью не смогли прочесть совсем. Но большего нам и не надо было. Утром конверт уже был на месте, и никто ничего не заметил. Это была первая операция «Ы» в моей жизни. Позднее, приобретая новую специальность - разведчик, эти мои первые навыки пригодились, и я их даже усовершенствовал.

Я не хочу рекомендовать молодому читателю мои «опыты» повышения успеваемости в школе. Это, конечно, не достойный метод для повышения знаний и пример для подражания. Лучше всего заниматься в школе усерднее и осваивать всю программу постепенно, без таких экспериментов. Честно говоря, мне за тот поступок до сих пор стыдно. Знания не украдёшь и не купишь. И то, что я не сделал в своё время, пришлось добывать с большим трудом в более зрелом возрасте.

Но внезапно в мою спокойную жизнь проникло смятение - от своих товарищей я узнал, что пермский военкомат набирает желающих поехать на учёбу в Ленинград в Высшее военно-морское пограничное училище. Слово пограничное для меня было непонятно, и оно никак не влияло на ту бурю эмоций, возникшую в моём сердце. Поехать в Ленинград, да ещё поступить в военно-морское училище, это ли не мечта каждого мальчишки. Пока не смущал меня даже и средний по всем международным стандартам аттестат.

И я, забыв про геологию и зовущие уральские леса, бросился на зов моря, поехал в Ленинград. Правда, здравый смысл даже в такой ситуации не покинул меня. Я пробовал трезво оценить свои возможности, уровень школьной подготовки и т.д. Тогда и пробежала в голове мысль - ну ладно, не поступишь в училище, зато повидаешь Питер, вернёшься в Пермь и поступишь в университет. Мелькали и другие мысли - а чем ты хуже других, если захочешь, если очень постараешься, то можешь и поступить. В общем, прочь сомнения, только вперёд!

Ленинград, из-за сумеречной погоды, сначала мне не очень понравился. Дождливое, прохладное лето 1952 года, серые, облезлые дома. А в общем-то я его и не видел в первые дни. Ведь нужно было сдавать вступительные экзамены. Из Перми приехало нас двадцать пять человек, очень много было народу из других мест, были и местные желающие. Конкурс в тот год составлял семь-восемь человек на место. Но я поступил. Сдал все экзамены и выдержал конкурс. Правда, здесь помогли земляки, училище в тот год заканчивал земляк Борис

Наугольных, он уже был морским офицером. Борис морально поддерживал нас. И вот пять человек из всех прибывших для поступления стали курсантами Высшего военно-морского пограничного училища. Это Лев Михайлов, Олег Глухов, Борис Еропкин, Владимир Фалев и я.

Училище располагалось в центре города, на берегу Мойки, прямо напротив дворца Юсупова, где закончил свои грешные дни Григорий Распутин. Возле Поцелуева мостика, недалеко от Мариинки и Флотского экипажа, рядом с Исаакиевским собором. Всё это я познал потом, учась четыре года в самом красивом и историческом городе. Я навсегда полюбил Питер, его добрых, неторопливых и интеллигентных обитателей.

Ещё до принятия присяги на верность службе Отечеству нас, зелёных салаг, окунули в Балтийское море, чтобы проверить и познакомить с солёной водой. Мы вышли на сутки в море на двухмачтовой шхуне училища. Она ходила и под парусами и имела дизельный двигатель. Море не было ласковым, так как была уже осень, и мы впервые познали, что такое морская качка, морская болезнь, солёные холодные волны.

Несколько первых часов я хорохорился, выходил на самый нос шхуны, помогал ей раскачиваться на волнах. Позднее и меня настигла морская болезнь, но, видя, как страдают другие, я старался держаться, чтобы не показать, что и я почти готов.

После этого похода два человека захотели домой, на берег. А я отметил для себя правоту действий руководства училища и поныне считаю, что надо всегда испытать человека перед тем, как поручать или доверять ему что-то серьёзное.

После принятия присяги начались обычные курсантские будни - учёба, ночные поездки на погрузку и разгрузку угля, утренние спортивные пробежки раздетыми в любую погоду к Исаакию, бассейн, тревоги, караульная служба и т.д. А потом и увольнение в город на несколько часов. Это всегда для курсанта праздник. К увольнению приходилось тщательно готовиться: чистить и гладить форму, драить пуговицы, бляху. И уже потом вновь испечённый моряк во всей красе представал перед ленинградцами. Мы носили палаши (сабля с небольшим изгибом) с первого курса. Позже это стало привилегией только старших курсов.

Четыре года пролетели быстро. За это время Ленинград преобразился, подкрасился и стал красавцем, величественным городом, нашей северной столицей. Я хорошо узнал его, побывав почти во всех исторических местах.

Больше того, я стал считать его своей второй родиной. Кстати сказать, в Питере родился мой отец и этот славный город дал мне первое высшее образование.

Каждое лето курсанты выезжали на морскую практику на пограничные корабли. Я побывал на Баренцевом море: в Мурманске, в Кувшинской салме, на островах Большом и Малом Оленьем; на Балтике: в Таллине, Риге, Венспилсе и на Чёрном море: в Очамчире.

В училище мы все занимались спортом, ходили на шлюпках на вёслах и под парусом, обязательным предметом были самбо и бокс. Наше училище окончил знаменитый боксёр Валерий Попенченко, он был на два курса младше меня. На ринге я встречался с ним и уже тогда почувствовал, что из него выйдет большой мастер бокса. Так оно и случилось. Регулярно мы занимались плаванием и лёгкой атлетикой.

Но вот наступил долгожданный финал, выпускной вечер. Нам вручили кортики, погоны лейтенантов флота российского и дипломы. В дипломе было написано, что я являюсь офицером корабельной службы, могу быть штурманом и командиром БЧ - II-III, то есть артиллеристом и минёром. И все мы разлетелись по различным морям, пошли в самостоятельное плавание по жизни.

Мне довелось начинать морскую службу в Очамчире на Чёрном море. База располагалась на территории Грузии, южнее Сухуми. Сначала я был назначен штурманом на «большой охотник» за подводными лодками. Экипаж состоял из пяти офицеров и пятидесяти матросов; позднее я перешёл на торпедный катер помощником командира. Вот так и потянулись мои пограничные будни. И летом и зимой мы находились в море. Приходили в базу на короткий отдых и для пополнения продовольствия, топлива и воды - и опять в море.

Через год службы в этой части я получил первую в моей жизни комнату в большом офицерском доме на самом берегу. Я был холост, но всё равно было приятно, что у меня есть своя крыша над головой и есть куда вернуться с моря. Постоянная жизнь на железной посудине всё-таки тяготила. Через несколько лет Чёрное море поглотило этот дом, размыв берег.

После двух лет службы в Очамчире я был переведён на Балтику, в Таллин. Находясь в отпуске в Москве, я женился и в Таллин прибыл уже с молодой супругой. На первых порах нам пришлось снимать комнату в городе, но через год мы перебрались в офицерский дом, и снова на берегу бухты. Здесь же, в бухте, размещались и наши корабли. Я вновь стал штурманом на «большом охотнике».

На новом месте службы оказалось немного легче, так как Балтийское море в районе Таллина зимой замерзает и можно было в эти месяцы чаще бывать на берегу и дома. Кроме того, наши патрульные походы в море длились десять-пятнадцать дней в месяц, затем десять дней мы были на базе и потом снова уходили в море.

Если на Чёрном море нас, а больше всего доставалось торпедным катерам, часто, особенно летом, отвлекали на обслуживание высоких правительственных чиновников, отдыхавших в Гагре и Мюсерах, то на Балтике такое «счастье» миновало морских пограничников. Мы исправно несли свою службу, иногда уничтожали всплывшие мины, оставшиеся со времён двух мировых войн, участвовали в проверке надёжности охраны сухопутной границы, высаживая с моря «нарушителей», иногда гонялись за настоящими нарушителями, имевшими быстроходные морские катера.

Но мы их всё же настигали и, как положено, доставляли по назначению.

Когда я находился на Балтике, мне предложили пойти на учёбу в Военную академию. Офицер, сделавший мне такое предложение, не мог или не хотел раскрыть характер предстоящего обучения. В этом предложении было что-то интригующее, и я дал согласие.

Пройдя через всевозможные встречи и собеседования, в 1959 году я был зачислен на учёбу в Военно-дипломатическую академию Советской Армии в Москве. Это уже был поворот в моей военной судьбе. Я понял, что круто меняю военную профессию и могу стать настоящим разведчиком. Романтичность будущей службы увлекла меня, и я охотно взялся за учёбу, постигая все её премудрости. Мне повезло с преподавателями, особенно по иностранному языку.

На новом месте я встретился с очень интересными, образованными, влюблёнными в своё дело людьми. К сожалению, я не могу назвать их имён, так как многие всё ещё в деле. Кто-то был уже на практической работе, кто-то, как и я, был начинающим романтиком-энтузиастом.

У нас сложился хороший, дружный коллектив, учёба шла легко, хотя работой мы буквально были завалены. Каждый понимал, что он работает на себя, для своей профессии.

Моя семья, а к этому времени у нас появился сын Николай, проживала в общежитии академии, так что иногда занятия, особенно по языку, продолжались и дома.

Три года пролетели быстро. Получив второе высшее образование и диплом с отличием, я пошёл дальше.

Осенью 1962 года наконец-то осуществилась моя мечта - я стал разведчиком, работником внешней разведки, сотрудником Первого Главного управления КГБ СССР.

Впервые мне предстояло войти в огромное здание на Лубянке не как постороннему посетителю, а как члену этого серьёзного сообщества людей, занятых крайне важной государственной работой. И этот день пришёл. В КГБ меня должны были представить одному из руководителей этой организации, назначить на конкретную должность. И когда эти процедуры я прошёл, меня включили в новую деятельность. Правда, полтора месяца назад я уже побывал в этом здании, со мной провёл предварительную беседу начальник одного из отделов этой службы. Выслушав мой рассказ об учёбе, выяснив уровень общей и специальной подготовки, семейное положение, он сказал, что планирует принять меня в свой отдел с перспективой направления в Англию, учитывая, что в течение трёх лет меня готовили к работе именно в этой стране. Он пожелал мне хорошо отдохнуть, а после отпуска вновь прибыть к нему для детального обсуждения моих будущих обязанностей.

За три месяца до этого разговора, в июле 1962 года, после окончания академии, я вместе с другими отличниками был приглашён в Кремль на приём в честь выпускников высших военных учебных заведений. Перед

нами с яркой, но, как всегда, сумбурной речью выступил Никита Сергеевич Хрущёв. Разогретые его словами и несколькими рюмками столичной, мы вышли на Красную площадь. Эмоции переполняли нас. Но ответственность будущей службы заставляла контролировать свои поступки. Мы были уже другими людьми. И этим всё было сказано.

Итак, закончив отдыхать, я пришёл на Лубянку, в бюро пропусков. Меня несколько удивило, что в пропуске были указаны фамилия другого человека, на беседу к которому меня вызывали, другой подъезд и другой этаж. Но ошибки явно не было: пропуск был выписан на моё имя.

Да, меня принял совсем другой начальник, в другом кабинете. Это был человек среднего роста, плотного телосложения, с седеющей головой и неулыбчивым волевым лицом. Предложив сесть, он стал расспрашивать о моей жизни, учёбе, увлечениях, о семье. В общем, старался составить для себя ясное представление обо мне и моих потенциальных возможностях.

В дальнейшем этот человек сыграл важную роль в моей жизни, судьбе разведчика, ввёл в тонкости работы, научил всесторонне оценивать оперативную обстановку, до конца бороться с трудностями и невзгодами и, самое главное, уметь побеждать противника.

Передо мной был начальник так называемого линейного Азиатского отдела Василий Иосифович Старцев. Подчинённые и другие сотрудники службы за глаза уважительно называли его Дядя Вася.

Кстати сказать, очень хорошо и по-человечески тепло о Дяде Васе сказал в своих воспоминаниях «Из архива разведчика» Вадим Алексеевич Кирпиченко, в недалёком прошлом начальник нелегальной разведки, взявший меня когда-то на работу в своё управление. Я проработал в управлении «С» десять лет, вырос до руководителя отдела и благодарен судьбе, что довелось мне совершенствоваться под руководством таких профессионалов высочайшего класса, как В.А. Кирпиченко и Ю.И. Дроздов, перенять и впитать в себя их опыт работы и умение общаться с людьми, познать, если хотите, искусство нелегальной разведки.

Любознательному читателю, которому захочется узнать из первых рук, что такое внешняя разведка, в том числе и нелегальная, я настоятельно рекомендовал бы прочитать книги Вадима Кирпиченко и Юрия Дроздова.

Но всё это - и моя работа в управлении «С», и эти книги - было потом. А пока непринуждённо и доброжелательно текла наша беседа со Старцевым, результат которой должен был определить мою дальнейшую судьбу.

Достаточно долго попытав, Василий Иосифович заключил, что считает возможным взять меня на работу в свой отдел с перспективой моей поездки в Бирму. Сказав это, он выжидательно и даже с иронией посмотрел мне прямо в глаза, следя за моей реакцией. Чего греха таить, я был в какой-то мере обескуражен и разочарован, промямлил, что ещё месяц назад мне предлагали работу в Лондоне. Старцев прервал меня,

заметив, что знает об этом, но сейчас ждёт ответа на своё предложение.

Сообразив, что торг тут явно неуместен, я, может быть, несколько высокопарно заявил, что пришёл в разведку по зову сердца и, если он считает, что мне надо ехать работать в Бирму, готов выполнить это задание. Старцеву, как мне показалось, мой ответ понравился. Он сообщил, что намерен предложить назначить меня на должность старшего оперуполномоченного отдела, поскольку я закончил Академию Советской Армии и по званию капитан-лейтенант. Толком не представляя, что это за должность такая, я просто поблагодарил за доверие. На том беседа и закончилась.

Через несколько дней Василий Иосифович неожиданно меня вновь пригласил к себе. Был он несколько смущён, чувствовал себя как-то неловко. Сказал, что в отдел прибыл ещё один новый сотрудник, который старше меня и по возрасту, и по званию. Поэтому он хотел бы, если я не возражаю, предложить мне должность не старшего, а просто оперуполномоченного. В ответ я бодро заявил начальнику:

- Василий Иосифович, я хочу стать настоящим профессиональным разведчиком, а с какой должности начинать, мне, в общем-то, всё равно.

Старцев вздохнул с облегчением. Та напряжённость, которую он сам себе создал, упомянув на предыдущей встрече о должности, отступила, и он коротко сказал:

- Идите работайте, готовьтесь к командировке в Бирму.

Несколько месяцев я проработал в центральном аппарате службы. Была разработана в деталях моя легенда жизни - учёбы и работы, чтобы я мог спокойно обкатать её пока на Родине, а затем и знакомить с ней официальные учреждения стран, где я буду работать, иностранцев, да и соотечественников, с которыми мне предстоит вступать в контакт.

Меня вывели на работу «под крышу» МИД СССР. Это было необходимо, чтобы закрепить на практике «легенду», обзавестись нужным знакомством и связями среди «чистых» мидовцев, моих будущих коллег по работе за границей. Такая практика известна, к ней прибегают практически все иностранные разведки. Следовало проверить на деле и один из моих основных инструментов - иностранный язык, а также умение общаться с людьми, вести непринуждённую и интересную беседу. Для этого я стал регулярно посещать проводимые МИДом приёмы для дипкорпуса, различные брифинги, пресс-конференции.

Мой английским язык оказался на уровне: иностранцы хорошо понимали меня, я сносно излагал свои и чужие мысли. В общем, разговор получался, собеседники не бежали от меня, не стояли со скучными лицами, легко втягивались в беседу. Некоторые иностранцы хвалили мои знания английского языка и даже произношение. Они отмечали отсутствие характерного славянского акцента, затруднялись определить, выходцем из какой страны я являюсь. И тогда я с благодарностью вспоминал любимую и очень уважаемою мною, да и всеми сокурсниками, учительницу английского языка в академии Елизавету Васильевну

Старцеву.

Однажды заведующий Отделом стран Южной Азии МИДа доверил мне быть переводчиком на министерском приёме у тогдашних наших вождей А.И. Микояна и Е.А. Фурцевой.

С Фурцевой я уже однажды встречался. Было это в 1957 году на Чёрном море, ходил я тогда на торпедном катере, охранял наши морские границы. Мы пришли после ночного дежурства к пирсу в Новый Афон, возле Гагры. Все устали, очень хотелось отдохнуть. Внезапно пришла срочная радиограмма: «В Афоне принять на борт члена правительства Фурцеву и сопровождающих её лиц, оказать внимание и тёплый приём, прокатить по морю и доставить к месту назначения. Исполнение доложить».

Нам только этого «прокатить и оказать тёплый приём» не хватало. Люди до чёртиков устали от ночной вахты, им бы только отдохнуть, а тут на тебе. Ведь вечером опять в море. Эх, хороший шторм бы сейчас, подумал я. Но делать нечего: команда есть команда. Тем более что такие случаи были штатными, предусмотренными в нашей службе. Для гостей в командирском сейфе были припасены несколько бутылок хорошего вина, коньяк, красивые рюмки. Ну а на камбузе всегда был запас шоколада, в те времена он полагался матросам и офицерам за вредность плавания на торпедных катерах (очень сильная вибрация и тряска во время хода по волнам).

Сыграли боевую тревогу и, когда все поднялись на палубу - а это двадцать два человека, - объявили команде, что предстоит выполнить важное государственное задание - доставить секретаря ЦК КПСС Фурцеву и её сопровождение в Гагру. Быстро помыли палубу, навели порядок в помещениях и на боевых постах, расчехлили пушки и пулемёты, чтобы выглядеть посолиднее, принарядились сами, и тут пожаловали гости - человек пять.

Я доложил Фурцевой, что корабль к бою и походу готов, представился, предложил осмотреть катер и, получив от неё добро на отплытие, приказал отдать швартовы. Прокатили мы гостей с ветерком, с летящими во все стороны солёными морскими брызгами. Вся эта операция «Ы» заняла не больше часа.

На приёме в мидовском особняке Фурцева, конечно, не узнала в молодом дипломате-переводчике морского офицера, когда-то катавшего её по Чёрному морю на торпедном катере. А мне как-то не хотелось напоминать ей про тот эпизод. Она выглядела какой-то всклокоченной, даже неопрятной, её внутреннее напряжение бросалось в глаза. Микоян же являл собой полную противоположность, был, казалось, глубоко безразличным ко всему происходящему вокруг. Оба они, помнится, долго на том приёме не задержались.

Мне ещё предстояло встретиться с Микояном в Бирме, а из встречи в мидовском особняке в Москве я, прямо скажу, никаких положительных эмоций не вынес.

Подготовка к командировке быстро продвигалась вперёд. Я изучал Бирму, её современную жизнь и историю. Усвоил основные направления нашей политики в отношении этой страны и всего региона. Лично познакомился с некоторыми нашими дипломатами, работавшими ранее и продолжавшими работать в Рангуне. И когда руководство объявило мне дату вылета в страну назначения, я самоуверенно посчитал, что в общем и целом готов к пробе сил на новом поприще - освоении древнего ремесла. Жизнь, конечно, не преминула показать потом, что я был слишком самонадеян, рассуждал как в той поэме: «…по-французски совершенно мог изъясняться и писал, легко мазурку танцевал и кланялся непринуждённо… и решил, что… умён и очень мил». В общем, готов.

Пришлось учиться, учиться и ещё раз учиться новой профессии, подтверждая тем самым умную мысль, что полного совершенства достичь никому невозможно.

Бирма

В Бирму я поехал вместе с семьёй - женой и четырёхлетним сыном. У нас было радостное, приподнятое настроение, хотя впереди ждала неизвестность - как-то сложится жизнь за тысячи километров от дома, в неведомой тропической стране? Но верилось: всё будет благополучно.

После многочасовой тряски по небесным ухабам, - ведь летели над высочайшими горами мира, с промежуточными посадками в Карачи, Дели и Калькутте, - наконец-то прибыли в Рангун. Усталыми вывалились из самолёта и сразу же оказались в обстановке, близкой к обычной парной русской деревенской бане. Такое ощущение возникает здесь у каждого, кто путешествует с севера на юг, особенно если на севере уже зима, а в тропиках вечное лето.

Нас встретили работники посольства, привезли домой, снабдили на первое время напитками и продуктами. И новая жизнь началась.

Моя подготовка в Центре к этой поездке длилась около девяти месяцев, и вот теперь я на месте, впервые вышел в поле разведывательной деятельности, наступило время на практике применить те теоретические знания, которые были получены мною во время учёбы.

С первых же дней пребывания за границей я понял, что скрыть принадлежность к разведке от советских граждан, работая в посольстве, невозможно. Твои «чистые» коллеги («чистые» - не имеющие отношения к КГБ и ГРУ) знают или скоро узнают о тебе всё. Ты учился или работал с ними, а затем на некоторое время исчезал - этого уже достаточно для правильного вывода. Ты появился откуда-то со стороны. Невозможно также тайно пробраться в помещение резидентуры, а бывать там надо часто, почти каждый день. Вся переписка разведки совершенно секретна. Знакомиться с ней, готовить информацию, оперативные отчёты в общих служебных помещениях запрещено. Есть ещё много признаков, по которым пытливый взгляд определяет, кто есть кто. До тех пор, пока разведки мира используют посольские прикрытия, полностью избежать

этого невозможно.

С чего начинать? Видимо, такой вопрос возникает перед каждым молодым разведчиком, впервые оказавшимся в разведываемой им стране. Надо заводить знакомых, как среди местных граждан, так и среди иностранцев. Это необходимо вне зависимости от поставленных перед разведчиком задач. Чем шире круг знакомых (в разведке эта категория лиц называется нейтральные и полезные связи), тем успешнее разведчику вести поиск нужных возможных будущих источников информации. Несколько легче скрывать от местной контрразведки и разведок противника направленность твоих устремлений и интересов.

Где приобретать знакомых? В этом вопросе также не должно быть у разведчика больших сложностей. Будучи по характеру человеком общительным, коммуникабельным, он должен искать их везде, используя любую возможность вступить с иностранцем в контакт. Это и приёмы в посольствах, и посещение общественных мест, даже посещение магазинов и местных рынков. Вот когда разведчик ищет контакт с конкретным человеком, здесь сложнее, так как надо знать, где бывает твой объект заинтересованности, где проводит свободное время, даже в каком магазине он покупает продукты.

Бирма в то время особым выбором мест, где можно было бы познакомиться с интересным человеком, особенно не выделялась. Обычная азиатская страна. Рангун представлял собой небольшой, по сравнению с иными столицами, город. Было в нём несколько кинотеатров, но иностранцы туда не ходили, так как фильмы шли только на бирманском языке, обстановка там была спартанская - деревянные скамейки, как в нашем захудалом деревенском клубе. Был один плавательный бассейн, он обслуживал только европейцев, яхт-клуб тоже был только для избранных - членские взносы большие, и надо уметь ходить под парусом. Работало несколько китайских ресторанов, это уже что-то, а главное, там готовились очень вкусные экзотические блюда. Но если в этих ресторанах появлялся европеец в компании местного гражданина, они сразу же привлекали к себе всеобщее внимание, а это шло вразрез с инструкциями. В рестораны в Рангуне и приходилось ходить большими шумными компаниями. Но в такой обстановке было очень трудно вести своё дело. Был в городе и один зоопарк, он сам по себе являлся, как и во многих азиатских странах, достопримечательностью.

Вот там, безусловно, легче было заводить знакомства с посетителями и встречаться с информаторами. А, в общем-то, для работы, как видно, было мало полезных мест, но надо было вертеться. Я выбрал самые подходящие, на мой взгляд, места - приёмы в посольствах, яхт-клуб, бассейн, посещение вечеринок и частных приёмов у друзей. И оказался прав. Всё, что впоследствии мне приходилось делать, я делал там, и достаточно успешно.

Бирма тогда ещё оставалась оазисом прекрасной дикой природы. Круглый год бурно цвела и благоухала тропическая растительность, не

было крупных промышленных предприятий, отравляющих всё вокруг - и воздух, и землю, и воду. Чистые и опрятные, не лишённые чувства собственного достоинства, бирманцы неспешно трудились над решением извечной проблемы - выжить, накормить своих детей и стариков. Природа была милостива к ним - она щедро дарила рис (страна входила в число ведущих его поставщиков на мировой рынок), гивеи в изобилии давали сок, и натуральный каучук скапливался на складах торговцев, чтобы уплыть затем на Запад.

Словом, премьер-министр У Ну, который в ту пору был у власти, худо-бедно справлялся с проблемами своей страны, народ не голодал. Бирма кормила рисом Азию и других голодных и страждущих, спокойно в стране развивалась промышленность, торговля.

Но над горизонтом уже замаячил «Невинный социализм». Этот термин, придуманный нашими острословами, по сути дела, обозначал некую разновидность социализма азиатского образца. Эта модель, изобретённая советскими мыслителями из агитпропа и борцами за счастье народов всего мира, и была навязана ими генералу Не Вину - отсюда и «Невинный социализм». К чему этот эксперимент привёл, я насмотрелся в Бирме вдоволь.

Генерал Не Вин пришёл к власти посредством военного переворота. Национализация коснулась всего и вся, даже мелкого лавочника с его переносным лотком. В стране обострилась политическая и этническая борьба. Противостояние охватило не только военных и гражданских, но раззадорило и коммунистов. Борьба «Белого» и «Красного» флагов продолжается уже несколько десятилетий. И как результат неумелого, грубого вмешательства со стороны, Бирма, ныне Мьянма, разорена. Дочь национального героя Аунг Сана всё ещё борется с военными, защищая демократические ценности. Борьба, борьба до конца и без конца. Мне искренне жаль эту прекрасную страну, её хороших людей.

В этом благодатном месте Земли только два сезона - сухой с октября-ноября по апрель и дождливый - с мая по сентябрь. В сухой период ярко светит солнце, всё бурно цветёт. В период дождей, или, как его ещё называют, муссонов, идут дикие тропические ливни, стена воды низвергается с небес на землю, заливая всё вокруг - дороги, дома, поля, леса. Случаются и сильные грозы.

В центре Рангуна есть несколько озёр, окаймлённых парками с густой растительностью и виллами богатых людей. Самое крупное озеро, Инья-Лэйк, простирается извилистым зеркалом на несколько километров, его ширина - от нескольких сот метров до двух километров, глубина - до пяти метров. Озеро славится необузданными по силе и переменчивыми по направлению ветрами. На его живописном берегу разместился международный яхт-клуб «Рангун сэйлинг клаб».

Будучи морским офицером и имея навыки управления шлюпкой под парусом, я решил, что смогу освоить местные яхты и добьюсь неплохих результатов в соревнованиях под парусом. К счастью, мои предположения

оправдались, и довольно скоро я стал одним из лидеров в парусных гонках, что, в свою очередь, принесло мне уважение и авторитет среди членов клуба, а нужно сказать, что ими были зажиточные местные граждане, колонисты-англичане, ирландцы, выходцы из других стран, постоянно живущие в Бирме, а также дипломаты и бизнесмены. Яхт-клуб - одно из лучших мест в Рангуне для отдыха и занятия спортом.

Однажды прекрасным солнечным днём, путешествуя по озеру, я обратил внимание на несколько странное поведение двух человек, находившихся на борту яхты довольно далеко от берега. Человек, управлявший парусом, явно нервничал и допускал ошибки, лодка кренилась то на один, то на другой борт или становилась против ветра, теряя ход.

Я подошёл к яхте и спросил, не могу ли чем-нибудь помочь. В это время ветер успокоился, его направление стабилизировалось, и обстановка на озере улучшилась. Управлявший яхтой человек, а им оказался советник французского посольства Роже Фабре, ответил, что у них всё в порядке и они сами доберутся до берега.

Я пожелал им приятного плавания и отошёл от их яхты. К моему удивлению, Фабре вместо того, чтобы двигаться в сторону клуба, повёл яхту дальше, в центр озера. Через какие-то пятнадцать - двадцать минут ветер заиграл с новой силой, налетел крепкий шквал, и яхта француза перевернулась, вернее, она легла на парус, а её корпус погрузился в воду. На поверхности воды яхту удерживали только две пластиковые канистры, расположенные в носу и на корме лодки. Незадачливые яхтсмены барахтались в воде, цепляясь за корпус яхты, волны периодически накрывали их с головой.

Быстро подойдя к терпящей бедствие яхте, я встал носом против ветра, что позволило мне дрейфовать вместе с ней, и предложил Фабре помощь. Оба купальщика выглядели испуганными и растерянными, они никак не ожидали от природы подобных дерзостей и явно не знали, что делать. Напарник француза спросил, не смогу ли я доставить его на берег. Подтянув его в свою яхту, я порекомендовал Фабре не нервничать, крепче держаться за корпус лодки, заверив, что яхта не утонет, а я сейчас же вернусь в клуб и пришлю к нему спасателей. Дело в том, что, по правилам клуба, яхтсмен, потерпевший любую аварию, должен был оставаться на месте вместе с яхтой до прибытия клубных спасателей. Поэтому, зная, что Фабре умеет плавать и только ужасно боится водяных змей, я спокойно оставил его на воде в компании поверженной им же яхты.

Возвратившись в клуб без происшествий, хотя ветер стал уже более сильным, я направил к Фабре спасателей, а спасённому предложил сухое клубное полотенце и пригласил его в бар. После нескольких порций виски компаньон Фабре успокоился, расслабился, оказавшись очень интересным собеседником. Он сказал, что всегда уважал русских (как выяснилось, Фабре успел сообщить ему, что я сотрудник советского посольства), ценил в них доброжелательность, искренность, готовность всегда помочь

человеку в беде.

Я представился, извинившись за то, что всё произошедшее не позволило мне сделать это сразу. Мой собеседник был намного старше меня. Несмотря на то, что на нём были только шорты и спортивная рубашка, выглядел солидно, всем своим видом и манерами внушая уважение.

Собеседник, улыбнувшись, заметил, что вряд ли бы в той обстановке запомнил моё имя, его главной заботой тогда было ухватиться за что-нибудь плавающее, а единственным желанием - скорее очутиться на твёрдой земле.

Мой неожиданный знакомый назвал себя: Рене Миле, новый посол Франции в Бирме. Он ещё не вручил верительные грамоты президенту страны и поэтому был пока как бы неофициальное лицо. Миле рассказал, что перед Второй мировой войной был послом Франции в Польше. В связи с оккупацией немцами Варшавы он нелегально перешёл на советскую территорию и был арестован русскими. Провёл какое-то время в советской тюрьме, а затем, когда недоразумение было улажено, выехал в Англию и позднее присоединился к де Голлю.

Миле, как он сказал, был близким другом и сторонником де Голля, пользовавшимся его поддержкой. Прибыв послом в Бирму, он намерен был установить тесный контакт с советским посольством. Я, по его словам, оказался, к счастью, первым русским, с которым он познакомился на бирманской земле, да ещё при таких необычных обстоятельствах. Миле всячески старался уверить меня в том, что он уважительно относится к великой России, к нашему народу и не помнит зла за инцидент на польско-советской границе.

Наша беседа продолжалась достаточно долго, а спасатели всё ещё не вытащили беднягу Фабре и его яхту из озера. Миле попросил, если это не затруднит меня, довезти его до французского посольства, что я и сделал с большим удовольствием. Прощаясь, он ещё раз поблагодарил за помощь и выразил надежду, что наше знакомство получит дальнейшее развитие. Я, со своей стороны, подчеркнул, что благодаря этому случаю на озере мне удалось встретиться с очень интересным человеком, имеющим такую сложную судьбу и богатый жизненный опыт.

Надеюсь, не нужно убеждать читателя, что, спеша на помощь послу, я в тот момент ни на секунду не задумывался о своих профессиональных интересах. Вместе с тем я бы погрешил против истины, если бы сказал, что не соотнёс это знакомство с моими профессиональными обязанностями. Как говорится, не было счастья, да несчастье помогло.

Рассказывая о происшествии на озере, я хотел подчеркнуть, что разведчик не имеет права упускать любой случай и должен использовать сложившиеся обстоятельства в своих интересах, в интересах своей службы. Знакомство с послом Франции позволило мне легко и ненавязчиво расширить круг знакомств в дипкорпусе, среди высокопоставленных служащих бирманского правительства,

посодействовать укреплению франко-советских связей на уровне посольств. Миле регулярно приглашал меня с женой на все официальные и небольшие, но важные по значению приёмы в посольстве и своей резиденции, в поездки по стране. Ничуть не похваляясь, могу сказать, что к получению таких возможностей стремится каждый разведчик.

Уже через две недели после прибытия в страну я получил на связь агента из местных граждан. Он занимал невысокое положение в своём учреждении, но передавал нам информацию, которая освещала контакты американцев с местным правительством. Деятельность американцев в любой стране представляла для нас интерес, США - это ГП (главный противник), противостояние США и СССР - это забота разведки. Так я приобщился к основной нашей теме - работа против ГП.

Получив агента на связь, я сразу же погрузился и в новые заботы. Нужно было подбирать места, где можно встречаться с этим агентом, нужно готовить для него задания, проводить первичную обработку и анализ полученной от него информации, стараясь косвенно перепроверить её через другие источники, и уж затем готовить сообщения о работе с агентом в Центр.

Тут у меня на первых порах были сложности, поскольку я ещё не успел как следует познакомиться с Рангуном, где предстояло работать, изучать подходящие для встреч места, опасные, с точки зрения обеспечения конспирации связи, районы города. Всё пришлось постигать в ходе работы. Помогали товарищи по профессии, уже работающие в стране.

Спустя какое-то время, освоившись, я получил на связь второго агента. Хлопот и забот, естественно, прибавилось, тем более что человек занимал солидное служебное положение, информация, поступающая от источника, всегда интересовала Центр.

Но вместе с дополнительными хлопотами у меня появилась уверенность, что из меня получается разведчик, я могу, и довольно грамотно, руководить работой источников информации. В общем-то, моя практическая разведывательная деятельность пошла успешно. Я установил хорошие личные отношения с агентами, проявляя о них заботу. Они были совершенно разными по характеру и взглядам на жизнь людьми, разными по возрасту. Но я нашёл подходы к ним. И результаты не замедлили сказаться, увеличился поток и качество поступающей информации. Это отметил и Центр.

Жизнь советской колонии в Бирме проходила активно и интересно. Здесь собрались в основном ещё молодые люди, жилищные условия у всех были почти одинаковы, мы жили по одной-две семьи в отдельной арендуемой вилле, часть людей проживала на территории посольства. Все увлекались спортом. В свободные часы играли в волейбол, теннис, посещали бассейн. Для удобства командированных специалистов работала столовая. Многие семейные, проживавшие в городе, на обед приезжали в посольство. Это избавляло хозяек от готовки пищи в дневные

жаркие часы. Кондиционеры воздуха были только в спальных комнатах.

Свою оторванность от страны, родных и близких мы старались компенсировать совместными семейными вечерами в складчину, на них мы танцевали, пели любимые наши песни. Дети, а они были у большинства семейных, присутствовали на таких вечерах, правда, вместо танцев они предпочитали вечерний прохладный бассейн. В центре таких вечеров почти всегда были Вадим Иванович и Танечка Даниловы (Данилов был представителем ССОД в Бирме), Саша и Валя Развины (Саша являлся вторым секретарём посольства), Володя и Таня Титовы (Владимир преподавал в местном технологическом университете), Дмитрий и Зоя Хреновы (Дима был специалистом на строящейся ГРЭС на севере Бирмы). Все с большим удовольствием слушали песни Вали Развиной и подпевали ей. Иногда такие вечера проводились у кого-то на вилле. Частыми гостями на них были наши друзья из братских социалистических стран - Венгрии, Польши, Чехословакии, ГДР, Югославии и др. А ведь друзья-то действительно были. Где они все сейчас? Вспоминают ли наши добрые встречи?..

Словом, жили мы дружно, весело, не было склок и скандалов, зависти и обид. Позже я не раз вспоминал этот хороший коллектив. Не знаю, получилось ли так потому, что для нас это был первый заграничный коллектив, первая командировка, или просто счастливо сложилось, что в одном месте собрались хорошие люди.

Организатором всей нашей жизни был посол Андрей Мефодиевич Ледовский. Ранее он работал в Китае, потом в ЦК КПСС. Он любил решать какие-нибудь хозяйственные вопросы на обширной территории посольства (вилла посольства - большой двухэтажный дом и земля принадлежали, кстати, бывшему главе правительства Бирмы У Ну). Так вот, однажды Ледовский, озабоченный вопросом благоустройства, распорядился обнести газоны небольшими деревянными ажурными заборчиками, высотой тридцать-сорок сантиметров. Через день-два, совершая свой ритуальный утренний обход в сопровождении завхоза и садовника, он увидел результат своего предыдущего указания и удивлённо спросил завхоза: «Кому пришла в голову нелепая мысль поставить здесь такие заборчики и сотворить кладбище?» На удивлённый ответ хозяйственника, что это он, посол, велел позавчера так сделать, Андрей Мефодиевич невозмутимо заявил: «Убрать».

Проводя работу с агентурой, находящейся у меня на связи, я продолжал активный поиск новых источников информации как среди иностранцев, так и бирманцев. Уже на протяжении нескольких месяцев я вёл изучение одного крупного правительственного деятеля Бирмы. Свои действия не форсировал, продвигаясь шаг за шагом. Встречи проходили как в доме объекта, яхт-клубе, а он был его членом, так и на различных приёмах.

После установления хороших личных отношений я стал приучать Дана (так именовался бирманец в переписке с Центром) к тому, что интересуюсь вопросами его профессиональной деятельности. Вопросы и

момент их постановки я тщательно продумывал, чтобы не вызвать отрицательной реакции с его стороны. Дан охотно включался в такие беседы. Затем я попросил моего друга изложить своё мнение по интересующей проблеме письменно. Он воспринял эту просьбу спокойно и стал готовить письменные сообщения. В конце концов я подвёл Дана к мысли, что проще передавать мне документы. Он сам однажды заявил, что для него легче и удобнее показывать мне некоторые документы, чем делать из них выписки. Это было то, что надо, и работа заметно оживилась.

Любая разведка использует несколько основ привлечения объекта своего внимания к сотрудничеству. Наиболее распространёнными являются идеологическо-патриотическая; материальная и основанная на компромате, на допущенных объектом нарушениях этического или морального характера.

Методы работы также различаются - это и постепенное втягивание в сотрудничество; вербовочное предложение в лоб, когда объекту делается прямое предложение работать с той или иной разведкой неожиданно, естественно, после кропотливого изучения человека. Есть и другие методы.

Каждый разведчик волен выбирать, ориентируясь на характер сложившихся отношений с объектом своего внимания, как ему действовать в той или иной ситуации. Важно до минимума свести шанс отказа человека от работы с разведчиком. Но, естественно, и такие случаи бывают, здесь, как и в любом деле, бывает брак или недоработки.

Мне удалось успешно завершить привлечение к работе со своей службой этого высокопоставленного чиновника правительства Бирмы, и оно продолжалось долгие годы, до ухода нашего помощника на пенсию.

Занимаясь американцами, я постоянно искал возможности познакомиться с их представителями, использовал любой шанс. Мне удалось проникнуть в закрытые клубы, где веселились и отдыхали технические сотрудники западных посольств. Конечно, появление такого представителя в таких местах не вызывало восторга у служб безопасности этих посольств. Но как я отмечал ранее, уровень знания английского языка позволял мне скрывать своё славянское происхождение и тем самым избегать в течение какого-то времени расшифровки перед окружением, что среди них появился русский. Ну, а когда дело доходило до признания, что я советский дипломат, эта новость вызывала на какое-то время шок среди моих новых знакомых. Затем спиртное и весёлая музыка делали своё дело, шок проходил, и люди забывали, что среди них есть чужой. Но всё же я отмечал, что нет-нет да скользнёт в мою сторону настороженный взгляд. И мне часто приходилось отступать с завоёванных позиций.

Вращаясь среди американцев, я часто выходил на коллег по профессии, на сотрудников ЦРУ США. Это, пожалуй, было естественно, так как и им хотелось посмотреть своими глазами на противника, пощупать

его в словесной баталии и просто почувствовать, чем он дышит и чем интересуется. Ну и, конечно, лучше принять возможное скрытое нападение на себя, чем допустить такое наступление на неподготовленного психологически, «чистого» своего дипломата. Так рассуждали и мы, идя на контакты с известными нам разведчиками США, стран Европы и Англии.

Сотрудники ЦРУ США в подавляющем большинстве были подготовленными, образованными и общительными людьми. Встречи с ними были приятны, но не более, так как пользы от таких встреч ждать не приходилось. Правда, всегда где-то шевелилась надежда, а вдруг…

Среди моих первых контактов из этой категории знакомых хотел бы отметить Сержа Таубэ. Человек с русскими корнями, умный, агрессивный собеседник, он в своё время якобы стал резидентом ЦРУ в Москве. Вторым был Бернард Дэамброзио, мы его звали Майк. Мы уже общались семьями, понимая взаимную бесперспективность какой-либо профессиональной удачи, но, встречаясь, тем не менее, находили даже какое-то удовлетворение в наших человеческих контактах. Позднее Майк был резидентом ЦРУ в Индонезии. И третьим был Ральф Катрош. Через несколько лет я встретил его в Малайзии, он был там резидентом ЦРУ.

Были, естественно, и другие знакомые и даже друзья среди американцев в Бирме. По вполне понятным причинам я не буду подробно говорить о них, чтобы не навлечь на их головы, не дай бог, каких-либо хлопот и неприятностей, хотя мы сейчас ходим в партнёрах. Как говорится, Билл является близким другом нашего Бориса. Но дружба дружбой, а, как гласит старая русская пословица, табачок врозь. Американцы открытые, приятные в общении ребята, у наших народов есть много общих черт характера, и не надо больше открытой вражды, хватит Вьетнамов и Афганистанов. Уж больно кровавые были эти бани.

Между ведущими разведками в то время существовало, по моему убеждению, некое неписаное и даже не обсуждаемое вслух джентльменское соглашение - не делать друг другу пакостей, не наносить физического ущерба разведчику противника, не говоря уж об устранении слишком активного противника с лика грешной Земли.

Иногда разведчику намекали его коллеги с другой стороны, что они видят его повышенный интерес к конкретному лицу. Чаще всего они просто убирали из страны этого несчастного, ничего не подозревающего человека, а разведчику сообщали, что такой-то их гражданин внезапно «захотел» уехать домой. Такие случаи были и в моей практике. Я делал невинный вид и спрашивал собеседника: «А что это за гражданин, что это вдруг он поехал домой, я такого гражданина вроде бы и не знаю». Мы в этот момент понимали отлично друг друга. Ведь они могли оказаться в подобной ситуации.

Конечно, ЦРУ США могло испортить мне настроение ещё в Бирме и позднее, но, опасаясь ответных подобных мер с нашей стороны, не шло на такие шаги. Хотя надо признать, что в восьмидесятые годы они стали

действовать нагло и беспардонно. Не отставали от них англичане и европейцы. А мы уже скромно опускали глаза и объясняли сами себе, что уж мы-то не скатимся к пошлым, негуманным приёмам и действиям. И получали за это и по второй щеке, хотя наша адекватная и решительная реакция быстро бы поставила противника на место. Но руководство службы проявляло вялость и скованность. А на самом верху господствовало уже «новое мышление».

В наше маленькое посольство в Бирме довольно часто наведывались высокие гости из Москвы. Был Анастас Иванович Микоян - первый зампред Совмина, министр внешней торговли СССР. Мне запомнилась устроенная им серьёзная выволочка нашей службе безопасности, когда в его резиденцию во дворце Не Вина проник местный армянин, богатейший человек в Бирме и близкий друг главы государства генерала Не Вина. Микоян обвинил наших сотрудников КГБ в потере бдительности. А что они могли сделать, если бирманский армянин, по-моему, единственный армянин на всю Бирму, был вхож везде и, приехав к генералу, посчитал возможным заглянуть и к соотечественнику - армянину из Советского Союза. Он же не знал, что высокий советский гость не желает общаться с посторонними, а таковым он себя во дворце Не Вина не считал.

Бывал у нас и Фирюбин. Будучи замминистра иностранных дел, он курировал Бирму, следил за тем, как развивается социализм в этой стране.

Наибольший интерес в резидентуре, а затем и в посольстве вызвал приезд к нам Ивана Ивановича Агаянца. Генерал, разведчик, начальник управления КГБ, вызвал восхищение и уважение не только у посвящённых, но и у всех сотрудников посольства своим мягким, обходительным характером, вежливостью и прежде всего обширными знаниями в области политики, экономики и в общественных областях. Он выступил перед нашими гражданами, работавшими в Бирме на разных объектах, рассказал о текущей политике, обстановке в мире и дома. В резидентуре он сидел в прокуренной комнате с утра и до позднего вечера, побеседовал с каждым сотрудником разведки. Зная, что у Агаянца удалено одно лёгкое, разведчики прекратили курить в его присутствии, но духота в помещении сохранялась. Ивану Ивановичу, мы это видели, было нелегко, но он старался быть на высоте. Встречи с такими людьми остаются в памяти на долгие годы.

Наступил очередной Новый год в тропиках. Если дома о приближении этого самого доброго праздника говорит сама природа - снег на улице, морозы, то в Бирме явным признаком зимы было постоянно чисто-голубое, глубокое небо над головой. Вся колония страны Советов дружно готовилась весело встретить это событие. Постоянными нашими гостями были братья из соцстран. У нас появлялась большая ёлка из Москвы, её наряжали и дети и взрослые. Столы и ёлка устанавливались под большим навесом прямо на центральной лужайке посольства. Иллюминацией служили не только разноцветные лампочки и прожектора, но и огромные яркие звёзды и, если повезёт, луна.

Весёлое, шумное застолье продолжалось, как обычно, до самого утра, ведь нужно было услышать и бой курантов с Красной площади, а звонили они у нас из-за разных часовых поясов в 4 часа утра.

Помню, в один из таких праздников весело погулявший за праздничным столом бедолага не набрался сил, чтобы пойти домой, а прикорнул прямо за столом. В этом ничего плохого не было, но он не учёл местные обстоятельства. Утром голодное вороньё набросилось на остатки пиршества, их не смущал спящий человек, но почему-то привлекла блестящая его лысина. Несколько ворон умудрились стукнуть своими клювами по темечку отдыхающего. Тот не смог вынести такой фамильярности, быстро проснулся и удалился с поля пиршества пернатых. Следы их атаки ещё долго маячили на голове пострадавшего, вызывая шутки окружающих.

Я уже хорошо освоился в Бирме, обзавёлся широким кругом всевозможных связей и контактов, хорошо, даже досконально знал город и пригороды, освоил агентурную работу и познал радость успеха в вербовочной работе. В общем, как мне казалось, становился настоящим полевым разведчиком.

Я активно использовал яхт-клуб. Добившись успехов в парусных регатах, хорошо познав озеро Инья-Лэйк и розу ветров над ним, я обнаглел и стал бить постоянных фаворитов гонок - англичан и местных бирманцев. Это повысило мой авторитет в клубе среди его постоянных членов, я считался своим человеком. То, что я русский, все давно забыли, я был равный среди равных. Тут, видимо, уместно вспомнить один эпизод, который произошёл со мной. Как-то ко мне подсел старый и очень уважаемый в клубе ирландец. Он всегда был среди лидеров гонок, но, видимо, сказывался возраст, и англичане его теснили, иногда вырывая у него победы. Он давно жил в Бирме, был владельцем нескольких каучуковых плантаций и вёл успешный бизнес, являясь богатым человеком. Ирландец заговорщическим, тихим голосом начал беседу. Оказывается, он давно наблюдает за мной, видит моё доброжелательное отношение к окружающим. Я насторожился, ожидая подвоха или обвинения, что являюсь сотрудником КГБ (для иностранцев все ведущие активный образ жизни советские граждане являются сотрудниками этого всемогущего ведомства, бывшего действительным пугалом для многих, и нужно было прикладывать большие усилия, чтобы разубедить своих знакомых, что ты не из КГБ, у тебя нет в кармане пистолета, как и нет злых помыслов, кроме искреннего желания быть в хороших отношениях). Но ирландец шёл к другому. После нескольких порций виски (угощал он) и тёплых ненавязчивых комплиментов он достал из кармана толстую красивую тетрадь-книгу и торжественно объявил, что хочет подарить мне своё достояние - подробное описание всех ветров на озере по сезонам. Он вёл эти записи в течение многих лет, хорошо всё изучил и теперь желает видеть во мне своего преемника, лидера в гонках на озере. Он стар, а я молод и могу, должен бить англичан в их самом любимом виде спорта - парусных регатах, - заявил старик. Я немного опешил, но, видя, что слова ирландца исходят от чистого сердца, а его желание посрамить англичан в

Рангуне настолько велико, что старческие глаза, обычно мутноватые, в эти минуты блестели, с благоговением принял дар и поклялся выполнить завещание. И я выполнил его.

Мы стали близкими друзьями. Я часто бывал в его богатом доме, где собирались званые гости, и круг нужных для меня людей значительно пополнялся. Приобретённые здесь знакомства помогали мне и позже, уже в других странах Азии, так как деловые люди есть везде, а человеческие отношения и доверие ценятся повсюду одинаково - очень высоко.

В Бирме мой сын пошёл в первый класс. Это было большим событием в нашей семье. Жена прилагала огромные усилия, чтобы уберечь нас от распространённых везде в Азии вирусных болезней. Она постоянно всё мыла с мылом: и фрукты, и овощи, и руки сына - и всё окатывала кипятком. Мы с сыном в это время старались не попасть ей под руку. Её старания дали положительный эффект - никто из семьи не заболел желудочными инфекциями и через четыре года мы здоровыми вернулись домой.

Огромную помощь оказывала моя жена Лида и в обхаживании моих званых гостей. Её кулинарные способности, умение мягко вести беседу и вовремя уйти из комнаты, когда начинался мужской разговор, творили чудеса, знакомые охотно шли на развитие отношений, с удовольствием сидели допоздна под крышей нашего дома.

А на моего друга - французского посла - она произвела неизгладимое впечатление. Он был всегда очень любезен и галантен с ней. Если он куда-нибудь меня приглашал, то неизменно подчёркивал, что хотел бы видеть и Лиду. И мы бывали почти на всех приёмах во французском посольстве, вместе ездили в рискованное путешествие на небольшом пароходике вверх по реке Ирра-вади. Во время одного похода нас обстреляли повстанцы, но обошлось без жертв. Посол позже шутил, что нас обстреливали коммунисты партии «Красного флага», но так как на борту были советский коммунист и Лидия, они в нас не попали, а просто попугали. И пугали они не русских, а только французов и американцев, также находившихся на борту парохода.

Лидия, проявляя свой характер, решила не отставать от меня и в яхт-клубе. Она упорно осваивала премудрости вождения яхты, периодически отправляясь в одиночное плавание. Но однажды произошёл конфуз. Лида решила одна походить под парусом. Ветер был умеренный, и она спокойно вышла в «море». В это время готовилась гонка. И когда был дан старт гонщикам, её яхту внезапно сильным порывом ветра вынесло на пространство перед стартовавшими яхтами. Жена, будучи человеком упрямым и не робкого десятка, несмотря на крики гонщиков: «Отпускай шкоты, ложись в дрейф», тянула шкоты на себя и неслась поперёк курса гонки. Затем, при очередном порыве ветра, почувствовав, что яхта перевернётся, нырнула в воду. Когда это совершилось, она подтянулась на руках и села на корпус яхты, ожидая спасателей.

Я, как участник гонки, взял удачный старт и, набрав скорость,

полетел вперёд. Заметив, что от берега отошли спасатели, крикнул жене, чтобы она хорошо держалась за корпус яхты, я обошёл её и пошёл дальше. Несмотря на «озеркиль» яхты моей жены, эту гонку я выиграл. Меня поздравили другие гонщики, отметив, что я из-за неприятного обстоятельства не сошёл с дистанции. А это было чрезвычайно важным, так как я завершал целую серию гонок и сдаваться мне было нельзя.

Жена благополучно выбралась из озера с помощью спасателей, на меня не обиделась за то, что оставил её в сложной ситуации, считая, что спортивная честь семьи превыше всего. Но после этого случая не решалась отправляться в одиночное плавание. Честь семьи котировалась теперь в клубе ещё выше, и мы какое-то время были героями дня.

Лидия, будучи психологом по образованию - она закончила психологическое отделение философского факультета МГУ им. Ломоносова, - помогала мне в изучении обстановки вокруг нашей семьи. Она обратила внимание на организацию работы американских дипломатов на своих приёмах в посольстве. Все дипломаты, «чистые» и сотрудники ЦРУ, их жёны не оставляют без внимания советских представителей. При появлении нашего человека на приёме к нему тут же подходит американец или американка, развлекает беседой и ненавязчиво выясняет его установочные данные (где родился, где учился, где живёт и работает) и цель приезда в страну. Чувствуя, что собеседник устал от расспросов данного лица, его заменяет другой, и так весь вечер.

Как-то, находясь на небольшом частном приёме, жена обратила внимание, что один американец уж очень настойчиво выясняет у неё подробности моей жизни до Бирмы. Беседа велась на английском языке, и Лида решила, уловив момент, когда собеседник отвлёкся на секунду, предупредить меня о навязчивости американца. Она хотела шепнуть мне на родном русском языке эту новость, но что-то её остановило. И, как оказалось, не зря. Через несколько минут в новой сложившейся беседе, когда к ним подошёл ещё один человек, американец вдруг заговорил на чистом русском языке. И Лида поняла, в какую ситуацию она могла попасть, если бы американец услышал её предупреждение мужу о его навязчивости. Нужно всегда учитывать возможность знания кем-то из иностранцев вокруг вас вашего родного языка.

Бирманские спецслужбы не проявляли большой активности в работе против советских граждан и разведчиков. Они ограничивались в то время обычными своими приёмами, обставляя посольство и подозреваемых в ведении разведки лиц агентурой из местных граждан. Эти агенты старались фиксировать, кто приходит в посольство или посещает того или иного советского гражданина. Американское ЦРУ и английская СИС внедряли технику подслушивания в наши помещения, глазами бирманцев стремились контролировать наши контакты с местными и иностранными гражданами. Любой разведчик, не обязательно российский, должен всегда учитывать это обстоятельство в своей работе за границей.

Однажды посол Франции пригласил меня после яхт-клуба к себе в резиденцию. После всевозможных протокольных и чисто дружеских

изысков, после нескольких порций холодного, со льдом, виски он приступил к беседе. Выяснилось, что генерал де Голль недавно побывал с визитом в Москве. Генерал остался очень доволен оказанным ему тёплым приёмом у нас дома, развитием и углублением франко-советских отношений. В этой связи наш друг Миле также хотел бы провести серию встреч в Бирме, правда, не на таком высоком уровне.

Я передал пожелания посла Франции нашему послу Ледовскому, и вскоре несколько совместных мероприятий состоялись. Один вечер советско-французской дружбы был организован в резиденции Ледовского. На нём почти в полном составе присутствовали сотрудники французского и нашего посольств. Вечер прошёл удачно, весело, были выступления наших посольских певцов и певиц, а посол Франции показал, как он пел русские песни в нашей тюрьме и за обедом, уже в Париже, в присутствии генерала де Голля.

Ответный вечер, проведённый в резиденции французского посла, прошёл скромнее, тише, без русской удали, но с французским шармом.

Так что мы на практике способствовали развитию советско-французского делового и дружеского сотрудничества.

Однажды в Бирму прибыли необычные и очень желанные гости - наши космонавты. Среди них была первая женщина, побывавшая в космосе, - Валентина Терешкова. Для сотрудников посольства это были радостные, приятные и хлопотные дни. Нужно было сделать так, чтобы гостям у нас понравилось.

На приёме в честь космонавтов в советском посольстве собрался весь цвет рангунского общества - правительственные чиновники, члены дипломатического корпуса и, естественно, журналистская братия.

Приём проходил успешно, космонавты были в центре внимания, купались в лучах своей славы, чему способствовал тёплый, напоённый ароматом цветов и французской парфюмерии воздух Бирмы. Правда, нас - хозяев приёма - немного беспокоило лёгкое недомогание одной из звёзд приёма - Валентины Терешковой. Она периодически уходила с зелёной лужайки перед зданием посольства во внутренние покои, и, когда кто-нибудь из главных гостей проявлял любопытство, интересуясь у посла или других космонавтов: «А где же героиня бала Валентина?» - Терешкову вновь выводили к публике. Она вымученно улыбалась, пыталась поддерживать светскую беседу, но было видно, что делает всё это она через силу и ей совсем не до веселья.

Уже под конец приёма ко мне подошёл французский журналист, мы были с ним друзьями - активными соперниками на парусных регатах в яхт-клубе, и, отозвав в сторону от толпы гостей, заговорщически тихим голосом спросил, могу ли я быть с ним очень откровенным, хочу ли я помочь ему сделать большую мировую сенсацию? Я от удивления вытаращил на него глаза, не совсем понимая смысл его слов, но зная, что французы любят юмор, сострил: «Ты хочешь сейчас всенародно объявить о своей помолвке с первой в мире женщиной-космонавтом?» Жак, так

звали журналиста, не смутившись, ответил, что это не совсем так, но я довольно близок к цели. «Я весь вечер наблюдаю за Терешковой и пришёл к твёрдому убеждению, что наша Валентина беременна и что через месяцев семь мир будет свидетелем рождения первого «космического ребёнка», - заявил француз. Я вновь продолжил в шутливом тоне, заявив собеседнику, что хорошо знаю его как отличного журналиста, не совсем хорошего яхтсмена, так как он иногда проигрывает мне парусные гонки, но не догадывался, что он акушер, к тому же ещё и предсказатель, тонко чувствующий женское состояние. Жак перебил меня, он был взволнован, напряжён, как охотничья собака, напавшая на чёткий след дичи, и явно не хотел вступать со мной в шутливый диалог. Он ещё раз повторил своё предложение оказать ему помощь в подготовке сенсационного сообщения, даже попытался соблазнить меня финансовым вознаграждением за содействие.

Честно говоря, быть посредником в журналистской шумихе в мои планы на этом приёме не входило. Его я должен был использовать для расширения круга знакомых среди дипломатов, крупных государственных служащих. Мне нужно было встретиться и закрепить свои отношения с несколькими людьми, которые очень интересовали меня и, естественно, мою службу. В общем, забот было много, так как такие большие сборы интересных людей случаются не часто в Бирме. И тут, как на грех, на мою голову свалился этот француз с какой-то бредовой идеей. В посольстве среди своих людей не было и намёка на мысль, что Терешкова в интересном положении.

Видя серьёзность Жака, с которой он раскручивал свою идею, я понял, что француз не шутит и, не желая обижать его, зная его дотошность, пообещал осторожно всё разузнать. Я высказал пришедшую мне внезапно мысль, что не исключаю, что недомогание Терешковой вызвано пребыванием её в жарком климате Индонезии и Бирмы (космонавты прибыли к нам из Джакарты, где провели несколько дней), духотой сегодняшнего дня и т.д.

Жак не унимался, его глаза горели, руки подрагивали, он был в состоянии нервного возбуждения, ему явно не хотелось упускать возможную сенсацию. В этот момент я хорошо понимал его как журналиста. В то же время я осознавал, что если француз прав и мир действительно скоро узнает, что Терешкова беременна, то Советскому Союзу будет трудно объяснить, от кого, когда и как забеременела незамужняя женщина, побывавшая в космосе.

Меня заботила одна мысль - как удержать журналиста возле себя, не дать ему быстро и самостоятельно провести расследование и не поставить Валентину Терешкову в неловкое положение перед всем миром.

Разведчик должен всегда, в любой ситуации, оставаться разведчиком или, как в этом случае, хотя бы мужчиной, советским мужчиной, и защитить честь нашей женщины. Не дай бог, этот француз раструбит на весь мир новость, что Терешкова беременна, а потом она не подтвердится. Французу-то ничего, а нашей милой «космической»

женщине придётся оправдываться.

Я заметил Жаку, что, видимо, на этой сенсации можно заработать, прославиться. Изобразив готовность сейчас же заняться расследованием этого вопроса, я предложил французу подождать меня на краю площадки, где толпились гости, а сам пошёл в здание посольства, где якобы находился врач команды космонавтов.

В посольстве я встретил советника Щукина и вкратце рассказал ему о догадках французского журналиста. Наш дипломат был поражён этой новостью, он сообщил мне, что космонавты на следующий день улетают на родину и надо сделать всё так, чтобы это предположение Жака не попало на страницы газет. Он посоветовал мне проинформировать о сенсационном открытии француза нашего посла - Андрея Мефодиевича Дедовского.

Вернувшись к журналисту и изобразив на лице разочарование, я сообщил ему, что врач космонавтов категорически отвергает «наше» предположение о положении Терешковой. Умышленно сказав «наше», я давал Жаку понять, что полностью присоединился к его сенсационной идее. Врач сообщил, продолжил я, что и другие космонавты чувствуют себя неважно, но, будучи мужчинами, стараются скрывать это от окружающих.

Я явно разочаровал француза и поколебал его уверенность в правоте своей догадки. Продолжая игру, я заверил Жака, что завтра с утра я приложу максимум усилий для прояснения обстановки, использую для этого жён наших дипломатов, которые находятся с Терешковой в хороших отношениях. Француз ухватился за эту идею.

Вечером после приёма я встретился с послом и сообщил ему о предположении француза и предпринятых мною действиях. Ледовский, удивившись ходу мыслей журналиста, подчеркнул, что ему ничего не известно о положении В. Терешковой, и одобрил мои действия.

На следующий день космонавты благополучно отбыли домой. Все выглядели бодрыми и здоровыми, включая Валентину, немного уставшими от впечатлений увиденной экзотики тропических стран.

Через несколько дней я встретился с французом в яхт-клубе, с чувством разочарования поведал ему, что все мои расследования ничего не дали, видимо, врач команды космонавтов был прав. Это подтвердила и врач нашего посольства - общее недомогание естественно для людей, прилетающих в тропики на несколько дней из северных стран. Так что наша сенсация лопнула, подытожил я. Жак был явно разочарован, видимо, он рассчитывал, что я дам ему хоть какую-нибудь зацепку, чтобы раскрутить это явно выигрышное дело. Он продолжал убеждать меня, что прав в своих догадках, что через несколько месяцев все узнают об этой новости, но сообщит об этом не он, а кто-то другой. Я успокаивал его, подчёркивая, что не хочу разочаровываться в несостоявшейся сенсации дважды - сегодня и через несколько месяцев.

И действительно, через несколько месяцев появилась информация о

том, что Терешкова беременна, а затем, позднее, весь мир узнал имя первого ребёнка космонавтов. А я приобрёл в лице Жака настоящего врага на всю оставшуюся жизнь.

Действительно, Жак оказался прозорливее многих присутствовавших на том приёме в далёкой жаркой Бирме. Он своим французским чутьём, усиленным профессиональными качествами, уловил, что в организме В. Терешковой зарождается новая молодая жизнь. Даже наши врачи ещё не знали, а возможно, знали, но под страхом жёстких кар не говорили об этой новости, так как Терешкова была ещё незамужней. Естественно, по нашим этическим нормам такое положение первой женщины-космонавтки являлось не чем иным, как земным грехом. Не говоря уже о космическом.

Словом, я потерял, возможно, настоящего друга среди французов. Если Жак прочтёт эти мои сегодняшние признания, то я приношу ему самые искренние извинения за срыв принадлежащей ему по праву сенсации на международном уровне. Прости меня, Жак, я вынужден был тогда так несправедливо поступить с тобой. Но я был разведчиком, оберегал покой космонавтов, и я был мужчиной, защищал честь соотечественницы.

Между тем заканчивался четвёртый год моей работы в Бирме. Я полагал, что могу быть довольным удачным стартом моей разведывательной карьеры - освоил агентурную работу (работа с людьми получалась); добился конкретных результатов в вербовочной работе (провёл первую в своей жизни вербовочную беседу, и мой новый агент воспринял её как результат долгого и полезного совместного труда); почувствовал, что могу работать по основной проблеме нашей деятельности - по ГП, «мои американцы» видели во мне друга и товарища и доверяли мне; хорошо освоил оперативную работу - проведение конспиративной связи с агентурой и перспективными разработками, проверка на наличие за собой наблюдения; приобрёл опыт общения с иностранцами, мои знакомые не уходили от развития отношений со мной в неофициальной «домашней» обстановке.

Пришёл срок, и мы всем семейством вернулись домой на Родину с чувством выполненного долга.

Индия

Пробыв некоторое время на Родине после возвращения из Бирмы, мы вновь всей семьёй отправились в очередную командировку. Наш путь лежал в прекрасную страну - Индию.

Время, которое я проводил дома, оказалось для меня печальным - пришлось хоронить отца. В общем-то здоровый человек, умер от банальной операции по поводу аппендицита. Правда, аппендицит в какой-то момент вдруг оказался отягощённым перитонитом, и врачи не смогли спасти его. Тяжело я переживал утрату, но жизнь продолжалась, и надо было делать дело.

К нашему удовольствию, в Индии мы встретили многих своих

знакомых ещё по первой командировке в Бирму. Здесь уже работали Вадим и Танечка Даниловы. Вадим Иванович руководил большим коллективом ССОД. Была тут и французская пара де Бувэ. У них появился сын, прекрасный, как все маленькие дети, Гаспар. Перед Индией французы побывали в Китае и потом делились с нами своими впечатлениями об этой стране. Были в Индии и некоторые бизнесмены, которых я встречал в доме бирманского ирландца. Таким образом, задел, сделанный в одной стране, помог быстрее влиться в общественную жизнь новой для меня страны. А это очень важно, когда на новом месте есть хорошие, добрые знакомые и друзья, они способствуют быстрее, без особой раскачки, включиться в работу по освоению местной обстановки.

Индия своими масштабами, бурной, кипучей жизнью поразила меня. Наша первая любовь - Бирма была по сравнению с ней такой тихой, спокойной небольшой провинцией.

Советско-индийские отношения были безоблачными, как само сине-голубое индийское небо в сухой сезон. Индира Ганди, как и её предшественник Лал Бахадур Шастри, твёрдо и последовательно выступала за развитие всесторонних отношений с нашей страной. В общем, был расцвет индийско-советской дружбы - «Хинди-руси бхай, бхай!» - «Да здравствует индийско-советская дружба!»

Правда, в самой Индии обстановка была не совсем спокойной. Уже назревала конфронтация с Пакистаном: поднимался Восточный Пакистан, но война была ещё далеко впереди.

Индийский народ тепло воспринимал советских представителей, был дружелюбен и гостеприимен. И мы верили в уже сложившийся миф об особом миролюбивом, ненасильственном характере индийского общества и его культуры. Миролюбие индийского народа стало общепризнанным штампом, а хитроумные индийцы умело подпитывали это мнение, отмечает Шебаршин в своей книге «Рука Москвы».

Но когда реально сталкиваешься с индийской действительностью, то этот миф улетучивается. Индийцы ничуть не миролюбивее и не воинственнее любого другого народа, их отвращение к насилию представляет собой интеллигентную выдумку. Жизнь в Индии жестока к тем, кого она не милует и в других странах, - к неимущим, к национальным меньшинствам, к чужакам, к слабым вообще.

Не питает отвращения к насилию и индийская политика на всех уровнях и во всех направлениях. Война для Индии такое же продолжение политики, как и для любого другого государства. Моральные устои, общечеловеческие ценности, философия ненасилия, идеи миролюбия и гуманизма никоща не фигурировали в реальной политике индийского руководства. Трезвый расчёт, прагматизм, строгий учёт государственных интересов - таков стержень индийской политики, замаскированный гирляндами цветов, ворохами философских трактатов. Умение индийцев добиваться своих целей не может не вызывать уважения и даже белой зависти. Так оценивал Индию, её политику, устои, традиции Леонид

Шебаршин.

Справедливость этого заключения я почувствовал на собственной шкуре с первых же дней пребывания в Индии. Здесь я познакомился с работой наружного наблюдения местной контрразведки, почувствовал «дыхание» агентуры из местных граждан. Все они следили в меру своих сил и возможностей за каждым моим шагом, за каждым контактом с индийскими гражданами и иностранцами, пытаясь выяснить и по возможности помешать моей работе и действиям. Меня часто сопровождали автомашины «наружки», когда я выезжал в город и за город. Любопытные местные граждане знакомились со мной, общались и пытались собрать нужную для кого-то информацию обо мне и моих знакомых. Шла обычная работа и жизнь, борьба разведки и контрразведки. Я понимал, что мои «друзья» из ЦРУ и СИС проинформировали местную контрразведку о своих догадках в отношении меня, о возможной моей принадлежности к КГБ.

В общем, я всё больше приобретал опыт работы под неусыпным оком противника, в постоянной бдительности, продумывании и взвешивании каждого своего шага заранее. Такова жизнь разведчика.

Резидентура КГБ в Индии была больше, чем в Бирме. Руководил её работой талантливый разведчик, энергичный, всегда полный новых идей и задумок Дмитрий Александрович Ерохин. Находясь ещё в Центре, я выяснил, что Ерохин и был тем майором, из-за которого начальник отдела Старцев, как должен помнить читатель, был вынужден проводить со мной при приёме в отдел не совсем приятную повторную беседу о меньшей должности. Ерохин своей активной личной работой в «поле», нацеленной на успех, горячим желанием сделать порученное дело как можно качественнее подавал отличный пример своим подчинённым. И весь коллектив резидентуры был слаженным, чётким и работоспособным механизмом, действовал уверенно и успешно, без каких-либо сбоев. Я уверен, что это была одна из лучших резидентур нашей разведки в то время, которая вела боевую, наступательную работу по всем фронтам. Успех сопутствовал Ерохину, коллектив его уважал и любил за заботу о каждом подчинённом. Но он был жёстким и требовательным руководителем, и это также способствовало успешной работе всего коллектива и каждого разведчика в отдельности. Все были увлечены выполняемым делом, трусов и лентяев среди нас не было.

В подтверждение своей мысли о передовых позициях делийской резидентуры хочу привести только один факт - эта резидентура воспитала в своих рядах двух будущих начальников Внешней разведки - Леонида Шебаршина и Трубникова. А основу такой работы резидентуры заложил Дмитрий Ерохин, самый молодой в своё время генерал. Не чета Калугину.

Свою работу в Индии я начал, как и в Бирме, с заведения полезных и нейтральных знакомых и связей. Это диктовалось и активностью работы местных спецслужб. Нужно было показать контрразведке часть своих контактов, отвлечь её внимание на мои второстепенные связи.

Недооценивать возможности местных спецслужб было бы неправильно. Естественно, в повышенной активности есть свой риск, но в моём случае это объяснялось тем, что я недавно прибыл в Индию, полон энергии и желания ближе познакомиться с жизнью дружественной страны.

Я вступил, памятуя бирманский опыт, в делийский яхт-клуб. Располагался он на берегу реки и был далеко не таким прекрасным, как рангунский. Но польза от него тоже была. Позднее я, с разрешения резидента, вступил в богатый Джимхана-клуб. Членами этого общественного клуба были богатые индийский граждане, правительственные чиновники всех рангов, члены дипкорпуса. Клуб действовал регулярно, его члены проводили там деловые встречи, отдыхали, занимались спортом. При клубе имелись замечательные индийские травяные теннисные корты, созданные ещё при англичанах. Рекомендации для вступления в этот клуб мне дали несколько богатых бизнесменов, моих знакомых ещё по Бирме. Были уже у меня и индийские друзья. Примечателен этот респектабельный клуб был и тем, что туда не пускали машины наружного наблюдения контрразведки. Там можно было «потеряться» от наблюдения спецслужбы, так как территория клуба была очень большой. Можно было встречаться с нужными людьми без посторонних. Конечно, я далёк от мысли, что спецслужбы Индии не имели там своих глаз, поэтому и не злоупотреблял гостеприимством клуба.

После того, как я освоился в Дели, изучил город и его окрестности, научился подбирать хорошие маршруты по городу с целью выявления за собой наружного наблюдения и хорошие места для встреч, мне были переданы на связь два ценных агента резидентуры. Один был высокопоставленным правительственным чиновником, местным гражданином, второй - иностранным дипломатом также очень высокого ранга. Имея уже опыт агентурной работы, я поставил дело так, что поток и качество получаемой информации заметно улучшались. Резидент был доволен моей работой, качеством и своевременностью получаемой информации.

Большое внимание я уделял безопасности проведения личных встреч с агентами. Связь - самое уязвимое место в работе разведки. Любая плохо организованная встреча или моё невнимание при выходе на связь с источником информации или на месте встречи могли привести к провалу агента. Большой Дели с огромным количеством кафе и ресторанов, укромных и тихих районов позволял работать без ошибок. Но приходилось тщательно готовиться к каждой операции по связи. Обычно я выезжал на такие мероприятия заранее, за полтора часа до встречи, тщательно проверял, нет ли сзади «хвоста», и, удостоверившись, что всё спокойно, шёл на контакт с агентом.

При активной работе службы наружного наблюдения желательно правильно построить свои взаимоотношения с этими людьми. Ведь они также выполняют свою работу. Не следует их злить тем, что, обнаружив за собой «хвост», используя мощность своей машины, взять и уйти от них. Лучше делать вид, что ты их не видишь. Если на данное время нет

встречи с источником, то можно «привести» свой «хвост» в дом к какой-то нейтральной связи. Спецслужба будет изучать этого человека, выяснять, каковы мои интересы к нему. Можно приучить «хвост» к мысли, что если я приехал по этому адресу, то буду находиться здесь долго - два-три часа, вести беседу, слушать музыку, пить виски, наконец. Побыв со мной по этому адресу несколько раз, долго карауля меня у этого дома, наружка в следующий раз может и бросить свой объект внимания, посчитав, что я опять буду здесь долго.

Продолжая агентурную работу, я не упускал из виду и свой интерес к новым источникам информации. Продолжал поиск интересных людей, могущих быть полезными для нашей службы и по другим причинам.

Как-то пришла из Центра ориентировка на одного крупного правительственного деятеля Индии. Путешествуя по Европе и общаясь с различными людьми, он произвёл очень хорошее впечатление на нашего друга - агента. Этот агент на встрече с разведчиком порекомендовал советской разведке присмотреться к данному человеку с перспективой его привлечения к сотрудничеству. Такое бывает в разведывательной практике.

Ерохин вызвал меня к себе и, показав документ из Москвы, предложил заняться этим человеком. Резидентуре он не был известен, никто из действующих наших разведчиков не слышал этого имени. Взялись за дело. Через какое-то время, используя имеющиеся связи, установили место жительства и место работы объекта внимания. Да, несомненно, он представлял большой интерес для нас, тем более что по своей работе имел касательство и к нашему главному противнику. Теперь дело было за мной, нужно было установить с ним личный контакт и постараться склонить его к сотрудничеству с советской разведкой. С самого начала передо мной стояла задача ни в коем случае не засветить свой интерес к объекту ни перед местной контрразведкой, ни перед спецслужбами США и Англии. В течение нескольких месяцев я приближался к этому человеку. Мне уже удалось познакомиться с ним и встречаться на нейтральной почве. Личное общение показало, что он не уклоняется от контакта с советским представителем.

На очередном обсуждении с Дмитрием Александровичем результатов работы по Герману (так мы назвали этого человека) мы пришли к выводу, что дальше рискованно общаться с ним в обществе даже преданных ему людей, этим мы могли показать наш повышенный интерес к объекту. И было принято решение пойти на прямую вербовку «в лоб», то есть неожиданно для Германа сделать ему предложение о сотрудничестве с советской разведкой. Риск его отказа был большой, так как мы не знали его истинных политических взглядов. В то же время не было опасности, что он устроит скандал во время такой встречи и беседы, встреча должна быть один на один, без свидетелей. Он мог просто выставить меня за дверь. А моё появление возле Германа лишний раз могло привлечь внимание контрразведки. Его симпатия к Советскому Союзу и патриотизм, любовь к Индии побудили нас идти на риск. Тщательно продумав и

обсудив с Ерохиным план беседы и возможное отступление, я пошёл на встречу, уповая только на счастливый исход.

Встреча состоялась по задуманному сценарию, я был один на один с Германом, беседа была короткой. Я даже позавидовал его выдержке. Ни один мускул не дрогнул на его лице, хотя смысл моих слов был для него неожиданным. Он только на мгновенье вскинул глаза на меня, в них было удивление и просвечивался ход его мысли. Опустив глаза и помолчав, он вымолвил: «Ну и рискованные вы ребята». Я был весь влажный, пот струился по спине между лопаток, хотя в комнате работал кондиционер и было прохладно. Наконец, Герман вышел из оцепенения, он ещё раз посмотрел мне в глаза, на этот раз в них светился огонёк решительности, свет принятого решения. «Хорошо, - сказал он, вытаскивая свою визитную карточку, - вот мой домашний адрес, где проживаю только я и моя жена. Если вы такой смелый, то завтра в 24 ночи я жду вас у себя. Слуг в доме не будет, но вы должны будете появиться у меня вместе со своей женой. Всё, что надо, мы обсудим завтра, а сейчас извините, я должен прийти в себя от вашего удивительного предложения». На этом встреча закончилась, и я вышел из дома. Я не помню, как оказался на улице. Взяв такси за углом, я доехал до гостиницы, где меня ждали товарищи. Я впервые проводил такую беседу и должен признаться, что потерял много воды и нервов. Такое дело не для слабонервных. Но сердце уже стучало ровнее, а в голове шумела только одна мысль: «Ты выиграл сражение, первое, но, возможно, не последнее».

Приехали в посольство, нас ждал Дмитрий Александрович. Моя физиономия, видимо, так светилась победой, что он молча пожал мне руку, а затем сказал: «Глядя на твоё непобитое лицо, я вижу, что всё прошло успешно».

Тут же мы стали обсуждать наши дальнейшие действия. Оговорив все детали, я поехал домой, чтобы предупредить жену о предстоящем путешествии в гости.

На следующий день меня и жену заранее вывезли в город на другой машине. Моя машина осталась возле дома, чтобы показать следящим за нами контрразведчиками, что я дома и не собираюсь никуда выезжать. В городе мы ещё раз сменили машину и выехали за город. За городом легче определить, есть ли за тобой «хвост». И уже незадолго до назначенного Германом времени встречи мы вновь въехали в город, ещё раз проверились на наличие «наружки» и покинули машину в районе нахождения дома, У Лиды в те времена, да и сейчас, были пышные светлые волосы, и пришлось использовать тёмную накидку, чтобы не выделяться в темноте светлым пятном. До дома оставалось пройти где-то около 500 метров. И сделать это в кромешной темноте было непросто. Мы естественно опасались случайно наступить на змею или ещё на какую кусачую живность, шли медленно, не создавая шума, чтобы не привлечь к себе внимания сторожей окружающих домов.

Точно в назначенное время мы без происшествий подошли к нужному дому. Дверь тихо открылась, и мы оказались в светлой приёмной. Герман

радушно встретил нас, познакомился с Лидой, поинтересовался, как мы добрались. Он был явно удовлетворён принятыми нами мерами предосторожности, особенно тёмной накидкой жены. Держался Герман с достоинством, не нервничал и внимательно наблюдал за нашим состоянием. После всей этой церемонии встречи он проводил нас в гостиную и представил своей жене. Это оказалась очень милая и красивая женщина средних лет, небольшого роста, в традиционном индийском наряде - сари. Она доброжелательно встретила нас, усадила в мягкие кресла и стала угощать всевозможными сладостями. Лиде с первых же минут знакомства удалось установить с ней хороший человеческий контакт, непринуждённо обсуждая всякие женские проблемы. Женщины увлеклись беседой, а Герман пригласил меня «покурить» в его кабинет.

Я не форсировал беседу, уважая восточный этикет. И Герман не торопился ставить все точки над «i». Мы обсудили международные проблемы, индийскую политику в регионе, развитие отношений между нашими странами. Наконец Герман сам подошёл к главной теме. Он сказал, что хотел бы провести ещё несколько встреч, подобных сегодняшней, в этом же доме, а уже потом перейти к практическим делам. Это нужно ему, чтобы присмотреться ко мне, решить для себя вопрос о целесообразности работы именно со мной. «Хотя в принципе, - подчеркнул он, - я уже принял решение. Теперь мне нужно утвердиться в мысли, что я делаю правильно». Я не возражал, молча наблюдая за ним. Да и что я мог добавить к его логичному ходу мыслей вслух. Он решал главный вопрос в своей жизни, он решался на поступок, который очень многого стоит, возможно, всего его благополучия и даже жизни. И я не мешал его рассуждениям, видя, что основное решение уже есть. Он не отказывался от сотрудничества.

Время летело неумолимо быстро. Женщины активно беседовали, над чем-то смеялись, когда мы вернулись в гостиную.

В три часа утра мы покинули гостеприимный дом, договорившись об очередной встрече ровно через неделю в то же время.

Дорога назад домой оказалась труднее, длиннее и опаснее. Вокруг была непроглядная темнота, только в южных землях ночи так густо темны. Луны не было. Первые минуты после света в помещении мы шли почти на ощупь. Напряжение всех нервов, естественное перед встречей и в ходе беседы, вроде бы спадало, но была какая-то опустошённость. Даже чувство облегчения, наступающее после выполнения тяжёлой работы, пока не появилось, так как опасность встретиться с какой-то неожиданностью и провалить так трудно начинающееся дело опять напрягла всё тело.

Вокруг за заборами лаяли сторожевые псы, под ногами шуршали листья и камешки, напоминая, что там же могут быть и змеи, и скорпионы. Их нам только и не хватало. Нам нужно было пешком уйти из района расположения дома Германа, чтобы никто не смог определить, если это кому-то понадобится, где мы были. И уже после этого ловить такси.

Наконец через час мы вышли к широкой освещённой дороге. И только когда сели в такси, почувствовали облегчение. Вот здесь действительно целые горы свалились с плеч. Но и на такси мы не должны были ехать к своему дому, так как таксист при необходимости мог рассказать, где он посадил нас в свою машину и где высадил. Надо было конечный отрезок пути домой опять идти пешком, тихо, чтобы не привлекать к себе внимания посторонних. И только оказавшись дома, мы действительно расслабились.

Одно дело сделано, один перевал на нелёгком пути разведчика к успеху преодолён. А сколько их ещё?!

Так прошли несколько встреч. Лидия даже иногда подсказывала, где нам следует выбрать обратный более лёгкий путь, чтобы не выходить к дороге в одном и том же месте. Мне было тяжело. А каково было ей, психологически не подготовленной к таким экспериментам? Но она не жаловалась на тяготы разведывательной жизни, стоически всё переносила и шла вперёд по пути жены разведчика. Сама же согласилась помогать мне, как говорится, терпи, казак, атаманом будешь.

На одной из последних таких необычных, но приятных из-за общения с хорошими людьми встреч произошёл опасный, на мой взгляд, инцидент. Где-то около двух часов ночи в дом Германа неожиданно прибыл курьер из президентского дворца. Мы в это время все уже находились в гостиной, пили чай. Герман, как всегда, был невозмутим, а я напрягся, так как этот неожиданный визит мог повлечь за собой последствия. Хозяин дома проводил курьера через гостиную в свой кабинет. На ходу он взял у него запечатанный конверт, а проходя мимо нас, бросил курьеру, что это его дорогие гости из Швеции. И всё. Через минуту они вышли, и курьер уехал.

Герман был спокоен, в присутствии женщин он сказал, что это обычный посыльный, он вряд ли обратил какое-то внимание на иностранцев в доме, так как в этом ничего необычного нет. На моё замечание о том, походим ли мы на шведов, Герман с улыбкой ответил, что Лидия яркая блондинка, поэтому он и назвал её шведкой. А для посыльного Швеция - это где-то далеко в снегах, важно, что не США или Англия. Вот если бы он назвал нас американцами или англичанами, то у посыльного могло это отложиться в памяти, а нейтральная Швеция вряд ли задержится в его голове. Позднее я выяснил у Германа, что эта неожиданная встреча с посыльным в его доме какого-либо интереса или расспросов не вызвала.

Посыльный забыл о ней, выйдя из дома.

Этот случай помог мне ускорить перевод наших встреч с Германом в город, и плодотворное сотрудничество продолжалось ещё много лет.

Нервная, напряжённая работа требовала разгрузки, снятия стрессов и получения положительных эмоций. И благодатная, прекрасная Индия и её природа предоставляли нам такие возможности. У нас с Лидией были прекрасные друзья, среди них Милочка и Вениамин. Веня был старшим по

положению в резидентуре офицером, курировал и направлял работу нескольких разведчиков, а перед своим отъездом из страны передал мне полномочия и агентуру, находившуюся у него на связи и приобретённую им самим за время работы в Индии.

Мы регулярно на выходные дни, если не было срочных дел, выезжали на машинах в поездки по стране. Побывали в таких незабываемых местах, как Агра, Джайпур, Удайпур, Нанитал. Особенно полюбили мы гористые места в районе Нанитала. С гостиницами проблем никогда не было, и мы выезжали семьями наслаждаться дикой природой Индии. Нашим ребятам Андрею и Николаю очень нравились поездки верхом на лошадях по горным тропам. Не отставали от сыновей и мамаши и папаши. Две нимфы Мила и Лида любили позировать перед фотокамерой верхом на красивых лошадях. Эти кадры, когда мы, собираясь в Москве и перелистывая альбомы, возвращали нас назад в прожитое, веяли таким теплом и удалью, что мы забывали всякие болячки и мысленно оказывались опять там, в горах, молодыми и здоровыми.

Словом, как бойцы вспоминали минувшие дни и битвы…

Да, сейчас настало время для воспоминаний. А вспомнить есть что, есть чем гордиться, не без основания полагая, что прожили жизнь не зря.

Интересно было, погрузившись на спину слонов, путешествовать по диким джунглям заповедника. Вокруг тебя паслись олени, косули, летали диковинные птицы. В водоёмах плескались крокодилы. И, сидя на слоне, можно было спокойно наблюдать, как отдыхает тигр. Мы видели всё это собственными глазами.

Особенно интересно проходили наши пикники на природе. Мы выезжали на прекрасное озеро Альзар всего в пятидесяти километрах от Дели. Мужчины утром шли на охоту и на рыбалку, женщины выставляли закуски на столы в красивом древнем замке, расположенном на крутой скале над озером. Общипав дичь - уток, гусей, почистив рыбу, устраивали общий стол. Жарили дичь повара замка-гостиницы, это у них получалось лучше, они добавляли к блюдам свои специи и приправы и всё выставляли на столы перед нами. Какое это было угощение! А столы стояли на верандах под открытым небом и высоко над озером. После обеда над озером лились русские песни, пели мы, пели наши молодые души.

Работа в Индии значительно отличалась от работы в Бирме. Здесь она была более масштабной, плановой, более целеустремлённой и солидной. Естественно, сказывалось и то, что я уже был не начинающим специалистом, а обогащённым опытом коллектива и собственной практикой, победами и ошибками первых лет, сложившимся разведчиком. Я уже не выходил прямо на американцев, не лез на коллег из ЦРУ, а старался обойти их со стороны, делать отдельную работу чужими руками, но, безусловно, своей головой. И это оказалось продуктивнее. Я старался скрыть от окружения свои интересы и цели. В Центре у нас был хороший специалист по американским спецслужбам, он умудрялся, сидя в Москве, выявлять работников ЦРУ и информировать нас - кто есть кто. Позднее я

встретился с этим человеком в Японии, и мы смогли вместе поработать. Этим специалистом был Юрий «Т», смелый разведчик. Американцы знают его хорошо и, как мне кажется, уважительно к нему относятся. Не зря же он, уйдя на пенсию, побывал в США вместе с Вадимом Алексеевичем Кирпиченко и другими нашими разведчиками, общался с партнёрами по профессии за дружеским столом.

Впоследствии мы в Индии сумели обходиться без помощи Юрия. Благодаря нашим многочисленным друзьям, мы определяли, кто из американцев чем занимается, чем интересуется, кто что любит и не любит. Вероятно, и у ЦРУ была подобная информация о нас. Что поделать, борьба разведок была, есть и будет.

Как-то к нам приехал Калугин, ныне широко известный критик бывшего КГБ. Тогда он был восходящей звездой - Крючков приводил его в пример другим. Был он специалистом по работе против американцев, против сотрудников ЦРУ. Наша резидентура собрала достаточно материалов на одного американца, действовавшего нагло против советских граждан в Индии. Он хотел, не прилагая особого труда, а так, нахрапом, вербовать русских. И нам пришлось «помогать» ему в этом деле. Ну, а чтобы у американца от успехов не закружилась голова, мы решили подключить к нему нашего аса - Калугина. Калугин прибыл, на организованной встрече провёл вербовочную беседу с американцем. Тот испугался и со страху согласился со всеми предложениями Калугина. Правда, на следующий день он одумался и тихо, без торжественных проводов, навсегда покинул Индию, прекратив интересоваться русскими людьми. Это и нужно было нам. И Калугин тихо уехал домой.

Вениамин, уезжая из Индии, оставил мне всё своё беспокойное хозяйство. Работы прибавилось, и приходилось быстрее вертеться в колесе событий.

Индию посещали высокие гости из Москвы. Обычно это были очень хлопотные и суматошные дни. Доставалось всем - и разведчикам, и «чистым» дипломатам. Но один визит произвёл на меня очень сильное впечатление. Это был визит Председателя нашего правительства Алексея Николаевича Косыгина. Поразил он меня деловитостью, отсутствием пустой нервотрёпки и какой-либо помпезности. Это был деловой визит делового человека, лишённого претензий на своё величие, а его величие и проявлялось в его поведении, в подходе к делу.

Остановился Алексей Николаевич в резиденции посла, у Николая Михайловича Пегова. Рабочий день начинался у него с раннего утра, иногда прямо на лужайке перед резиденцией, где был установлен небольшой столик и плетёные кресла. Наш резидент Дмитрий Ерохин докладывал обстановку и заранее оговорённые темы по интересующим Косыгина вопросам. Алексей Николаевич тут же ставил перед ним очередные задания, а Ерохин поручал выполнение этих задач нам. И до следующего утра, до следующего доклада, нужно было что-то оперативно выяснить, решить.

В конце визита Косыгин особо отметил оперативность и точность работы разведчиков резидентуры, похвалил подготовленность, глубину знаний резидента по проблемам Индии.

Другой визит, визит советской партийно-правительственной делегации во главе с Председателем Президиума Верховного Совета СССР Николаем Подгорным, проходил совсем по другому сценарию. Здесь было всё - и торжественность, радушие и гостеприимство хозяев и, естественно, сутолока, нервотрёпка, пустая беготня советских дипломатов. Прошёл визит успешно, а мы долго отходили от торжеств и шума. Мне запомнился один вечер, вернее, даже ночь этого визита. Всё подходило к концу, и Николай Владимирович Шишлин, член делегации, работник ЦК КПСС, попросил меня уделить ему время для отдыха. Я предложил ему пойти в ресторан, свозить его на ночную охоту на уток и зайцев или организовать вечер с моими друзьями в домашней обстановке. Он от всего отказался, попросив, если можно, просто посидеть в домашней обстановке у меня дома, послушать музыку. Мой довод, что жены сейчас нет дома, она уехала в Бомбей, не остановил его. И вот в 23 часа вечера я привёз гостя к себе домой. Жили мы в посольском городке, в трёхкомнатной квартире. Я поставил на стол всякие нехитрые закуски, у жены всегда были запасы наших московских продуктов для желанных и приятных гостей. Я включил тихую, спокойную музыку, и мы втроём сели на мягкие диваны у журнального столика.

Втроём - это Шишлин, я и наша домашняя собачка - Белочка. Удивительная была у нас собака. Подарил нам её наш индийский друг. Порода - самоед, это что-то среднее между нашей сибирской лайкой и болонкой. Величиной Белочка была с обычного среднего пуделя. Пушистая, чисто-белая, на мордочке выделялись большие чёрные глаза и чёрный влажный носик. Она была любимым членом семьи и другом нашего сына Николая. Она всегда присутствовала при всех сборах гостей. Белочка уселась на задние лапки, прижавшись спиной к дивану. В ходе беседы мы не раз обращали внимание на терпение и упорство собаки, она сидела с нами не меняя позы почти всю ночь. Иногда засыпала, но, встрепенувшись, опять садилась на задние лапки. Наша спокойная беседа под аккомпанемент тихих русских песен продолжалась почти до утра. Мне было интересно слушать рассуждения умного, толкового человека, хорошо знающего обстановку в мире. Шишлин отлично разбирался и в индийской политике. Только под утро я отвёз гостя в гостиницу «Ашока». Вернувшись домой, заснул сном младенца и проспал до 11 утра, не заметив, как сын убежал в школу без завтрака.

Как-то раз, после успешного выполнения сложного и трудоёмкого задания Центра, Дмитрий Александрович разрешил одному товарищу и мне совершить поездку по стране с семьями. Он выделил нам свою автомашину. Это были незабываемые несколько дней из всей нашей жизни в Индии. Мы проехали по историческим, замечательным местам древней Индии по следующему маршруту: Джайпур, Удайпур, Маунтабу, Барода, Бомбей, Аджанта, Эйлора, Коджурахо, Агра и вернулись в Дели.

Нас было пять человек - товарищ с женой, Лида, Николай и я. Мы свободно разместились в просторной машине резидента и поехали. Путеводителем для нас была большая карта Индии с указанием всех, включая просёлочные, автомобильных дорог и горячее желание повидать как можно больше индийской экзотики.

Джайпур - древнейший индийский город, здесь находится знаменитый розовый дворец махараджей, дворец ветров и солнца. Его ажурные контуры очень красиво смотрятся в лучах заходящего солнца.

От дворца Джайпура мы поехали во дворец Удайпура. Хитрый древний правитель этой земли поставил свой дворец посреди большого озера, чтобы никто и ничто не нарушили его покой. В наши дни в этом дворце разместилась гостиница, и мы, естественно, не могли проехать мимо, не переночевав в опочивальнях бывшего местного владыки. Нам пришлось бросить свою машину на берегу под охраной сторожей и на лодке переправиться во дворец. Восхищению увиденным не было предела. Красивая архитектура, ажурность и воздушность, действующие большие и маленькие фонтанчики. Как в сказке!

А вечером, при подсветке здания электрическими лампочками, дворец действительно смотрелся сказочным кораблём.

Из этой сказки мы покатили к следующей - в джайнистские храмы Маунтабу. Но до них дорога оказалась долгой, и только к вечеру мы добрались до гористой местности. Уже стемнело, когда мы стали осторожно по узкой дороге подниматься вверх, к цели нашего путешествия. Я вёл машину. Все наши пассажиры клевали носами, устав от нудной, пыльной равнинной дороги. И тут произошла неожиданная встреча, взбудоражившая всех нас. В лучах фар машины я увидел прыгающего по обочине дороги огромного, красивого, полосатого тигра. Я разбудил всех в машине, и мы зачарованно любовались сильным и ловким зверем. Он не смущался и не делал попыток атаковать нас, просто прыгал рядом. На всякий случай мы закрыли окна, чтобы полосатый не вздумал кого-нибудь из нас вытащить наружу когтистой лапой. Наконец тигру надоело состязаться с машиной в скорости подъёма в горы, и он так же внезапно исчез в зарослях, как и появился.

Несколько секунд после этого в машине была тишина, а потом последовал эмоциональный взрыв. Первым нарушил тишину сын. Он только воскликнул: «Вот это здорово! Вот бы снять с него эту чистую шкуру и взять на память». На мою реплику, что тигру будет холодно в горах без шкуры, никто не прореагировал, но все громко повторили первые слова сына: «Как вокруг здорово!»

Не успели мы оправиться от тигрового шока, как прямо перед машиной замелькала стая больших дикобразов. Здесь я не выдержал и решил добыть хотя бы одного из этих диковинных зверей с помощью машины и надавил на газ. Но тут включился наш товарищ. Он закричал, что сейчас мы проколем все колёса и будем ночевать вместе с тигром под открытым небом в горах. Его доводы подействовали на меня

отрезвляюще, и я сбросил газ. Колючие поросята исчезли в темноте.

Без дальнейших приключений мы добрались до гостиницы. Я пожалел, что не взял с собой в дорогу ружьё. Утром там же в Маунтабу я купил на всякий случай трость со стальным стилетом внутри. Она и сейчас стоит у нас дома в Москве.

Нам ещё предстояло увидеть действительно чудо творения древнейших мастеров - тончайшую резьбу по мрамору. Джайнистские храмы внешне выглядят непривлекательно, это как бы каменные покатые холмы. А внутри такая удивительная и необычная красота, такая тонкая работа по камню, что даже не верится, что всё это сделано человеком несколько сотен лет назад. Храм вырублен в монолите скалы, в центре пустота, а по кругу размещаются беседки - молельни. Вот они-то и являют собой чудо творения рук человеческих. Сводчатые потолки каждой круглой беседки украшены тончайшим ажурным орнаментом - белыми мраморными, каменными кружевами. Это даже трудно представить себе, а как это всё исполнялось, непонятно. Причём рисунок потолка беседки нигде не повторяется, каждая беседка имеет свой неповторимый узор. Колонны беседки имеют каждая свой тончайший рисунок.

Чтобы осознать эту красоту, нужно её увидеть. Описать словами увиденное почти невозможно, если ты не поэт. Не хотелось покидать это удивительное творение из камня, но нужно было ехать дальше.

Путь наш лежал на юг, через Бароду на Бомбей. Мы ехали по самой глубине Индии. Потрясала увиденная убогость и бедность жизни простых индийцев - всё здесь было так же, как и сто - двести лет назад. Ни электричества, ни водопровода, ни промышленности, ни железной дороги. Ничего, только небо, земля и простые, копошащиеся на своих клочках земли люди. Цивилизация была от них где-то далеко-далеко, за тридевять земель. И удивление в нас самих - как могли эти люди, их предки, создать такие шедевры архитектурного искусства, такие памятники своему труду, таланту, умению и терпению.

Барода не произвела на нас никакого впечатления, обычный городок Индии, а вот Бомбей приятно удивил. Это европейский город с прямыми улицами, большими домами и дворцами, расположен на берегу вечно тёплого океана. Пообщавшись в консульстве со своими коллегами по работе, обсудив некоторые деловые вопросы, мы познакомились с городом.

Здесь мне запомнилась одна деталь архитектуры южного города - башня смерти. Возведена она была предками парсов (индийская каста), но действовала до сих пор. Странная эта традиция соблюдалась и в наше время - умершего человека не сжигали, не предавали земле, не бросали в реку, а помещали на вершине этой башни.

С этой башней связана одна мрачная для Советского Союза история. Наш очень любопытный гражданин, несмотря на запрет, подкупив служителей башни, поднялся на её вершину.

Возвращаясь из Индии домой, он внезапно заболел и был высажен

для лечения в Ташкенте, а пассажиры самолёта полетели дальше, часть из них добралась до Ленинграда. Вещи больного были доставлены попутчиками домой в Ленинград. Через несколько дней по всему Союзу пронеслась тревожная весть - к нам из Индии завезена страшная болезнь - чёрная оспа. Наши врачи вовремя распознали угрозу этой болезни, были вакцинированы жители Москвы, Ленинграда, Ташкента и тех мест, куда попали пассажиры того злополучного рейса. Удалось избежать трагедии - эпидемии чёрной оспы, но несколько человек, включая и любопытного исследователя Древней Индии, скончались.

После Бомбея нам пора было возвращаться домой в Дели. Путь на север мы избрали через Аджанту и Эйлору. Удивительна история этих двух памятников древнейшей культуры Индии. Эти монастыри были в своё время покинуты обитателями и забыты. Один английский исследователь случайно обнаружил их в середине XVIII века, а сейчас к ним не зарастает тропа местных граждан и туристов со всего света. Добраться сюда, даже сейчас, можно только на автомашине, нет ни железной дороги, ни авиасообщения с этим глубинным индийским районом. Мы добрались до этого очередного индийского чуда и были вознаграждены за усилия. Эти монастыри вырезаны индийскими древними мастерами в скальном грунте континента и представляют собой группу помещений различной величины, квадратных и овальных, с чудесными росписями стен и потолков. Краски до сих пор ярки и насыщенны, словно нанесены недавно. А им много сотен лет.

Особое чудо - это главное помещение храма - комната размером примерно сорок на двадцать метров и высотой пять метров. В помещение есть только один вход. Где бы ни находился посетитель в этом помещении, он отчётливо слышит всё, что говорит спокойным голосом человек, стоящий на возвышенном месте (вроде алтаря) у дальней стены комнаты. Поражающая воображение акустика этого помещения ещё требует, на мой взгляд, разгадки. Как строители смогли всё это рассчитать, не имея каких-то специальных приборов? Мистика, загадка. Что ещё можно сказать? И везде, во всех помещениях, фигуры различных индийских богов. Одни вырезаны из монолита, вместе с помещениями, другие занесены в эти помещения извне.

Следующая цель нашего путешествия - известный всему миру храм, посвящённый любви мужчины к женщине, под названием Коджурахо. Это грандиозное сооружение покрыто скульптурами, изображающими сцены эротической любви, сверху донизу. Фигурки выполнены из местного камня, храм не имеет фундамента, но стоит тысячи лет и не падает. Вот какова эта сила любви! Описывать позы и изображения не берусь, так как боюсь, что не справлюсь с задачей, всё это надо видеть, хотя бы на фотографиях. Правда, мой сын взирал на всё это спокойно. Он был учеником четвёртого класса посольской школы, в обсуждении взрослыми увиденного также не принимал участия. Его больше интересовали живые обезьяны, прыгающие вокруг туристов, выпрашивающие угощения.

И последним местом нашего путешествия была всемирно известная

Агра - седьмое чудо света. Там находится храм Тадж-Махал, также воспевающий хвалу чуду человеческого чувства - любви мужчины к женщине. Владыка Индии, потеряв жену, выразил свои чувства к ней в камне, воздвигнув этот храм из белого мрамора. Он начал сооружать и второй храм, который должен был быть из чёрного мрамора и послужить местом его покоя. Располагался этот храм на противоположном берегу, напротив Тадж-Махала. Но владыка не успел закончить это строительство, его коварный сын сверг отца с престола и заточил в Красный Форт. Сын, правда, позволил отцу любоваться видом Тадж-Махала из своей камеры, но не прямо, а только в зеркальном отражении. Вот таковы были в те времена чувства любви и ненависти человека к человеку.

Потрясённые всем увиденным в этом путешествии, мы вернулись в Дели к своим обычным и не совсем обычным делам и заботам.

Вскоре Дмитрий Александрович Ерохин покинул Индию. Он вернулся в Центр и стал руководителем отдела вместо Василия Иосифовича Старцева. Старцев к тому времени был назначен заместителем начальника разведки.

Резидентом КГБ в Индии стал Яков Прокофьевич Медяник. Этот опытный разведчик располагал к себе дружелюбием и искренним, нескрываемым интересом к собеседнику. А для разведчика очень важно, когда он чувствует доброе внимание со стороны более опытного руководителя. Все сотрудники резидентуры и наши дипломаты уважали и любили Медяника. А разведчики стремились не подводить его, чётко выполняя его рекомендации.

В разведке очень важно чувствовать взаимное доверие действующих в ней лиц. Она не сможет нормально функционировать, если агент и разведчик, сотрудник резидентуры и резидент, резидент и Центр не будут доверять друг другу. В нашем деле, где много кропотливой, даже скучной работы, в любое время могут возникнуть ситуации, когда под угрозой оказывается судьба человека. Многие наши помощники работают с нами за деньги, но никакие суммы не побудили бы их к этому, если бы они не доверяли нашей разведке и конкретно человеку, поддерживающему с ними контакт. В ходе продолжительной работы между разведчиком и его агентом возникают особые отношения, которые могут появляться у людей лишь в боевых условиях, когда рядом смерть. Встреча с агентом проводится один на один. Разведчик добросовестно и подробно отчитывается о ней. Он должен быть уверен, что никакая, даже самая неприятная, никакая его ошибка не будет обращена руководителем ему во вред. Только при этом условии и начальник может быть уверен, что подчинённый всегда будет доверять ему, ничего не утаивая и не искажая.

Работая в Индии, мне повезло познакомиться с двумя будущими руководителями нашей разведки, увидеть их в деле, вместе участвовать в оперативных мероприятиях резидентуры. Леонид Владимирович Шебаршин стал заместителем резидента, он активно включился в жизнь коллектива, работал с агентурой, сам искал и приобретал новых

источников информации. Большое внимание уделял работе с молодыми, начинающими разведчиками, помогал советом и делом и уже старожилам резидентуры. Он всегда был серьёзен, вдумчив и в то же время общителен. С ним, как говорится, можно спокойно идти и на серьёзное оперативное мероприятие, и поехать вместе отдохнуть на охоте. Позднее я передал ему на связь одного важного источника информации, приобретённого мной в Индии. Передал Леониду Владимировичу по наследству и свой охотничий непромокаемый костюм, который, надеюсь, не раз спасал его от холодной утренней воды индийских озёр.

Трубникова я помню меньше, так как он был ещё молодым, начинающим разведчиком.

Все наши разведчики, независимо от занимаемой должности и положения, активно помогали друг другу в оперативной работе, обеспечивали безопасность встреч с агентурой, участвовали в проведении тайниковых операций, отвлекали на себя, при необходимости, внимание наружного наблюдения индийской контрразведки. Работали сплочённым, дружным коллективом, естественно соблюдая при этом все необходимые правила конспирации.

Подслушивание - это важнейшее орудие каждой разведки и контрразведки. Внедрение такой техники в служебные помещения посольств - задача очень сложная и рискованная, но удачно проведённая операция может дать хорошие результаты. У людей есть привычка диктовать секретные материалы, проводить совещания, на которых откровенно излагаются все точки зрения. Если эти люди к тому же не слишком заботятся о безопасности своих помещений, то задачи разведки и контрразведки заметно упрощаются. Однажды установленное устройство может работать очень долго.

Если кому-то из наших разведчиков вдруг внезапно их нейтральными связями преподносился объёмный подарок - статуэтка из дерева или камня и т.д., то мы не исключали, что там могла быть спрятана радиозакладка. Офицеру рекомендовалось убрать этот подарок куда-нибудь подальше из комнаты в доме, где проводятся беседы. Искать такую стационарную технику в арендуемых разведчиками домах и квартирах было бесполезно, так как противник всегда мог установить её вновь, используя ремонтные работы или во время отсутствия нашего человека дома. Проще было всегда исходить из того, что ваша квартира постоянно прослушивается противником, так как он имеет туда доступ.

Затронул я этот вопрос по той причине, что каждый разведчик, находясь за рубежом, должен не забывать, что его разговоры в помещении прослушиваются. Это относится и к помещениям посольств. Разведка или контрразведка может и туда занести спецтехнику. Ниже, говоря о Малайзии, я покажу на примере, что бдительность никогда не бывает излишней.

Работая в Индии, я поддерживал, как и в Бирме, тесный контакт с сотрудниками нашего военного атташата, в частности, с генералом

Поповым. Делился с ним, с разрешения резидента, получаемой мною информацией по военным проблемам.

Большим событием для советских людей в Индии были приезды советских артистов в эту страну. Мы всегда стремились попасть на их концерты, пообщаться с ними в домашней, неофициальной обстановке, послушать их об обстановке дома. Как-то в Дели приехали артисты Пермского театра оперы и балета. Ещё мои родители знали там некоторых артистов. От них я узнал, что ещё жив и активно работает в театре Владислав Иванович Акимов. Я попросил артистов передать Акимову привет из Индии, от почитающего его талант поклонника.

Наш сын Николай закончил четвёртый класс делийской посольской школы, и пришло время расставаться с ним, так как действовало только начальное школьное обучение. Жена нервничала, переживала, как сын будет учиться в интернате в Москве без нас. Она хотела уехать в Москву с ним, но руководство не позволило этого.

Самым лучшим способом снять стресс и усталость после напряжённой работы были поездки на утиную охоту в зимний сезон. Эти поездки не требовали много времени, так как утиные болотца разбросаны на очень небольшом расстоянии от Дели. Час на дорогу, два часа в камышах и час обратно. Без добычи возвращались редко. А добычей были утки, гуси и местные зайцы. Утки и гуси были, как правило, российскими. Они добираются до Индии, спасаясь от наших зимних холодов. Выезжали на охоту затемно, чтобы быть на месте к рассвету. И только забрезжит рассвет, начинается чудо - поднимается гомон птиц, они встают на крыло и летят с полей на воду, летят сотни, тысячи разных водоплавающих жителей болот. Тут утки, пеликаны, розовые фламинго, гуси, журавли, кулички. Шум и свист крыльев, кряканье и трубный крик гусей и журавлей. Азарт охоты увлекает, не обращаешь внимания, что холодная вода уже по пояс и выше, - важно не промазать и не потерять подранка, если такое случается.

Однажды мы взяли с собой на охоту приезжего гостя из Москвы, нашли ему ружьё и патроны. Но в воду он почему-то с нами не полез, остался на твёрдой земле. Когда рассвело, собрали добычу, устроились на берегу передохнуть. И здесь гость нас удивил своими вопросами. Он спросил, почему мы не боимся водяных змей. Он где-то читал, что этот вид змей самый ядовитый в Индии. На наши заверения, что за всё время охоты на болотах мы ни разу не видели змей, он торжествующе воскликнул: «А это что такое?» - и указал на воду. Там действительно плыла большая, более метра, змея. Все оторопели. Но от охоты никто не отказался.

И другой любопытный случай на охоте. Где бы вы ни остановились, в самом безлюдном месте, через короткое время возле вас появляются вездесущие индийские мальчишки. Когда рассветает, они охотно за плату могут достать вашу добычу из воды. Я обычно сам доставал своих уток, а некоторые товарищи предпочитали полагаться на помощь мальчишек. С нами в тот день были два индийских паренька. Они добросовестно

поработали, заработав каждый по 10-15 рупий. В это время на нас налетела стайка уток, и наш товарищ добыл ещё одну крякву. Он попросил ребят достать его последнюю добычу. Но ребята дружно отказались, заявив, что на сегодня они и так хорошо заработали. Товарищ, узнав, что они заработали по 15 рупий, предложил им 10 рупий за эту утку. Мальчишки отказались. Тогда он предложил 20 рупий, но опять последовал отказ. И логика была железной - на сегодня им хватит, а завтра они будут готовы это сделать и за меньшую плату. Товарищ был вынужден сам лезть в воду за добычей, сожалея о своей жадности. У него и так были на поясе три утки.

Через год мы с женой покинули прекрасную Индию, но поехали не домой, а нас ждала Малайзия.

Малайзия

Прекрасна и необычна небольшая азиатская страна Малайзия. Она внешне даже похожа на Японию. Чистые красивые города, хорошие дороги, чудесные уголки гористой природы, интересный многонациональный народ (малайцы, китайцы, индусы и др.). Тропический, жаркий климат, нет чёткого деления на сезоны. Сегодня может пройти сильнейший ливень со страшной грозой, дождь прекращается, выглядывает солнце, которое моментально высушивает влагу с листьев деревьев и дорог. И снова наступает жара.

Дороги покрыты асфальтом, смешанным с натуральным каучуком. От этого асфальт не плавится под палящим солнцем, сохраняя прекрасную сцепку с колёсами автомашин. Страна богата, народ живёт зажиточно, спокойно. Богатства Малайзии - натуральный каучук, олово, пальмовое масло. Гражданская война закончена, и этот фактор позволяет стране уверенно идти по пути национального капитализма, всемерно развивая торговлю.

Когда я впервые приехал в Малайзию, то обратил внимание, что это единственная страна в Азии, где есть памятник борцам с коммунизмом. Стоит этот памятник в центре Куала-Лумпура. Я ожидал почувствовать на себе антикоммунистический настрой населения и правительственного чиновничьего аппарата. Однако этого не было. Воспринимали здесь всех одинаково, безразлично, выделяя, правда, американцев и англичан. К ним отношение было более почтительное. Того восторженного обожания, какое ощущал я, советский представитель, на себе в Индии, здесь не было.

Состав посольства и нашей резидентуры был небольшим, страна придерживалась строгой квоты на количество советских представителей в своей столице.

Итак, я резидент КГБ в Малайзии. Определяю для себя проблемы, где необходимо глубоко разобраться самому, - политика США и Китая в Малайзии, советско-малайзийские отношения. В области внутренней политики - прочность позиции местного правительства. Это приоритетные

направления нашей информационной работы. Разумеется, забота из забот, основная проблема - американцы. Наша служба была полностью сосредоточена на работе с американцами, и именно благодаря этой сосредоточенности удавалось добиваться неплохих результатов.

Первоочередных задач передо мною, новым резидентом, оказалось достаточно. Надо было в первую очередь наладить рабочее взаимопонимание с подчинёнными, с «чистыми» дипломатами и послом. Затем предстояло освоить политическую и оперативную обстановку в стране, начать личную оперативную работу, продолжить контакт с некоторыми уже известными нам лицами, завести круг личных полезных связей и попытаться увеличить число источников информации резидентуры. Всё необходимо было делать одновременно.

С каждым сотрудником резидентуры мне пришлось в реальной рабочей обстановке выяснять, на что он способен, можно ли положиться на его здравый смысл, находчивость, решительность в сложных ситуациях. Очень важно было сделать так, чтобы мои коллеги были уверены в компетентности и порядочности своего начальника. Они должны были видеть, что их руководитель способен не только дать толковые рекомендации, но и сам работает в «поле», что у него есть личные контакты и источники, что он может квалифицированно выявить наружное наблюдение и т.д.

Твоя деловая репутация, так считал я всегда, - это важнейший компонент в связке «начальник - подчинённый».

Определённый опыт работы руководителя я получил ещё в Индии, организуя действия группы разведчиков, выделенных для работы по ГП. Но там я был прикрыт спиной резидента, а здесь сам был таковым. Приходилось решать все проблемы самостоятельно. Рабочий день был без ограничений, он начинался в 7 часов утра и заканчивался глубокой ночью.

С учётом имеющегося у меня опыта работы с агентурой, в Малайзии я решил взять на себя поддержание связи с наиболее ценными источниками информации. Их было двое, а позднее я увеличил это число до трёх.

У меня появилось много хороших знакомых. Среди них и те, с кем приходилось встречаться изредка, как правило, под покровом ночи или за пределами города.

Наше соперничество с ЦРУ продолжалось. Должен признать, что мой интерес к американским коллегам сопровождал меня на протяжении всей разведывательной деятельности за границей.

Где-то в самом начале моего появления в Куала-Лумпуре со мной связался мой старый знакомый ещё по Бирме Ральф Катрош. Он попросил о личной встрече, и, несмотря на занятость, я, с согласия Центра, встретился с ним. Американское посольство в Малайзии, как и везде в мире, было самым большим. Ральф Катрош занимал важное третье место по положению в своём коллективе. Он был резидентом ЦРУ. Собираясь на эту встречу, я строил всевозможные догадки, пытался определить, о чём

хочет говорить со мной коллега. Сомнений в том, что Катрош знает о моём положении в советском посольстве, у меня не было. Встреча состоялась по предложению американца в ресторане в центре столицы, на нейтральной земле. Мы «тепло» встретились, я сразу же узнал Ральфа, хотя прошло около десяти лет с момента нашего расставания в Рангуне. Устроились за уютный столик у окна, и беседа началась, угощал американец.

Катрош сообщил, что он недавно вернулся из Южного Вьетнама, пережил там самые трудные времена в своей жизни и поэтому с большим удовольствием принял предложение своего руководства возглавить резидентуру ЦРУ в маленькой, спокойной Малайзии. Он подчеркнул, что, насколько он успел разобраться в обстановке в стране, у Советского Союза и США нет острых противоречий в политике в отношении Малайзии, поэтому он рассчитывает, что мы будем здесь жить без особых хлопот. Главная тема его рассуждений на протяжении всей непродолжительной нашей беседы была одна - ребята, давайте жить дружно, без потрясений. Вёл он себя действительно как кот Леопольд. Я, конечно, не был приучен, да и никогда не хотел, быть полностью откровенным перед противником. Словом, я не мог себе позволить такие вольности, какие допускали коллеги из ЦРУ. Естественно, не признал я и то, что являюсь здесь резидентом КГБ. Я не считал, что у нас нет проблем в наших взаимоотношениях с ЦРУ и с США. Такую откровенность работников ЦРУ, кстати, я встречал и позднее, в Японии. Я заметил Катрошу, что понимаю его состояние, пережитое им во Вьетнаме, видимо, останется оно в нём на всю жизнь. Их программа «Феникс» - самая жестокая в мире, ей не будет оправдания. Наши позиции в Малайзии очень отличны друг от друга, американцы здесь хозяева, а мы гости. Обострений и противоречий, по всей вероятности, в отношениях США и СССР на этой почве быть не должно, но мы будем стремиться к упрочению своего положения в Малайзии.

Я ещё не знал, что меня ждёт впереди. Я не ведал, что так же, как и Катрош в своём Вьетнаме, я окажусь в будущем в своём Афганистане. Правда, там не будет, да и не могло быть, чего-либо подобного программе ЦРУ, «Феникс». Но будет кровь, будут несчастья как с той, так и с другой стороны. Вьетнамцы воевали с американцами советским оружием, афганцы - душманы воевали против нас и своего правительства американским оружием. Уверен, что американцы умышленно устроили нам Вьетнам в Афганистане.

Катрош, видимо, рассчитывал на большую откровенность и философский настрой с моей стороны, но не получилось. Мы сухо расстались, и я больше никогда не видел его и не слышал о нём после этой встречи. Я отчитался перед Центром о встрече с американцем, получил рекомендации воздержаться от развития этого контакта и полностью их выполнил.

Как-то много позднее, когда я работал в нелегальной разведке в Центре, из Индонезии пришёл запрос на моё имя, естественно, через

руководство разведки, не сочту ли я возможным возобновить свой контакт с Бернардом Дэамброзио, другим работником ЦРУ, известным мне ещё по Бирме. Взвесив все доводы «за» и «против» и с учётом того, что я активно работал на очень важном и ответственном участке новой работы, я отказался от развития своего прежнего хобби. Видимо, в какой-то степени сказалось и то, что я уже к тому времени «постарел», и мне не хотелось втягиваться в новые хлопотные дела.

А работа в Малайзии продолжалась и набирала темпы. Мы с женой установили тёплые, дружеские отношения с военным атташе нашего посольства Николаем Михайловичем Белоусовым и его женой. Это была очень приятная и добрая семья. Наши отношения с послом также постепенно развивались. Владимир Николаевич Кузнецов был увлечён игрой в гольф, самым популярным среди дипломатов видом спорта. Он в нём добился хороших результатов и, вернувшись в Москву, был назначен заведующим Управления по дипкорпусу, стал активным инициатором создания первого в Союзе гольф-клуба. Увлекался Владимир Николаевич в Малайзии и черепашьими яйцами. Этот деликатес был доступен только сильным мира сего, но местные султаны делились им и с советским послом. Как-то по великому блату жена посла предложила Лиде несколько штук этих шариков, похожих на мячики для игры в пинг-понг. Жена торжественно вручила их мне, и я съел одно такое яйцо. Впечатление этот деликатес на меня не произвёл, и, к полному восторгу жены посла, Лида вернула ей шарики обратно.

Кузнецов был полковником Советской Армии в отставке. Он имел и умел поддерживать нужные деловые связи, касалось ли это иностранцев и малайзийских высоких правительственных чиновников или наших высоких особ. Как-то в Сингапур прибыл наш министр внешней торговли Патоличев. Кузнецов уговорил меня, вернее, силком заставил поехать с ним, где я и познакомился с Патоличевым.

Местная контрразведка активно работала против нас в Малайзии. Мы это ощущали, обнаруживая за собой слежку, чувствуя появление её агентуры в своём окружении. Естественно, следовало ожидать, что есть и техника подслушивания в наших домах, возможно, и в посольстве. С учётом работы спецслужб против наших разведчиков, я перевёл двух своих агентов, добывающих документальные материалы, на более безопасные условия связи - на работу через тайники. Это потребовало дополнительных хлопот. Нужно было подбирать надёжные тайники, затем убедить наших помощников в надёжности и безопасности такого способа получения от них материалов. И когда всё было позади и способ этот утвердился в умах агентов, работа пошла спокойнее и продуктивнее. Поток информации увеличился.

Для проверки наших посольских помещений на наличие техники подслушивания мы вызывали специалистов из Москвы. Обычно такие проверки в Малайзии, и во время моего пребывания в Куала-Лумпуре, не приносили результатов, мы не находили ничего подозрительного. Однако, несмотря на это, мы всё равно принимали дополнительные меры

предосторожности, в частности, старались не вести секретных разговоров в не защищённых специальной техникой помещениях, не читать полученных информационных сообщений вслух. Естественно, строго соблюдался главный принцип конспирации разведки - никогда не называть имён своих связей и тем более агентов.

Но через несколько лет после возвращения из Малайзии я узнал, что в Куала-Лумпуре, в помещении посольства, была обнаружена техника подслушивания. Удалось-таки американцам и англичанам, а в этом я не сомневаюсь, что это дело их рук, внедрить нам технику. И ведь не нашлось американского, английского или малайзийского Бакатина, чтобы порадовать нас схемой расположения «жучков» в помещениях посольства. Пришлось всё находить самим, тратить на это средства и усилия специалистов - и затем посыпать свою голову пеплом и плакать, что сделали это поздно. Что-то враг успел услышать из наших помещений.

По указанию Центра я дважды выезжал в Сингапур, чтобы на месте помочь нашему резиденту в организации и налаживании продуктивной работы. Мы вместе беседовали с разведчиками, обсуждали конкретные дела и разработки, нацеливали молодых сотрудников на успешную работу. Вроде бы толк от этих поездок был.

Находясь в Малайзии, я выкраивал время и для отдыха, для ознакомления со страной, с её обычаями и достопримечательностями. Я побывал на севере страны, на острове Пенанг. Там захоронены наши военные моряки, погибшие в этих местах ещё в годы Первой мировой войны. Вместе с военным атташе Белоусовым мы возложили цветы в день годовщины нашей славной армии к этому памятнику. Трудно и одиноко спится нашим предкам-героям на чужой земле. Но такова уж участь военных моряков, не знаешь, где сложишь буйную голову, в волнах ли тёплых или студёных морей или на чужом берегу. Не ведаешь, доберёшься ли до родного берега. А сколько наших дорогих земляков - военных моряков - сложили свои головы, выполняя морскую службу, на просторах Тихого, Индийского, Атлантического океанов в наши мирные дни. Сколько погибло подводных лодок Отечества при мирных вроде бы условиях, выполняя, правда, военную задачу - обозначить своё присутствие в далёких чужих водах. Помнят сейчас только родные и близкие тех матросов и офицеров, которые смело ушли в море, героически боролись за живучесть своих кораблей и ушли в вечность. А Отечество, новая сейчас Россия, забыло своих ушедших сыновей. Никому в ней сейчас не до памяти, не до близких тех славных моряков, каждый тянет одеяло или что-то ещё только к себе, на себя. А жаль, что чёрствыми, сухими мы стали! Так ведь и нас всех забудут. А может быть, в этом есть злой умысел тех, кто хотел бы видеть Великую Россию растоптанной.

А какие есть прекрасные уголки природы на малайзийской земле, особенно в горах. Какие чудные коллекции экзотических бабочек, жуков, скорпионов можно там приобрести. Какие удивительные, чистые ручьи бегут с гор в море. Однажды, уже сейчас, я увидел на экране телевизора

«весёлого» Жириновского, что-то жующего в компании местной обезьяны. Обезьяна убежала в лес, а Жириновский, улыбаясь, остался в кадре. Да, это был лес Малайзии, и наш лидер ЛДПР забрался туда отдохнуть. И хорошо отдыхал.

А как приятно окунуться в тёплые воды моря у берега Малайзии. И ехать к морю совсем близко. Однажды мы с женой и друзьями оказались на прекрасном пляже. Там было много народу, кто-то катался на водных лыжах. Малайзийский друг поинтересовался у меня, катался ли я когда-нибудь по морю на лыжах. Я ответил, что по снегу на лыжах в России катался, а по воде не пробовал. И он предложил мне испытать это удовольствие. Будучи ещё молодым и из-за задора я согласился - и очень пожалел об этом позже.

Я взялся за ручку троса, прикреплённого к быстроходному катеру, надел лыжи и… поехал. Человек, сидящий в катере, увидев, что я бодро держусь на лыжах, даже делаю какие-то пируэты, решил, что я спортсмен-воднолыжник, и, включив большую скорость, полетел по волнам. И я полетел вперёд. Сначала мне даже очень нравилось, льстило самолюбию то, что я не упал сразу, держался молодцом. Действительно, делал какие-то зигзаги. Но держался я на лыжах благодаря большому напряжению всех мышц, а нужно было расслабиться. Держался, так как стыдно было отступить, не хотелось упасть, как говорится, лицом в грязь, а в буквальном смысле в воду. И выдержал-таки это испытание. Когда катер через четверть часа подошёл к берегу, я отцепился от него и с большим трудом выбрался на сушу. Всё болело, ломило все суставы. Знакомые подходили и поздравляли меня с успешным катанием на лыжах, отмечая, что у меня это здорово получилось. Я же знал, чего мне стоил этот успех, но улыбался и не рассказывал о своим состоянии.

Кузнецов, будучи послом, влиял, как мог, на состав своего посольства. Придерживаясь своей теории о важности всяких связей, он принял у себя родственника одного правительственного чиновника. В прошлом комсомольский работник, он был, возможно, и неплохим парнем, но вызывал определённую неприязнь у «чистых» дипломатов, так как занимал довольно высокий дипломатический ранг. В странах со сложной внутриполитической обстановкой, с жарким и тяжёлым климатом я не встречал детей «выдающихся» родителей или их родственников. Зато их много в Европе, в США, да и в Японии.

В Малайзии внезапно заболела моя жена, что-то случилось с почкой, вероятно, сказывалось, что мы были довольно долго в странах с жарким климатом и очень плохой питьевой водой. Лида переживала также и о том, что сын наш был один в Москве, учился в интернате. Моя мама, помогавшая наблюдать за ним, писала, что учёба у Николая идёт кое-как. Местные врачи, обстоятельно обследовав мою жену, пришли к заключению, что необходима срочная операция. И мы полетели в Москву. Дома диагноз малайзийских врачей подтвердился. Жене сделали операцию, удалив одну почку. А мне пришлось на короткое время возвратиться в Куала-Лумпур, чтобы сдать свои дела, собрать вещи и

таким образом закончить свою очередную командировку.

В Москве меня принял заместитель начальника разведки Василий Иосифович Старцев. Обсудили результаты работы в Бирме, Индии и Малайзии. Старцев отметил, что я оправдал его доверие, не подвёл его ожиданий, теперь должен отдохнуть, поправить жену после операции. Он предложил мне пойти на учёбу на курсы усовершенствования - УСО. Я согласился. В конце беседы Старцев как бы шутя заметил, что он не даст мне засидеться дома, вскоре вновь отправит за границу, так как моё место в «поле», а не в кабинете. Я промолчал, но про себя подумал, что Дядя Вася шутит, просто подбадривает меня. Но как оказалось позднее, Старцев вовсе не шутил. Но это было потом.

Учёба на курсах УСО не была обременительной, хотя мы и были под Москвой на казарменном положении. Только на субботу и воскресенье приезжали домой. Слушатели по два человека жили в отдельной комнате, по вечерам собирались вместе в большом холле. Коллектив сложился дружный, было интересно общаться, обсуждать эпизоды из прожитой жизни в разных странах. Видимо, потому, что я был единственным морским офицером, меня назначили старшиной курса. А это всё же ответственность за каждого слушателя, за его возможные проступки. Но, слава богу, обошлось без таковых. К нам часто на вечерние посиделки приезжал начальник института - Иван Иванович Зайцев. Он бывал и заводилой разговоров и активным спорщиком в них. Встречи с ним всегда были приятны для нашего коллектива, ведь он тогда уже был известным и опытным разведчиком.

В целом, честно говоря, мы отдыхали, много читали и готовились к дальнейшим трудам. УСО - это важная ступенька служебной лестницы. В 1974 году я закончил курсы и вернулся в свой родной отдел. За время моей работы в разведке уже сменились её несколько руководителей. Ушёл на пенсию Александр Михайлович Сахаровский, начальником разведки был назначен его заместитель Фёдор Константинович Мортин, пришедший в комитет со Старой площади. Мортина заменил Владимир Александрович Крючков.

Мне казалось, что я могу надеяться на два-три года спокойной работы в Центре с учётом слишком коротких временных разрывов между предыдущими тремя командировками за рубеж. Но моим надеждам не суждено было сбыться.

Афганистан - боль моя

Эхо афганской войны, продолжавшейся десять лет (1979-1989), и сейчас тревожит наши умы и сердца. В современную историю нашего народа она вошла драматической страницей. Не утихает боль тех, чьи родные и близкие уже никогда не вернутся домой. И долго ещё поколение, получившее название «афганцы», будет нести в себе скорбную память о героическом и трагическом времени.

О событиях в Афганистане очень подробно, со знанием дела написал

в своих книгах легендарный разведчик Юрий Иванович Дроздов. Его книги - это исповедь человека, прошедшего тяжелейший жизненный путь: фронтовой офицер в Великую Отечественную, разведчик-нелегал, начальник нелегальной разведки КГБ, непосредственный руководитель операции по взятию дворца Амина в Кабуле.

Я не хочу претендовать на освещение каких-то неизвестных Дроздову фактов из событий в этой многострадальной стране. Просто как участник более поздних событий хочу показать жизнь непосредственных исполнителей указаний и распоряжений руководства КГБ и Дроздова, наших офицеров, которые делали своё дело, жили в Афганистане и вернулись домой с чувством выполненного перед Отечеством долга, правда, к великому сожалению, не все.

В 1979 году, работая в Управлении «С» ПГУ КГБ, я не мог не знать, что в нашем подразделении идёт какая-то скрытая подготовка к грядущим событиям, формируется отряд из сотрудников, имеющих военную подготовку, проводится их тренировка. Конец декабря 1979 года - ввод наших войск в Афганистан - объяснил происходящее. Подбор людей продолжался, активизировалась и их подготовка.

Мысленно проанализировав свою профессиональную подготовку (я закончил два высших военных учебных заведения, прошёл подготовку на курсах для руководящего состава разведки, был опыт работы в нескольких резидентурах рядовым работником, заместителем резидента, резидентом), я пришёл к выводу, что должен подойти для новой, но пока неизвестной мне работы. Однако каких-либо предложений мне никто не делал.

Проявив нетерпение, я обратился к руководству управления. Юрий Иванович Дроздов, пользовавшийся огромным и заслуженным авторитетом у всех сотрудников как нашего, так и других подразделений разведки за свой профессионализм, справедливую требовательность, принял меня. Я рассчитывал, что он одобрит моё решение поехать в Афганистан. Однако, выслушав мои доводы, Дроздов сухо, как мне показалось, сказал, что подумает над моим обращением, посоветуется с другими и о своём решении мне сообщит. На этом беседа закончилась. Я вышел из его кабинета, так и не поняв, подхожу ли я для новой деятельности.

Прошло некоторое время. Я терпеливо ждал, и вот в апреле 1981 года мне объявили, что я командируюсь в Афганистан на должность начальника штаба отряда «Каскад». Срок командировки - девять месяцев. Предыдущий отряд, на смену которому мы готовились, пробыл в Афганистане полгода. Отряд состоял из семи команд по числу провинций Афганистана. Штаб отряда располагался в Кабуле, команды - в основных городах провинций. Общая численность отряда - более 700 человек: из них 215 - офицеры, 30 - прапорщики, около 500 - солдаты погранвойск, 30 - переводчики, знающие местные языки. В каждой команде и в кабульском центре была своя бронетехника, автомашины и радиостанция. В общем - огромное и беспокойное хозяйство. Это, конечно же, не

зарубежная резидентура.

Заранее хочу извиниться перед читателями за то, что, рассказывая о своих боевых товарищах из отряда «Каскад», я не буду называть их имена, многие из них и сегодня ещё находятся на разведывательной работе. Словом, требования конспирации не позволяют мне сделать это.

Вылет в Кабул был намечен на середину года. Я, естественно, был удовлетворён решением моего начальства. Мне хотелось проверить себя - гожусь ли я для работы в экстремальных боевых условиях, смогу ли переносить психологические и физические перегрузки, как поведу себя под огнём настоящего противника.

Так началась наша подготовка к афганской операции, но однажды погожим летним утром нас, всех собравшихся в Балашихе и представляющих собой костяк отряда «Каскад», погрузили в автобусы и доставили в подмосковный аэропорт. Погрузившись в огромный транспортный самолёт ИЛ-76 (на такой машине я ещё не летал), мы были готовы к отбытию в далёкий Афганистан, а проще сказать - в неизвестность. Проводить нас в аэропорт приехал Юрий Дроздов, сопровождал его Эвальд Козлов, капитан первого ранга, Герой Советского Союза, также участник штурма дворца Амина. Прозвучали тёплые, душевные слова и пожелания не рисковать собой, особенно своими товарищами, выполнить свою миссию с честью и всем вернуться живыми, невредимыми домой к своим детям, жёнам, родным.

Таковы были напутственные слова Дроздова. Он говорил с напряжением, душевным волнением, так как хорошо знал, куда нас направляют. Для нас же всё это было пока простой романтикой, неизвестной и загадочной командировкой за рубеж Родины. Слова Дроздова воспринимались легко и не очень трогали за живое. А он не хотел нас волновать, настораживать перед вылетом, хотя за несколько дней до этого вёл с некоторыми из нас откровенный и жёсткий разговор о том, что нас ждёт впереди. Мы пребывали в состоянии эйфории, в приподнятом настроении - наконец-то подготовка закончилась и мы летим на дело. Я зкал, что впереди может быть и кровь, и смерть, и другие лишения. Но, как всегда, думалось, что со мной-то уж, конечно, ничего плохого не случится. Пронесёт. И я, выполнив задание, благополучно возвращусь домой. Ведь так бывало. Правда, подобных заданий никто из нас ранее ещё не выполнял.

Тяжёлый самолёт, загруженный людьми и специальным снаряжением, с трудом, как мне показалось, оторвался от родной подмосковной земли и взял курс на юг.

В полёте мы уже были несколько часов. Кто-то был занят своими мыслями, кто-то вёл тихие беседы с соседом по железной скамейке вдоль длинного борта самолёта. Из состояния спокойствия нас вывел голос штурмана, который появился на втором ярусе корабля и, преодолевая нудный шум двигателей, возвестил, что через несколько минут мы приземлимся в Кабуле.

Это известие взбудоражило всех, так как каждому стало ясно, что начинается его новая жизнь, полная неизвестности. Пути отступления, возвращения к прежней жизни были отрезаны. Всем нам надо пройти этот отрезок жизни длиной почти в год, и только тогда мы сможем вернуться домой.

Самолёт сел, открылись двери - ворота в хвостовой части лайнера, и мы увидели суровые скалистые горы. Всё здесь было совсем не похоже на наш российский пейзаж. Другими были и лица встречающих.

Среди встречающих был командир «Каскада» генерал Лазарев. Ему довелось быть командиром Первого, Второго и вот теперь Третьего отряда. Без особой спешки выгрузились. Это потом такие операции будут проводиться быстро, чтобы, не дай бог, не попасть под возможный обстрел душманов с близлежащих гор. Я представился командиру, доложил, что без происшествий прибыли в его распоряжение. Отряд разбился на команды, и в этот же день самолётами они были переброшены в свои пункты дислокации. А мы, команда штаба отряда, погрузились на автомашины и покатили в Кабул.

Когда-то раньше, путешествуя по странам Юго-Восточной Азии, мне доводилось оказываться в аэропорту Кабула, любоваться красивым видом гор вокруг афганской столицы, дышать чистым горным воздухом этой страны. Но сейчас я не узнал аэропорта. На взлётной полосе были боевые машины - истребители, транспортные самолёты, стояли на земле и кружили в воздухе вертолёты. Позднее мы их называли ласково вертушками. Гражданские самолёты, всего несколько штук, скромно прижавшись друг к другу, стояли кучкой на краю аэродрома. Кругом были только военные, наши солдаты и афганцы. Гражданских не было видно.

Кабул также не произвёл на меня сильного впечатления. Серый, низенький город, в основном одноэтажные глинобитные дома-мазанки, они лепились на холмах и довольно крутых горах почти в центре столицы, и везде вокруг жилья стены-дувалы, ограждающие участки земли. Нас разместили в нескольких двухэтажных виллах в зажиточном квартале Кабула, недалеко от нашего посольства. Получились интересные офицерские казармы-кубрики, где люди проводили своё свободное время, отдыхали, обсуждали рабочие и житейские дела. Ну и сам Кабул способствовал сплочению вновь образованных коллективов, так как совсем не располагал к праздному шатанию по городу, особенно в ночное время. На улицах часто случались перестрелки и другие ЧП.

Генерал Лазарев, крепкого здоровья и сложения человек, среднего роста, с седой шевелюрой, уже заканчивающий шестой десяток лет своей жизни, принял нас под своё руководство. Офицеры любили его за покладистый, мягкий, добрый характер и даже сочувствовали ему, так как он безвылазно сидел в Афганистане, меняя состав отряда.

Итак, наш «Каскад-3» начинал осваиваться в Афганистане, расположившись своими командами во всех основных провинциях. Команда «Карпаты» осела в Герате. В её составе было двадцать шесть

офицеров, четыре прапорщика, пятьдесят солдат и четыре переводчика. Команда «Карпаты-1» разместилась в Шинданде. Состав её был такой же. Команда «Кавказ», расположившаяся в Кандагаре, имела двадцать семь офицеров, четыре прапорщика, шестьдесят пять солдат и четыре переводчика. Команда «Алтай» осела в Газни. Она имела почти такой же состав, как и первые две команды. Примерно такой же была и команда «Тибет», разместившаяся в Джелалабаде. Команда «Север-1» была расквартирована в Мазари-Шарифе, недалеко от границы с Советским Союзом. Составом своим она была чуть помощнее. В неё входили двадцать четыре офицера, шесть прапорщиков, восемьдесят солдат и четыре переводчика. Команда «Север-11» находилась в Кундузе, имела двадцать три офицера, шесть прапорщиков, шестьдесят четыре солдата и четыре переводчика. В штабе «Каскада-3», располагавшемся в Кабуле, насчитывалось сорок шесть офицеров, два прапорщика, пятьдесят семь солдат и три переводчика.

Вот такая махина была собрана со всего нашего Союза и подготовлена для выполнения конкретных задач. Пружина действия каждого офицера - сотрудника КГБ СССР - была взведена и механизм действия был включён с прибытием на территорию ДРА (Демократическая Республика Афганистан).

Я пока ещё полностью не осознавал, какую ношу и ответственность взвалил на свои плечи, за какое дело взялся, но уже с первых минут пребывания в Афганистане понимал, что мера моей личной ответственности за жизнь каждого члена отряда будет огромной. Мои главные приоритетные ориентиры - выполнение поставленного задания - передвигались на второй план.

А основной задачей всей этой огромной силы, какой являлся отряд «Каскад-3», я видел следующее: не допустить свержения в Афганистане правительства Бабрака Кармаля, отстранения от власти прогрессивной народно-демократической партии Афганистана (НДПА). Я знал, что партия расколота на два лагеря - «Хальк» и «Парчам». Признанным лидером халькистов и ярким выразителем их идей был Тараки. Он допускал крайности, но двигался, как мне казалось, в правильном направлении. Но Амин, будучи правой рукой Тараки, уничтожил жестоко и варварски своего учителя, добиваясь неограниченной личной власти. Поэтому судьба Амина меня не волновала.

В то время руководителем Афганистана стал популярный среди народа, по афганским меркам, лидер крыла «Парчам» Бабрак Кармаль. Мне казалось, что это как раз то, что нужно афганцам. Нам нужно было помочь ему противостоять внешним силам. И прежде всего организованной Западом, а скорее всего, США агрессии с использованием возможностей Пакистана и сил религиозных мусульманских экстремистов - выходцев из самого Афганистана.

Я был убеждён, что Советская Армия пришла в Афганистан не воевать против афганского народа. Бывая в провинциях, я сам видел, как простые люди тогда тепло и приветливо относились к шурави - советским

представителям и к нашим солдатам. Никакой враждебности не было, и ничего не предвещало беды. Я чётко осознавал, что нам ни в коем случае нельзя втягиваться в вооружённую борьбу правительства и нарождающейся агрессивной оппозиции. Эта борьба - их личное дело, она должна вестись без стрельбы, примером заботы о беднейших слоях населения. Вооружённые банды, постепенно наводнявшие Афганистан, появились из Пакистана, вооружались на американские деньги и зачастую американским оружием. Они постоянно подпитывались боеприпасами, снаряжением и продовольствием также из Пакистана. Если перекрыть эти каналы, а наши армейские части и наши команды «Каскада» в провинциях будут обеспечивать безопасность правительственных представителей, то вооружённая агрессия из Пакистана постепенно заглохнет. Так мне казалось, но радужным представлениям о сути внутренней борьбы и моим надеждам на затухание войны не суждено было сбыться.

С каждым прожитым днём в Афганистане я всё отчётливее видел, как нарастала враждебность и разгоралась борьба между парчамистами и халькистами. И велась эта борьба далеко не по человеческим стандартам, жестоко, кроваво, дикими методами. Авторитет Б. Кармаля катастрофически быстро падал, усилия умных и деятельных людей из его окружения не давали желаемых результатов.

Советская Армия между тем медленно, усилиями афганцев и целого ряда наших военных советников, втягивалась в войну. Этому способствовали и учащающиеся случаи диверсий и просто убийств наших граждан на афганской земле. Словом, машина кровавой мясорубки постепенно раскручивала свои жернова, набирала обороты.

Уже через месяц после нашего прибытия в Кабул Москва разрешила уставшему и основательно издёрганному повседневными заботами генералу Лазареву выехать на отдых в Союз. Этот отпуск, надо сказать, здорово затянулся. Александр Иванович вернулся в Афганистан почти под самый конец нашей командировки. А все заботы деятельности «Каскада-3» легли, как говорится, на мои плечи. В пылу втягивания в новую для меня работу я как-то и не успел испугаться, что остаюсь один на один с огромным отрядом. Ну, а позднее мне уже некогда было чего-либо пугаться. Нужно было работать.

Срок девять месяцев, это и много и мало. За этот период времени рождается у человека ребёнок, появляется на Земле новый член общества. Во время боевых действий такой срок увеличивается во сто крат. И, к несчастью, не прибывают, а, как правило, убывают члены общества, правда, с обеих воюющих сторон. Здесь важны умелые действия, чтобы, нанося максимально большой урон противнику, самому обходиться по возможности малой кровью.

Сейчас я хочу написать самые тяжёлые строки из всего моего повествования о жизни разведчика, да и об афганских событиях. О наших потерях. За эти девять месяцев мы лишились трёх наших товарищей по оружию - двух офицеров и одного солдата. Они погибли при исполнении своего священного долга - служении Отечеству с оружием в руках, при

выполнении задания своего правительства, защищая южные рубежи Родины. Как позднее будет обидно слышать слова отечественных краснобаев и просто безответственных политических болтунов: «А мы вас не посылали в Афганистан».

Отечество, будь то злонамеренно развaленный Советский Союз или нынешняя наша Россия, в неоплатном долгу перед этими сынами, перед их родителями, жёнами, детьми.

Три погибших товарища - это много или мало? Уверен: и один погибший - это чудовищно много. Но с учётом всего творившегося в Афганистане кровавого ада эти потери оказались меньше потерь предыдущего отряда «Каскад-2».

Ниже я расскажу о героическом поступке сослуживца, сотрудника управления «С» ПГУ Анатолия Зотова, который был членом команды штаба отряда «Каскад-3» и первым пал на поле боя. Ю.И. Дроздов в своих мемуарах упоминает этого скромного и честного бойца - «каскадёра».

Обстановка в Афганистане ухудшалась с каждым днём, участие в войсковых операциях отдельных наших частей, особенно в провинциях, бои, засады были неотъемлемой частью будней «Каскада». С учётом этого в числе прочих задач нам была поставлена задача - обеспечить армейское командование точными сведениями о готовящихся диверсиях и терактах, вскрывать базы душманов, склады оружия и боеприпасов, выявлять пути доставки оружия и снаряжения из Пакистана.

Выполняя свои задачи, я установил прочные деловые связи с высшим нашим военным руководством - маршалом Советского Союза С.Л. Соколовым, генералом армии, а позднее маршалом С.Ф. Ахромеевым, командующим 40-й армией, его начальником штаба и другими советскими офицерами.

Каждый день, без выходных, ровно к 7.00 утра я прибывал в резиденцию Соколова на планирование предстоящих операций. Проводил эти заседания Сергей Фёдорович Ахромеев. Уже немолодой офицер, среднего роста, сухощавый, всегда энергичный и подтянутый. И хочу подчеркнуть, что эти совещания должны бы были быть ярким примером чёткой, оперативной и решительной деятельности всех наших представителей в Афганистане. Благодаря воле, целеустремлённости, огромному опыту и даже жёсткости Ахромеева, на этих коротких, не более часа, совещаниях быстро решались все оперативные вопросы на текущий день. Меня поражали чёткость и острота мышления Ахромеева, его умение быстро схватывать и оценивать информацию или сложившуюся ситуацию и выносить на обсуждение решение, а затем делать правильное и окончательное заключение. Обстановка в комнате была до предела деловой. Если чувствовалось, что докладывающий нечётко владеет материалом, его сообщение жёстко прерывалось, он серьёзно предупреждался о неготовности к докладу и вопрос снимался с обсуждения.

Всё это заставляло меня очень тщательно и скрупулёзно готовиться к

каждому такому совещанию. А докладывать мне было что - это результат повседневной деятельности, тяжёлой работы каждого разведчика отряда, независимо от его места нахождения в Афганистане, информация по противнику. Каждый разведчик отряда должен был работать, и хорошо работать, с агентом или агентами из афганцев для изучения обстановки в стране, получения точной и достоверной информации о бандах душманов, их вооружении, передвижениях, складах оружия и снаряжения; наконец - об их намерениях и планах. Мы использовали переданную нам предшественниками агентуру, искали и находили новые надёжные источники информации, имеющие доступ к бандитам. В этом нам, конечно, помогали афганские коллеги из местных спецслужб. Мы обучали их методам нашей работы и совместными усилиями двигали дело вперёд.

Приходилось вступать нам в прямые контакты с главарями отдельных банд, особенно с теми, которые не успели ещё сильно испачкаться в крови своих соотечественников. Склонять их к сотрудничеству с «Каскадом», направлять их на борьбу с наиболее жестокими и непримиримыми бандами. В такой работе без риска не бывает результатов, и, когда нужно было, мы шли на оправданный риск. А что значит «оправданный риск»? Понятие очень растяжимое, но ясным мерилом его, видимо, является конечный результат и, естественно, жизнь и здоровье исполнителя.

Следующим критерием оценки работы «Каскада» была достоверность, то есть правдивость, точность добытой информации, своевременность её получения, конкретность содержащихся в ней сведений. И это требовало от разведчиков «Каскада» огромных усилий по уточнению и перепроверке получаемой информации. Но работа есть работа, и кто-то её должен делать. И мы делали её так, как надо.

Вот с результатами такого труда всего «Каскада», всех его команд, я и приходил на «совет старейшин», возглавляемый Ахромеевым. И так было каждый день.

На первых совещаниях, а это длилось где-то около месяца, Ахромеев настороженно воспринимал нашу информацию, он не забывал спросить, перепроверяли ли наши люди те или другие данные, надёжны ли наши источники. Его основной довод был всегда таким: «Мы не можем позволить себе наносить удары в тех местах, где могут пострадать невинные люди - мирные афганские жители». А также неоднократно вопрошал: «А вы представляете себе, сколько стоит весь тот груз, который, по вашей информации, будет сброшен в указанную точку; сколько пришлось трудиться нашему рабочему, чтобы сделать эти изделия, и сколько изъято денег из карманов наших граждан на оплату йсего этого?»

Только однажды, где-то во время самых первых таких докладов, я позволил себе довольно дерзко возразить высокому военному начальнику. В ответ на тираду Ахромеева я разразился своей. Причём обратился к старшему по званию офицеру не по уставу, а по флотской традиции, существующей ещё со времён создания флота российского, то есть обратился к нему по имени и отчеству. В дальнейшем я этого не допускал.

Я заявил: «А вы, Сергей Фёдорович, представляете, с каким трудом, рискуя жизнью, наши офицеры-разведчики - собирают эту информацию, анализируют, перепроверяют и, только убедившись, в её подлинности, передают на доклад вам».

Моё заявление прозвучало в тишине, никто не позволял себе переговариваться между собой во время выступлений Ахромеева, оно прозвучало как-то неестественно громко, а поэтому вызывающе. Сергей Фёдорович замолчал на несколько секунд, как-то странно посмотрел на меня. Его шокировало, скорее всего, не содержание моего высказывания, а именно форма обращения к нему - по имени и отчеству. В зале наступила гробовая тишина, я даже слышал, как тикают мои часы на руке. В голове проскочила мыслишка, что вот сейчас тебе всыпят по первое число за панибратство, тоже моряк нашёлся.

Сергей Фёдорович, видимо вспомнив, что по званию я являюсь морским офицером, а он отличался очень цепкой памятью, ответил: «Товарищ капитан первого ранга, я хорошо себе представляю труд разведчика и не нуждаюсь в ваших напоминаниях о тех трудностях, с которыми приходится сталкиваться вашим людям при сборе информации в военное время. Но со своей стороны считаю своим долгом напомнить офицерам, а это касается не только вас, но и других присутствующих, что война - жестокое дело, но мирное население надо жалеть, оберегать его и помнить, что война дорого стоит и материально».

После этого он перешёл к обсуждению следующего вопроса. Для меня, к счастью, этот случай закончился благополучно, без последствий, и даже, как мне показалось, Ахромеев стал воспринимать меня более благожелательно. Мне неоднократно приходилось летать с ним по провинциям Афганистана для решения различных проблем. Использовался самолёт маршала Соколова, в котором были два салона - общий и специальный, на пять мест.

Обычно после взлёта адъютант приглашал к Ахромееву в салон на беседу кого-нибудь из сопровождающих. Приглашали туда и меня. Должен заметить, что после службы на флоте и учёбы в академии я никогда не надевал военной формы. И в Афганистане я всегда носил гражданский костюм, поэтому окружающие меня армейские офицеры не знали, кто я по званию.

И вот через несколько дней после того злополучного для меня совещания мы вновь полетели, на этот раз на север, в Мазари-Шариф. Сразу после взлёта адъютант Ахромеева вышел в общий салон и объявил: «Вадим Николаевич, вас просит к себе в салон генерал армии». Присутствовавшие в салоне генералы и офицеры с удивлением уставились на меня. Все, видимо, гадали, что это за гусь такой?

Пройдя в салон генерала, я по уставу доложил ему, что прибыл по его указанию. Сергей Фёдорович тепло принял меня, мы обсудили наши проблемы, которые надо было решать в Мазари-Шарифе, а затем генерал оставил меня в своём салоне до конца полёта. Он предложил мне кофе и

намекнул, что можно и кое-чем его подсластить, отмечая при этом, что сам он из-за болезни этого избегает. Я по скромности и из солидарности отказался от угощения.

После этого эпизода Ахромеев на ежедневных совещаниях воспринимал информацию «Каскада» более уверенно. Ещё более его доверие к результатам нашего общего труда возросло после успешно проведённых двух крупномасштабных войсковых операций. Первая и наиболее впечатляющая операция была организована по информации нашей команды «Тибет» в Джелалабаде. Наши разведчики доложили об обнаружении крупнейшего склада с оружием, боеприпасами и снаряжением в гористой местности, недалеко от этого города. Здесь проходили основные пути поставки оружия душманам из Пакистана. Склад был перевалочной базой бандитов, в нём накапливалось поступающее из-за рубежа снаряжение, а затем распространялось по всей территории Афганистана.

Попытки уничтожить эту базу с воздуха нашей авиацией не дали положительных результатов. Пещеры были вырыты по всем правилам инженерного искусства, с учётом возможных бомбардировок.

Получив дополнительную информацию о том, что склад полон самым современным оружием американского производства, а его охрана ослаблена недостатком людских резервов, наше командование провело крупную десантную операцию. И результаты были впечатляющими - горы оружия, всевозможной техники, что могло нанести нам ощутимый ущерб, были в наших руках.

«Каскадёры» «Тибета» прислали нам фотографии этих складов и трофеев, а я переправил эти вещественные доказательства руководству в Москву. Ю.И. Дроздов поблагодарил наших ребят за успешную работу.

Вторая операция была не менее успешной в военном плане, но трагической для «Каскада» - мы понесли первую потерю: при выполнении боевого задания геройски погиб наш товарищ - Анатолий Зотов.

А дело было так. Сразу же по прибытии в Кабул наши разведчики устремились на поиск нужных источников информации. Агент - источник секретной достоверной информации - это основное оружие любого разведчика. Можно умело анализировать прессу, тщательно обрабатывать все публикации, выжимая из них крупицы нужных сведений для составления общей картины. Можно использовать самую современную технику - спутники, подслушивающие устройства, радиоперехват и т.д. Но эта картина не будет полной и всеобъемлющей без информации человека, который находится в центре интересуемых событий. Это и политика, и экономика, и научные разработки, и военные действия.

В мирное время на эту работу затрачиваются огромные усилия, требуется много времени и, естественно, необходимо мастерство и умение самого разведчика. В военное время эта работа проводится в максимально сжатые сроки.

Анатолий Зотов, будучи серьёзным, исполнительным и вдумчивым молодым разведчиком, нашёл такого человека, в короткое время провёл с ним необходимую работу и подготовку и превратил его в нужного нам источника информации. Его сведения и честность сотрудничества тщательно проверялись и перепроверялись, и только после этого он стал использоваться «Каскадом» по назначению.

На этот раз от источника поступила информация о том, что в небольшом населённом пункте, где нет мирных жителей, бандитами накоплено большое количество оружия для создания мощной автономной боевой группы, которая будет активно действовать в районе Кабула и на прилегающих к нему военных объектах Советской Армии. В определённый день на этой базе должны будут собраться главари банд. Для выработки и согласования плана боевых действий на встрече будут также и члены создаваемой группы.

Эта информация была срочно перепроверена и подтверждена. Да, главари собираются на совет в этом населённом пункте, дата встречи также подтвердилась. Я срочно доложил Ахромееву полученную информацию, и было принято решение уничтожить скопление бандитов с оружием.

Операция началась по плану. Анатолий Зотов и его источник погрузились в один вертолёт. Присутствие источника диктовалось необходимостью быть предельно точными при ударе с воздуха, чтобы не пострадали мирные жители близлежащих кишлаков, а источник уверял, что хорошо знает местность и точно укажет цель. Зотов занял место стрелка-радиста, пристроившись у пулемёта и рассчитывая при необходимости принять участие в боевых действиях. На военных вертушках нет свободных мест для пассажиров. Афганца разместили на коробках с боеприпасами. В сопровождении других вертушек вертолёт Зотова пошёл к цели. К ним в ходе операции должны были присоединиться и наши штурмовики.

Встреча с целью оказалась довольно жаркой. Машина, где находился Зотов и источник, поднялась над целью выше других вертолётов, чтобы её не смогли поразить с земли автоматным огнём. Трассирующими очередями Зотов открыл огонь из пулемёта по дому, на который указал афганец. Все другие вертолёты, находившиеся ниже вертолёта Зотова, увидели светящиеся трассы Зотова, определили цель, и начался бой. С земли им ответили шквалом огня из всех видов оружия, включая и крупнокалиберные пулемёты. Дом бандитов загорелся, это было чёткое указание цели и для штурмовой авиации. Отбомбившись, они ушли на свою базу, а вертолёты ещё кружили над скоплением бандитов, отвечая на их огонь.

Зотова и его друга-афганца смущало и тревожило одно обстоятельство - почему нет взрыва склада боеприпасов. То, что в кишлаке не мирные жители, а вооружённые люди, было ясно, их отметины появились почти на всех вертолётах. Их было много внизу, и, судя по ярости ответного огня, их застали врасплох. Афганец уверял

Анатолия, что его информация точна, здесь находится большой склад оружия, которое будет в самое ближайшее время пущено в ход против шурави. На складе, кроме стрелкового оружия, большое количество мин, фугасов. Все это - будущая смерть для русских солдат. Анатолий верил своему другу и понимал, что до конца их задача не выполнена. Но самолёты, отбомбившись, уже ушли на базу, боезапас вертолётов израсходован. Нужно возвращаться домой. И они повернули назад. Анатолий и афганец были в подавленном настроении из-за обидного чувства не выполненного до конца долга.

В Кабуле Зотов, поблагодарив своего друга за работу, высадил его из вертолёта, а сам вновь сел к пулемёту. Заверения лётчиков в том, что во второй раз они сами без него легко найдут цель и успешно отбомбятся, не поколебали решения Анатолия. Он стоял на своём, что только он сможет точно указать место расположения склада, усвоив хорошо описание источника. Его довод, что он не привык бросать начатое дело на полпути, подействовал на лётчиков. Загрузившись боекомплектом, вертолёты и самолёты вновь вернулись к цели.

На этот раз вертолёт, в котором находился Зотов, не поднимался выше других машин, а остался в боевом строю. Трассирующие очереди Анатолия полетели точно в цель, туда же угодили ракеты и бомбы с самолётов и вертолётов. И произошло то, что так хотел и ждал Анатолий и его афганский помощник, - взрыв огромной силы потряс землю, разметав всё вокруг, включая успокоившихся было душманов, которые, видимо, решили, что шурави отстали от них. Они ещё не успели познать силу истинно русского характера - взялся за дело, доводи всё до конца.

Одной из последних очередей крупнокалиберного пулемёта вертолёт, в котором находился Анатолий Зотов, был сбит и рухнул в море огня. Так геройски погибли три отважных сына нашего Отечества, до конца выполнив свой воинский долг, - два лётчика и наш разведчик. На следующий день боевые товарищи прибыли на место гибели этого вертолёта, извлекли из обломков машины тела павших героев и доставили их в Кабул. В тот же день они - участники боя и этой печальной последней операции - прибыли к нам, в расположение отряда «Каскад». Офицеры рассказали нам всё, как было, особо отметив выдержку и характер Анатолия. Вместе мы молча выпили по чарке за светлую память наших павших товарищей.

На следующий день я и несколько офицеров из «Каскада» поехали на кабульский аэродром, где находился военный морг. Совместными усилиями мы опознали тело Анатолия (по росту, комплекции, другим приметам), это были самые тяжёлые для меня минуты за всё время пребывания в Афганистане. Тело было упаковано при нас в цинковый ящик, затем в деревянный ящик, а позднее, ещё через несколько дней, в сопровождении нашего офицера этот груз-200 был отправлен на Родину.

Ценой своей собственной жизни Анатолий Зотов подтвердил достоверность информации, передаваемой военному руководству Советской Армии в Кабуле «Каскадом-3».

Я доложил Ахромееву о всех обстоятельствах гибели Анатолия Зотова. Генерал, подумав какое-то время, спросил меня, может ли военное руководство, в частности, он ходатайствовать перед правительством Советского Союза о награждении погибшего разведчика боевым советским орденом. Понимая, что это вне моей компетенции, я ответил Ахромееву, что проконсультируюсь со своим руководством. Тут же я связался с представителем КГБ СССР в Кабуле генералом Спольненко и попросил его выяснить мнение Ю.И. Дроздова по затронутому вопросу. Через некоторое время Спольненко ответил мне, что КГБ сможет сам решить этот вопрос.

После этих военных операций отношение Ахромеева к получаемой от нас информации полностью изменилось. Теперь на совещаниях наши данные о противнике рассматривались в первую очередь, по конкретным вопросам тут же принимались нужные решения.

Я воспользовался возросшим доверием генерала Ахромеева к работе отряда «Каскад» и обсудил с ним волновавшую меня проблему. Некоторые наши команды в провинциях были расположены вместе с армейскими частями, у них на вооружении, кроме стрелкового оружия - наших знаменитых «Калашниковых», были бронемашины - БТРы с крупнокалиберными пулемётами и автомашины «Нивы». Командиры армейских подразделений стремились втягивать наши команды в повседневные боевые операции, ночные патрулирования и другие действия на своих контролируемых территориях. Их также привлекал и наш автотранспорт. Командиры наших команд, конечно, не уклонялись от боевых действий, если душманы нападали на расположения воинских частей, всегда были готовы помочь и в сложных ситуациях, в которые нередко попадали наши военные друзья. Но если бы мы превратились в обычные подчинённые местным военным руководителям части, у наших разведчиков - офицеров - не было бы времени и сил заниматься своим основным делом - сбором информации.

Ю. Дроздов в своих инструкциях «Каскаду» постоянно требовал усиления агентурной работы, улучшения качества добываемой информации, предупреждал против втягивания команд в повседневные армейские боевые будни.

Доложив Ахромееву оперативную обстановку в ряде провинций страны, я сообщил ему, что некоторые командиры частей на местах требуют от наших команд более активной поддержки их военных действий, участия вместе с ними в операциях по прочёсыванию местности, в патрулировании и т.д. Конечно, подчеркнул я, наши офицеры готовы наряду с солдатами бить бандитов, участвовать и в рукопашном бою, особенно если те напали на наши части. Но у них тогда не будет времени на сбор нужной информации. Ахромеев, не раздумывая, заявил, что он удовлетворён уровнем получаемой от нас информации, считает это наше занятие наиболее полезным и важным делом в сложившейся ситуации. В тот же день был отдан приказ по всем нашим воинским частям на территории Афганистана оказывать всяческое содействие в

работе командам «Каскада», запрещалось использовать их. в повседневных военных действиях.

Однажды Ахромеев предупредил меня о том, что он намерен представить меня маршалу Соколову, он хотел бы, чтобы я лично доложил маршалу о деятельности отряда «Каскад», о его составе, задачах и проблемах. Конкретный срок такой встречи мне сообщат дополнительно.

Я доложил Спольненко об этом разговоре с Ахромеевым и попросил его совета. Представитель КГБ в Кабуле заметил, что маршал Соколов, являясь самым старшим военным начальником Советского Союза в Афганистане, может беседовать с любым нашим офицером, он предложил мне хорошо подготовиться к этой встрече.

Все наши команды в провинциях и кабульский центр работали напряжённо, результативно, правда, проявлялось и отличие. У кого-то хорошо шла информационная работа, было больше источников информации. Кто-то более успешно создавал и работал с так называемыми «лжебандами». У кого-то лучше получались контакты с местными властями, с представителями наших политических и военных организаций. Как в Кабуле, так и в провинциях были организованы советнические группы из представителей Советского Союза. В них входили партийные работники, представители различных министерств, по линии которых развивалось наше сотрудничество с Афганистаном, вместе с военными советниками. Естественно, что уровень подготовки, личные и деловые качества, стремление работать с максимальной отдачей были у наших многочисленных советников различными. И работа складывалась по-разному.

Несколько слов о «лжебандитах». Как я уже упоминал выше, мы стремились установить личные контакты с некоторыми главарями банд душманов, действующих на местах. Эти люди шли на такие встречи с нами, преследуя различные цели. Но большинство из них, особенно на начальном этапе, категорически отказывались от контактов с представителями местных властей. Встречи с шурави для них были необходимы или желательны, так как они видели, что советские люди несут добро в Афганистан, идёт помощь из Советского Союза, строятся различные объекты, дехкане получают работу на этих объектах. Идя на контакты с главарями банд, мы главным образом ориентировались на тех лиц, о которых удавалось собрать какую-то положительную информацию. Например, он выходец из местных жителей, имеет родственников в районах, контролируемых нашими совместными силами, не проявляет жестокости к афганским и советским гражданам и т.д. Главарь банды, соглашаясь на контакт с представителем Советского Союза, рассчитывал выяснить - могут ли получить работу его люди на предприятиях этого района, если банда сложит оружие. Ведь им нужно было кормить чем-то своих родных.

Иногда нам удавалось уговорить главаря банды прекратить вооружённую борьбу против шурави и местной власти или даже сложить оружие и перейти к мирной жизни. В этом случае они требовали от нас

гарантии, что не будут преследоваться за прошлые дела. И мы, согласовав все вопросы с правительственными чиновниками и службой безопасности Афганистана, давали им такие гарантии.

Чаще главарь не соглашался на мир с местной властью, но прекращал или не начинал террористических акций против советских представителей, против наших военных.

В некоторых случаях главарь соглашался действовать под нашим руководством. И мы тщательно проверяли его искренность, стремились закрепить его связь с нами на конкретных делах, с помощью афганской службы безопасности контролировали его родственников в местах их проживания. Вот такие группы и назывались «лжебандами». Мы направляли их на борьбу с наиболее активными и жестокими бандами, информируя их о местонахождении этих бандитов, путях поступления к ним оружия и снаряжения, в некоторых случаях давая им боеприпасы и даже оказывая огневую поддержку с воздуха при проведении военных операций.

Естественно, эти наши контакты были рискованным занятием, ведь не всегда удавалось хорошо обеспечить такие встречи, которые проводились по их условиям, а бандиты требовали, чтобы наши представители приходили на них без оружия и одни. Для чего в таком случае наше личное оружие, только застрелиться при попытке захвата живым. Но нужно было идти на этот риск, чтобы находить какие-то неординарные решения проблемы борьбы с бандами. И расчёт и надежда были только на то, чтобы аргументированно, спокойно и убедительно заставить бандитов согласиться с твоими предложениями. К счастью, печальных срывов в этой тонкой работе у нас не было. А вот неудачи случались. Бандиты иногда отказывались от уже запланированных встреч или разрешали «парламентёру» вернуться обратно ни с чем, но живым. Иногда этому отрицательному результату долгой и кропотливой предварительной работы способствовали незапланированные или неизвестные нам заранее бомбовые удары нашей авиации по месту расположения банды.

Хорошо продумав всё, подготовившись, я в назначенный день прибыл в резиденцию маршала Советского Союза Соколова. Это был красивый особняк в лесистой местности, прямо под горой, недалеко от бывшего дворца Амина, а ныне штаба 40-й армии. Меня встретил Ахромеев, отечески подбодрил и провёл в кабинет. Соколов встретил меня доброжелательно, спокойно выслушал мой короткий доклад, задал несколько вопросов, поинтересовался, какие проблемы волнуют наших офицеров. Я ответил, что все возникающие проблемы я быстро, без проволочек, решаю в рабочем порядке с генералом армии товарищем Ахромеевым, он, кстати, тоже присутствовал при этой беседе. Соколов одобрил это сотрудничество и пожелал «Каскаду» дальнейших успехов в деле обеспечения нашей армии необходимой информацией о противнике, и на этом беседа закончилась. Она носила протокольный, ознакомительный характер, видимо, маршал хотел из первых уст узнать,

что же это такое - отряд «Каскад» и чем он живёт. Сергей Фёдорович Ахромеев поздравил меня с успешным завершением доклада маршалу, и мы вернулись к своим хлопотным делам и заботам.

Напряжённая жизнь и работа штаба и команд отряда продолжалась. Мы имели постоянную радиосвязь со своими командами, ежедневно в штаб поступали информационные сообщения, отчёты о проведённых мероприятиях, встречах с источниками, положении дел и оперативной обстановке в провинциях. На основании этих сообщений готовилась информация для совещаний у Ахромеева, информировалась Москва о наших делах.

Периодически в Кабуле проводились встречи с командирами команд, другими офицерами. Они информировались об общей обстановке в стране, новых задачах и проблемах, которые нужно было решать и преодолевать.

Все «каскадёры» работали самоотверженно, на совесть, и поэтому не хочу кого-то особо выделять. Наши солдаты, присланные из погранвойск, были дисциплинированными и исполнительными, оказывали офицерам огромную помощь, охраняя команды, управляя машинами и боевой техникой при выполнении оперативных задач.

Много хлопот нам доставляли местные афганские болячки - желудочные расстройства и особенно гепатит.

Эта афганская желтуха была серьёзной угрозой для здоровья всех советских людей в Афганистане. Она легко поражала человека, а излечивалась с большим трудом, требуя много времени. А каковы были последствия этой болезни, мы узнали уже позже, вернувшись домой.

Иногда гепатит поражал целые воинские подразделения, особенно свирепствовал он в Шинданде. Этому способствовало неправильное расположение нашего военного госпиталя. Разносится гепатит обычными мухами.

На равнинных степных просторах провинции Шинданд ветры в летнее время дуют в одном направлении. И надо же было так разместить полевой госпиталь, что ветры, подхватив заражённых мух из госпиталя, несли их в расположение воинских частей. И наша команда «Карпаты-1» была на пути этих злых ветров. Там больше всего было поражений гепатитом.

С учётом важности дела - ещё и борьбы с душманскими мухами, борьбы за здоровье людей своего отряда, я обратился за помощью к Ахромееву. Он правильно понял проблему, но даже его настойчивости и энергии не хватало для того, чтобы перенести госпиталь на другое место. Шинданд продолжал страдать от гепатита больше всего.

Болели офицеры, болели и солдаты. Но удивительное дело, даже больные «каскадёры» не хотели покидать свои команды, не хотели уезжать из Афганистана, стремились любыми путями остаться в строю и продолжать начатое дело.

Один офицер (он был командиром команды, человеком в возрасте)

всё же был вынужден покинуть Афганистан, так как болезнь сердца - серьёзная вещь. Другой офицер выехал на Родину на похороны своего отца. Мне пришлось приложить много сил, чтобы срочно посадить его на попутный самолёт, забитый, по словам командира самолёта, под завязку. Сила убеждения, веские доводы и помощь армейского командования помогли решить вопрос.

Но были и курьёзные случаи. Однажды со мной связались из военной комендатуры Кабула. Дежурный офицер сообщил, что у них находится задержанный солдат, никаких документов при нём нет, но он утверждает, что является рядовым команды из Кандагара (отряда «Каскад»). Попросил разрешения доставить этого солдата в расположение нашего отряда. Я согласился.

Передо мной появился солдат, худой, измызганный, но держался с достоинством. Прежде всего я выяснил, имеет ли он отношение к пограничникам. Он ответил утвердительно. Это указывало на то, что он наш человек.

Солдат поведал следующее. Он заболел, его поместили в местный военный госпиталь, а оттуда перевезли, вопреки его желанию остаться в Афганистане, в госпиталь в Ташкенте. Почувствовав себя лучше, он сбежал из госпиталя и вот спустя неделю оказался в Кабуле. Пытался попасть на самолёт, летящий в Кандагар, но его задержали и посадили на гауптвахту. Тогда ему пришлось сознаться, что он член команды «Каскад», чтобы его вновь не отправили в Союз. Я поинтересовался, чем же он питался всю неделю до Кабула. Беглец философски ответил, что мир не без добрых людей. И я поверил ему. Его накормили, помыли и запросили Кандагар о беглеце. Оттуда сообщили, что такой-то солдат в настоящее время находится на излечении в госпитале в Ташкенте.

Я поздравил солдата с благополучным прибытием к месту боевой службы и отправил его в родную команду. Иначе я поступить не мог, так как видел по его глазам, что он всё равно вернётся в «Каскад».

Другой случай произошёл с офицером, командиром команды «Каскада». Я не буду называть его фамилию и название команды, чтобы сохранить избранную традицию - не называть офицеров-«каскадёров» по фамилиям, ибо не знаю, где он сейчас работает, но то, что он должен быть в деле, - это точно.

Этот офицер серьёзно заболел гепатитом и несколько недель находился на излечении в местном военном госпитале. Мы проинформировали о его болезни Центр и через некоторое время получили из Москвы сообщение, что на место больного командиром команды назначается другой офицер, его заместитель. А больного мы должны были по возможности направить в Союз для продолжения лечения. Прошло ещё какое-то время, и вот бывший командир прибыл в Кабул и появился у меня. Болезнь ещё не совсем прошла, выглядел он плохо, был слаб. Я сообщил ему о решении Центра и предложил готовиться к отправке домой, убеждая, что ему нужно хорошо залечить

болезнь, чтобы окончательно встать на ноги. Офицер молчал, опустив голову. А когда он поднял голову и взглянул на меня, я впервые увидел плачущего «каскадёра». Крупные слёзы катились по щекам, губы подрагивали, руки, сжатые в кулаки, посинели.

Я попытался успокоить его, говорил, что он ещё молод, ему надо победить болезнь и ещё много сделать дел на пользу Отечества. А для этого нужно здоровье и сила. Но по глазам я видел, что он не слышит меня. Он сказал, а затем несколько раз повторил только одну фразу: «Мне стыдно ехать домой, я не успел ничего сделать здесь, в Афганистане. Что же я скажу своему сыну, что по болезни сбежал отсюда, испугался трудности?»

И я растерялся, не знал, что говорить, какое решение принять. А решение Центра уже было - нужно возвращаться домой на лечение. Выход из создавшегося положения помог мне найти только что прибывший из Джелалабада командир «Тибета». Он быстро включился в ситуацию, посоветовал мне не спешить с принятием решения и выполнением указания Центра, ведь там сказано «по возможности», а он, больной, сейчас не готов к далёкому перелёту. Командир предложил мне отправить больного к нему в команду, климат в той провинции мягкий, самое лучшее место в Афганистане, где он сможет достать для больного даже свежее молоко. Через одну-две недели больной поправится, а я за это время решу его дальнейшую судьбу. Я согласился с предложением Бороды, так мы звали этого командира из-за его импозантного внешнего вида, он отрастил густую чёрную бороду и был похож на местного душмана.

А за эти две недели произошли неприятные для «Каскада» события. Командир другой команды, без злого умысла с его стороны, был втянут в противоречия и скрытую борьбу местных властей провинции, борьбу парчамистов и халькистов за авторитет и влияние на жизнь земляков. Действия сторон, надо заметить, не отличались гуманностью, в конце концов один чиновник просто убил другого чиновника. Желая скрыть преступление, он решил уничтожить труп жертвы, представив дело так, что тот по своей воле скрылся из провинции, вероятно, перешёл на сторону противника, ушёл к душманам.

Пользуясь хорошими отношениями с нашим командиром, он, не раскрывая перед ним своих планов, попросил обеспечить его безопасность при выезде за город. И наш «каскадёр», не предчувствуя подвоха, охранял силами членов команды на бронемашине действия того чиновника. А тот на своей машине вывез труп убитого в поле, облил бензином и сжёг его. Наши офицеры и солдаты видели происходящее, но не поняли смысла и оказались соучастниками преступления. Сначала среди сторонников убитого афганца, а затем и по городу поползли слухи, что такой-то чиновник убрал с политической сцены своего конкурента, убил его и тело сжёг. И в этом ему помогли шурави, они охраняли его действия за городом.

Партийные советники при администрации провинции

проинформировали кабульских коллег и высказали пожелание сменить командира нашей команды, чтобы тем самым показать афганцам нашу реакцию на события и убрать раздражителя политических страстей со сцены.

Началось расследование событий. Оно велось и афганской и советской сторонами. Нам удалось доказать нашим друзьям непричастность советской стороны к политическим интригам внутри партии НДПА. Но в это время произошло ЧП в этой команде. Группа офицеров во главе с командиром находилась за городом, недалеко от афгано-советской границы, и один офицер подорвался на мине. Он погиб на месте, но другие не пострадали. Первые предположения были следующие: офицеры попали на минное поле, устроенное бандитами у нашей границы; взрыв произошёл из-за неумелого обращения со взрывчаткой; организована провокация против офицеров команды.

В сообщении из команды говорилось, что офицер погиб при изучении местности возле нашей границы. В этом районе действовало несколько банд душманов, которые опасались выдвижения наших пограничников на афганскую территорию. В этой связи, вероятно, они и заминировали некоторые участки афганской земли возле границы. Каких-либо предположений о возможных провокационных действиях неизвестных лиц против «Каскада» не было, так как о маршруте поездки офицеров в этот район никто из афганцев и советских граждан не знал.

Спольненко вызвал меня к себе и приказал немедленно лететь в команду, чтобы на месте разобраться со всеми этими случаями и заменить командира команды. Я узнал, что в этом направлении вылетает Ахромеев с инспекционной поездкой по воинским частям, он согласился взять меня с собой. Вызвав бывшего больного командира из Джелалабада, мы вылетели в провинцию.

На месте я провёл беседы с главным политическим советником провинции, другими его коллегами, с командиром команды, офицерами, которые присутствовали при сожжении трупа афганца, и теми, кто был свидетелем взрыва у границы. Нового я ничего не узнал. Наши советники и афганцы были уверены, что командир команды «Каскада» не был в курсе намерений убийцы, но они все просили убрать его из провинции. По поводу гибели офицера и командир и офицеры утверждали, что произошёл взрыв неизвестного устройства под ногами их товарища. Они прибыли на бронемашине к старой излучине реки с целью изучения обстановки возле нашей границы. Все вышли из машины, а погибший офицер отошёл от них на 10-15 шагов, и затем произошёл взрыв.

Так погиб второй офицер «Каскада». Смерть в бою с врагом понятна, это случается при любых военных операциях, но гибель в пустом чистом поле казалась нелепой… Да, в общем, любая смерть - нелепость.

Я представил команде нового командира, мы обсудили пути выхода из кризиса и задачи деятельности на ближайшее время и с бывшим командиром возвратились в Кабул. Через несколько дней, после доклада

руководству обо всех событиях в провинции, я направил этого офицера работать в команду Бороды.

За время своей работы в Афганистане мне довелось несколько раз встречаться в неофициальной обстановке с Наджибом, в то время руководителем службы безопасности страны. Позднее, когда он стал президентом страны, его стали называть Наджибула. Этот крепкий, по-мужски красивый, высокого роста человек поражал своей энергией, нацеленностью на успех. По образованию он был врач, а по складу ума, образу мышления и видения проблем являлся заметной политической фигурой среди афганских лидеров. Будучи руководителем спецслужбы, он очень тонко разбирался в проблемах, присущих этим организациям. Порой казалось, что он всю жизнь занимался такой работой, был специалистом высочайшего класса. Беседы с ним были очень полезны и приятны для меня.

Однажды Спольненко в ходе одной из наших почти ежедневных встреч заметил мне, что завтра вечером мы должны пойти на встречу с Наджибом, который, пользуясь моим контактом с Соколовым и Ахромеевым, хотел бы довести до них одну свою идею и получить через меня их мнение о своём предложении. На моё замечание, почему Наджибу самому, без моего посредничества, не встретиться с нашими военачальниками, он ответил, что, возможно, позднее мне придётся организовать такую встречу, но не сейчас. Наджиб через меня хотел бы проверить отношение нашего военного руководства к ряду его идей и предложений.

И вот на протяжении какого-то времени состоялись несколько встреч с Наджибом. Они проходили в частных домах, контролируемых или службой безопасности Афганистана, или нашим представительством КГБ в этой стране. Охранялись такие встречи афганцами и офицерами отряда «Каскад». На этих беседах присутствовали Спольненко и я, на двух встречах был посол СССР в Афганистане Табеев. Беседы велись по восточному неспешно, обстоятельно проговаривались все возможные детали, нюансы и тонкости. Во время этих встреч подавались к столу немудрёное восточное угощение и русская водка.

Однажды Наджиб попросил меня организовать встречу с Ахромеевым для одного из своих заместителей. Несколько таких встреч состоялись, и они были полезны для обеих сторон.

Когда Наджиб стал президентом страны, его личные и деловые качества проявились в полную меру. Обстановка в стране постепенно стала нормализовываться, вооружённые силы теснили бандитов по всем направлениям. Даже вывод из Афганистана советских войск не привёл к предсказываемому недругами этой многострадальной земли и даже друзьями, настоящими и мнимыми, провалу и краху. Наджиб держался ещё три с половиной года, и все усилия США, Саудовской Аравии, Пакистана были тщетными. Более результативными в его устранении оказались действия бывших друзей по оружию - горбачёвское руководство просто прекратило всяческую помощь Наджибу, бросив его

на произвол судьбы. А вина в возникновении той ситуации, которая складывалась с конца 1979 и по 1989 год, несомненно лежала и на Советском Союзе.

Но, к сожалению, нашим тогдашним вождям, да и лидерам новой России, не хватало где-то государственной мудрости, простого прогнозирования развития ситуации на южных рубежах Отечества. В любом случае Афганистан - добрый сосед, пускай разорённый войной, но доброжелательно относящийся к нам, был лучше Афганистана - врага, разрываемого мусульманским экстремизмом и смотрящего на север как на источник зла.

Наджиб был сброшен с президентства и, не успев вылететь из пределов так горячо любимого им Афганистана, вынужден был укрыться на территории представительства ООН в Кабуле. Его кровные враги, лидеры исламских афганских партий, пришедшие к власти после него, не решались, - а может быть, будучи восточными мудрецами, специально оставили его для будущего Афганистана, - пойти на нарушение международных правил - неприкосновенности территории международной организации. И Наджиб и несколько его родных и близких друзей вынуждены были жить в заточении.

И здесь опять проявились наше дремучее безразличие к своим бывшим соратникам, ученикам, друзьям и наконец недальновидность. А где же были те, кто рекомендовал Наджибу делать так или так, кто клялся ему в дружбе и в военной солидарности против общего врага?

Они просто предали его. Почему ни у кого из тех, кто находится сейчас при власти, при «короне», не возникло мысли, что надо помочь Наджибу, надо вытащить его из плена в интересах своих и, естественно, в интересах будущего Афганистана?

Не нашлось таких мудрых и дальновидных людей, а жаль.

Возможно, не было бы сейчас у нас проблемы с Таджикистаном, не было бы воинственного и загадочного племени талибов. А Наджиб был пуштун. Кстати, о талибах.

В то время когда я был в Афганистане, «движение Талибан», даже такого названия мы не слышали. Его просто не было. Оно появилось позднее. Это, по моему мнению, была хорошо спланированная акция, направленная против бывшего Советского Союза, задуманная в недрах спецслужб США, финансируемая на деньги Саудовской Аравии и претворённая в жизнь правительством и военными Пакистана.

Нашей же прессе эта проблема была умело подкинута извне (не думаю, что это вымысел наших журналистов). Романтичная и трагичная идея: талибы - это дети погибших душманов и вообще жителей Афганистана. Эти дети якобы во время боевых действий вывозились в Пакистан и там воспитывались в строгих правилах исламской религии, правоверными борцами против шурави (советских людей) и прочих «неверных». А затем, когда они выросли, им дали в руки оружие (не только автоматы, но и пушки, танки, самолёты), и они пошли освобождать

свою страну.

После ввода советских войск в Афганистан часть населения, включая и пуштунов, бежало в Пакистан. Там были созданы лагеря по подготовке отрядов для борьбы с советскими войсками, находящимися на афганской территории. После вывода наших войск из Афганистана в 1989 году борьба за власть в этой стране разгорелась с ещё большим ожесточением. Пуштунские отряды были перенацелены на борьбу с новой властью в Кабуле.

В июле 1992 года президентом Афганистана становится таджик Бурхолутдин Раббани, ориентирующийся на Иран и Таджикистан. А это никак не может устраивать Пакистан. Кроме того, Раббани - противник прокладки нефтепровода из Туркмении в пакистанский порт Карачи через территорию Афганистана. Это, естественно, не нравится нефтекоролям Запада. Пакистан начинает готовить пуштунов (так называемого «казённого населения» Афганистана) для борьбы против «некоренного» населения - узбеков, таджиков, хазарийцев. Молодёжи вдалбливают, что если пуштунов в Афганистане шестьдесят процентов, то и президент должен быть пуштун, а не узбек или таджик.

В середине 1996 года свыше пятидесяти тысяч человек были переброшены из Пакистана в Афганистан в районе города Джелалабад. Надеясь разжечь «национально-освободительное» движение пуштунского населения, которое на первых порах действительно поддержало «Талибан», Пакистан перестарался: это движение превратилось в исламский фашизм.

26 сентября 1996 года Кабул пал внезапно и даже буднично. Талибы просто вошли в этот город ночью. Никакого сопротивления им оказано не было. Бывший председатель комитета обороны Афганистана Гульбеддин Хекматияр сдал город без боя и бежал. Два врага-соперника за влияние на севере Афганистана, Масуд и Дустум, молча взирали на происходящее. Они не любили пуштуна Хекматияра. (Масуд - член комитета обороны и член партии «Джамед-Ислами», которую возглавляет Раббани; Дустум - председатель комитета обороны, лидер «Национального исламского движения Афганистана».) Сейчас Масуд и Дустум объединились в борьбе против талибов.

После падения Кабула Дустум ушёл на Саланг. Масуд укрылся за высокими горами в Пагдшере.

Так север Афганистана был поделён на две части. Это «проузбекский» северо-запад и «исламский» северо-восток. Президент Афганистана Раббани расположился в Тахоре, контролируемом Масудом.

Наплыв талибов сдерживает север Афганистана, контролируемый Масудом и Дустумом. Если север падёт, то талибы могут войти в Узбекистан и Таджикистан. Тех, кто стоит за движением «Талибан», интересуют в первую очередь экономические цели в этом регионе. Им необходимы богатые сырьевые районы севера Афганистана и Средней Азии. Нефть и газ Туркменистана, по планам ряда американских и

аргентинских компаний, должна пойти по трубопроводам по самому короткому пути - через Афганистан в пакистанский морской порт Карачи. Вот поэтому и продолжают греметь выстрелы в Афганистане, и льётся кровь невинных простых людей.

В своё время российский министр иностранных дел Козырев, вслед за горбачёвским министром Шеварднадзе, идя на поводу у заокеанских партнёров, пренебрёг геополитическими интересами России в её «южном подбрюшье», а в итоге предал пророссийский режим Наджибулы в Кабуле. Тем самым был нанесён колоссальный ущерб стратегическим интересам страны. В результате этих потрясений России достались «афганский синдром», тысячи инвалидов и их социальные проблемы, которые до сих пор не разрешены. Остались полынная горечь даром пролитой крови, впустую затраченных усилий. Пришедшие к власти в России политики думали лишь о том, как побыстрее свести счёты с «коммунистическим прошлым», а исконные, вековые геополитические интересы державы их не волновали. Они их и не понимали, они не ведали, что творили.

Я находился в больнице, когда по радио услышал новость о том, что талибы захватили Наджиба и казнили его в Кабуле. Я не поверил своим ушам, а потом утешился шаткой мыслью, что это не Наджиб, это его двойник. Не могли же наши могучие когда-то КГБ и ГРУ, да и Министерство обороны, взять и напрочь забыть о Наджибе. Ведь мы, я имею в виду серьёзные организации, не бросали даже агентов-иностранцев, попавших в беду по нашей вине. Эти организации следили за судьбой наших боевых друзей и при первой возможности приходили к ним на выручку. А здесь пример крупного государственного деятеля, преданного идейно и духовно Советскому Союзу, правда, бывшему. Не в этом ли огороде зарыта собака?

Можно было уже давно тихо, без помпы и треска прессы, вывезти Наджиба сюда или в другую дружественную страну, а затем дать ему возможность самому возвратиться в Кабул или хотя бы воссоединиться с семьёй. Нет, мы предали Наджиба и забыли о нём или сделали вид, что забыли, но зато красноречиво показали, что безразличны к его судьбе.

Всё это было потом, более десяти лет спустя, а пока нам, «Каскаду-3», предстояло ещё прожить несколько месяцев в пылающем Афганистане. Война с душманами разгоралась всё сильней. Теперь они действовали не только против афганских официальных властей, мирного населения, но атаковали и советские воинские части, действовали против советских гражданских специалистов, помогавших афганцам строить новую жизнь. Разгоралась и минная война на дорогах. Наша 40-я армия всё шире втягивалась в боевые операции против банд.

В одной из провинций автоколонна, в составе которой были военные и две автомашины команды «Каскада», двигалась из центра провинции в расположение своих частей. Вдруг на дороге прогремел взрыв, он оказался как раз под машиной нашей команды, которая шла третьей в строю. Водитель, солдат команды «Каскад», погиб на месте, машина

сгорела. Это была третья жертва афганской войны в нашем отряде. Статистика страшная и беспристрастная штука. Казалось бы, гибель трёх товарищей, как я уже выше подмечал, из состава отряда в более чем семьсот человек - это небольшие потери, особенно если учесть размах той страшной, кровавой бойни, развернувшейся в горах и на равнинах Афганистана. Но для родителей, детей и жён этих людей, для боевых друзей - это неутешное горе, невосполнимая потеря. И они, к нашему глубочайшему сожалению, в наше безучастное время оставались один на один со своей бедой. Не разрешалось даже упоминать, а тем более писать на памятнике, что солдат геройски погиб в Афганистане. Так было в те времена.

Отряд продолжал жить и действовать в этой бурной и непредсказуемой обстановке. Кроме трудов праведных и опасных, мы находили минуты для того, чтобы как-то на мгновение хотя бы отключиться от постоянного страшного напряжения нервов, забыться. По вечерам иногда собирались в своих кубриках, тихо пели песни про берёзы, про могучую Волгу, а чаще опять про Афган, про «Каскад», про «Зенит», про погибших товарищей. Ходили в гости к военным товарищам, в отряд МВД «Кобальт», к нашим гражданским специалистам. Даже умудрялись выбираться в бани с парилками, устроенными нашими, российскими умельцами в неподходящих, казалось бы, афганских условиях.

Я бывал с товарищами в трёх таких банях. Первая баня-парилка, расположенная на территории посольства, была, конечно, образцовой, построенной при бассейне, по всем правилам строительного мастерства. Она была уютной, просторной, в общем обычной, по всем стандартам, с непременной электросауной. Попасть в неё из-за места расположения было всегда проблемой, и предпочтение в очереди организаторами этого удовольствия отдавалось, как везде, высоким гостям и крупному, не только по весу и габаритам, начальству.

«Каскадёры» штаба отряда отдавали предпочтение двум другим - одна находилась на аэродроме и по внешнему виду и по внутреннему устройству и по прочим удобствам особо не отличалась от обычных в быту бань. А вот третья была уникальной и по внутреннему оборудованию и интерьеру комнаты отдыха. Располагалась она в скалистых выступах гор, поднимающихся за бывшим дворцом Амина. Вырубили, вырыли и построили её умельцы из разведывательного батальона, охранявшие спокойствие штаба 40-й армии. Попасть в эту баню можно было только с личного разрешения комбата, майора Советской Армии, весельчака и балагура, умеющего хорошо петь и играть на гитаре. Такие люди всегда есть в нашей армии, и появляются они чаще всего, когда армия действует в боевых условиях. Это наши Тёркины, а без них, как известно, на фронте нельзя обходиться.

У нас сложились тёплые, дружеские отношения с этим офицером, и он радушно принимал «каскадёров» в расположении своей части, знал и хорошо пел песни «Каскада» и обычные наши, российские песни. У него

был приятный баритон, и он виртуозно играл на гитаре.

Несмотря на то, что помещение бани было сооружено в скалистом грунте, было невелико по объёму, строители умудрились создать там определённый комфорт и удобства. Был проведён водопровод, стены обшиты тёсом, но так, что отдельные выступы красивых скал вписывались в интерьер, создавая обстановку загадочности и таинственности. Доски были украшены выжженными узорами, светильники и факелы были сделаны из стреляных гильз разного калибра. В центре зала под сводчатым скалистым потолком висела красивая настоящая большая люстра, попавшая сюда, видимо, из дворца. Её зажигали по торжественным случаям. На стенах красовалась коллекция старого холодного оружия и кремнёвые ружья - трофеи, отобранные у душманов.

В общем, человек, занимавшийся оборудованием и обустройством этой бани, несомненно, обладал большим художественным, хотя и специфическим, вкусом, делал он всё с душой. Всё это экзотическое убранство и само сооружение производило впечатление и располагало к тому, чтобы отвлечься от тяжких забот. А сам хозяин прилагал максимальные усилия к тому, чтобы гости были довольны. Ведь он и сам в эти минуты и часы отдыхал от военных будней.

Иногда случалось, что расположение батальона обстреливалось бандитами с близлежащих гор. В ответ на эту наглость по горам бухали врытые в землю танки, вёлся миномётный обстрел засечённых огневых точек противника. Это бывало обычно с наступлением темноты и служило нам сигналом - пора и честь знать, надо ехать домой. За все эти светлые эпизоды боевых будней никто из гостей, да и хозяев, территории ни разу не пострадал. Эти случаи служили как бы проверкой бдительности наших хозяев.

Периодически в Афганистан залетали столичные артисты. Особенно наши солдаты и офицеры ждали Иосифа Кобзона, вернее, наших любимых песен, которые он исполнял душевно. Надо отдать ему должное, он чаще других бывал здесь, и не только в Кабуле. Он летал по провинциям, несмотря на риск попасть под огонь душманов. Однажды Кобзон прилетел с концертом в Кандагар. Командир нашей команды связался со мной и спросил, не будет ли возражений, если «каскадёры» примут гостя в своём расположении и будут охранять его от возможных неприятностей. Я, конечно, согласился с просьбой ребят, подчеркнув, мы всё сделаем в лучшем виде. И ребята постарались, познакомили нашу «звезду» с буднями своей жизни, были хлебосольными хозяевами. Певец, по утверждению командира, остался очень доволен гостеприимством отряда «Каскад».

По просьбе Ахромеева, согласовав это с Дроздовым, штаб отряда «Каскад» выделил одного офицера и бронемашину с экипажем в состав армейского агитационного отряда. В этот отряд входили несколько танков, БТР, грузовые и легковые машины. Отряд брал с собой популярных в народе политиков, духовных лиц и артистов Афганистана и периодически, раз в 2-3 месяца, передвигаясь по провинциям, вёл в

кишлаках пропагандистскую работу. Случаев нападения на этот отряд душманов не было, а польза от его работы была огромна. Наш офицер так понравился команде отряда и афганцам, что они постоянно просили отпустить именно его в свои походы по Афганистану.

Однажды в штабе отряда произошло ЧП - случился пожар на соседней вилле, где располагались офицеры разведки штаба. Дело было поздним вечером. Сначала вспыхнула печка, а затем огонь охватил и стены помещения второго этажа. В соседней комнате размещался склад нашего оружия, где были гранаты, патроны, запасы солярки в канистрах. Ребята не растерялись, быстро перетащили оружие вниз и приступили к тушению огня. Такие случаи с солярными печками часто случались и в армии. Несовершенная их конструкция приводила к сильным пожарам, даже с жертвами.

Мы заметили вовремя этот пожар и поспешили на помощь своим товарищам. Работали споро, без суеты и паники. И тут я заметил одиноко стоящего в стороне от горевшего здания человека в одном нижнем белье. Весь облик его источал испуг и растерянность. Я подошёл к нему и, к своему изумлению, узнал в нём старшего офицера этой виллы. Я не нашёлся сразу, что ему сказать, только резко спросил: «А кто же руководит тушением огня и выносом оружия?» Тот ответил, что это делают его помощники. Ну что можно было объяснять такому руководителю. Я отошёл от него, и даже позже, когда всё было благополучно закончено, у меня не было никакого желания воспитывать этого человека. «Ему, пожалуй, - подумал я, - уже ничего не поможет».

Руководство представительства КГБ обвинило нас в неумении пользоваться печками, поручило провести разъяснительную работу среди солдат и офицеров. Но когда через несколько дней в одном из домов представительства также произошёл взрыв печки и пожар, то все обвинения отпали сами собой.

Как-то Спольненко в ходе беседы затронул вопрос об активизации помощи офицерами отряда «Каскад» сотрудникам представительства в организации и проведении встреч с афганскими источниками информации. Я согласился с ним, что такая работа должна быть активизирована, тем более что у нас есть и боевая техника для прикрытия встреч в удалённых от центра населённых пунктах. Но эти мероприятия надо умело планировать, чтобы не мешать друг другу в работе. Спольненко настаивал на том, чтобы наши офицеры вообще взяли на себя дело по обеспечению связи офицеров представительства с афганцами, осуществляли постоянную охрану таких операций. Мои доводы о том, что это лишит наших работников возможности самим продолжать работу с агентурой по добыванию информации, не подействовали. Спольненко заметил даже, что работа офицеров представительства важнее работы офицеров «Каскада». Я понял, что убеждать его бесполезно, и предложил ему связаться с Дроздовым и решить этот вопрос. Он ответил, что так и сделает.

В этот момент раздался телефонный звонок, вызывала на связь

Москва. Спольненко доложил обстановку, обсудил ещё какие-то проблемы. На мой вопрос - нужно ли мне удалиться из кабинета, представитель жестом оставил меня на месте. И вдруг он заявил своему собеседнику: «Яков Прокофьевич, мой заместитель, руководитель отряда «Каскад», не подчиняется моим приказам, отказывается обеспечивать безопасность работы офицеров представительства». Видимо, на эту его тираду последовал вопрос - а кто это такой и где он? Спольненко ответил, что это капитан первого ранга Сопряков и он сейчас находится в кабинете. Медяник попросил представителя дать мне трубку. Взяв трубку, я услышал резкий голос заместителя начальника разведки: «Сопряков, что творится в Кабуле?» Я не растерялся, так как хорошо знал Медяника, работал под его руководством в резидентуре в Индии. Я ответил: «Яков Прокофьевич, будучи офицером и подчинённым, я не могу не выполнять приказы генерала, но я предлагаю Спольненко решить вопрос об использовании отряда «Каскад» в новом качестве с моим непосредственным руководителем Юрием Ивановичем Дроздовым. Мы только что обсуждали этот вопрос и представитель вроде бы согласился с этим предложением».

Медяник, секунду подумав, ответил, что я прав, и предложил передать телефонную трубку Спольненко. Что он сказал генералу, я не слышал, но, судя по его красному, возбуждённому лицу, видимо, не очень приятные слова.

Повесив трубку, представитель как-то удивлённо спросил меня, откуда я знаю Медяника. Я ответил, что в своё время работал с ним за границей. На этом наша беседа и хорошие личные отношения в Афганистане закончились. А ранее я бывал у Спольненко в квартире в посольском доме, он с гордостью показывал мне свою богатую коллекцию российских и советских боевых орденов, холодного оружия. Он просил передавать ему афганские сабли и ножи, если таковые будут попадать в «Каскад». Что я иногда и делал.

Теперь, видимо, я стал для генерала неудобным и даже бесполезным. Но жизнь на этом не кончается.

Приближался Новый, 1982 год. Это самый приятный и радостный праздник для всех наших людей. Даже находясь в тропических жарких странах, мы умудрялись без снега, но с Дедом Морозом и Снегурочкой весело отмечать его. Не должен быть исключением и Афганистан. А зимы здесь суровые, со снегом, холодом. Ведь Кабул расположен высоко в горах. Только бы не было пальбы душманов и потерь среди наших товарищей.

Приготовления шли полным ходом. Наши лётчики привезли для нас из Советского Союза красавицу - пушистую зелёную ёлку. Солдаты украшали её самодельными игрушками, прибирались в помещениях, офицеры придумывали и вывешивали в столовой плакаты - лозунги с пожеланиями на Новый год, и всё это было в стихах. Наши трудяги-переводчики, все выходцы из солнечного горного Таджикистана, готовили новогодний сюрприз - рядом сооружался мангал для жарки шашлыка.

Настроение у всех было приподнятое, ещё бы - в этом году мы должны будем вернуться домой, успешно завершив свою трудную работу.

Не изменили мы традиции пригласить на торжества почётных гостей. К нам в гости приехали руководители отряда МВД СССР Н. Комарь и В. Трофименко, а также командир расположенной в кабульском аэропорту дивизии Слюсарь. Наш зам по тылу Юрий Крылов поддерживал самые тесные отношения с командованием этой дивизии, она снабжала нас продовольствием весь период пребывания в Афганистане.

Родные и близкие наших офицеров, находящиеся в Союзе, также позаботились о нас. Мы получили посылки к Новому году, и там были сюрпризы в стеклянной упаковке с игристым содержимым.

Все мы разместились за длинным столом в столовой, возле ёлки. И вот пришёл 1982 год.

Первый тост за Новый год, за успех нашего дела. Второй - за родных и близких, тревожившихся за нас. Третий тост - за светлую память о погибших товарищах.

После каждого тоста в полной тишине удивительно звучали наши алюминиевые кружки, когда мы сдвигали их вместе - над столом по комнате неслись до боли знакомые звуки, которые мы слышим в небесах, - курлы, курлы, курлы. Это сходство поразило всех. Раньше как-то не обращали внимание на это. Вот так, вместе с нами в Кабуле оказались и родные «журавли».

Новогодняя ночь в Кабуле прошла на удивление спокойно, не было ни обстрелов, ни происшествий. Это давало повод надеяться, что мы закончим здесь свои дела благополучно. Так оно и получилось.

После Нового года дни побежали быстрее и веселее. Наконец-то вернулся из Москвы Александр Иванович Лазарев. Огромная тяжесть свалилась с моих плеч, стало даже как-то легче дышать.

Сборы домой, предварительное подведение итогов своей деятельности в Афганистане занимали основное время. Такая же обстановка царила и в командах на местах.

И вот подошёл день отлёта из Кабула. Был самый конец апреля, погода стояла тёплая, весенняя, настроение приподнятое - завершён тяжёлый этап в моей жизни. Да, афганский период закончился. С чувством выполненного перед Отечеством долга я возвращался домой.

С половиной офицерского состава отряда «Каскад» я погрузился в уже знакомый ИЛ-76, и мы поднялись в воздух, взяв курс на север, к родным «берегам». Под крылом самолёта проплывали снежные суровые горы, где было уже полно бандитов, где ежедневно шли тяжёлые, изнуряющие бои, по узким тропам струилось американское оружие из Пакистана, неся смерть нашим людям.

США прилагали колоссальные усилия, чтобы устроить нам в Афганистане то, что они не без нашей помощи пережили во Вьетнаме.

Впереди у нашей армии, да и у всего советского народа, были тяжелейшие семь лет войны.

Мы сели в Ташкенте, немного отдохнули и, дозаправившись, полетели в Москву. Настроение среди офицеров в самолёте не было особо радостным. Видимо, каждый понимал, что, несмотря на добросовестно выполненную работу, впереди у тех, кто оставался в Афганистане, ещё столько трудностей, крови, смерти. Словом, было не до радости. И, конечно, каждый чувствовал физическую и психологическую усталость от прожитых дней и пережитого на афганской земле.

В Москве мы быстро разгрузили самолёт, разместили всё это имущество на машины и отправились в Балашиху. А часть офицеров-москвичей с аэродрома поехали домой к заждавшимся их родным и близким.

Нашим дорогим и милым жёнам, детям, родителям было, наверное, не менее тяжело каждый день ждать хоть каких-то известий о нас из Афганистана. Весточки эти приходили редко, но всё же бывали. Хочу описать один эпизод, случившийся с моей женой. Как-то подвернулся случай дать о себе знать домой. Наш товарищ вылетел в короткую командировку в Термез. Это были его родные места. Он предложил мне воспользоваться случаем и отправить своим родным хоть каких-нибудь фруктов. Он попросил мой адрес в Москве и заявил, что всё остальное берёт на себя. У него есть знакомые в Москве, которые и переправят эту посылку моей жене. Я поблагодарил его за любезность и согласился, дав свой домашний телефон. И забыл об этом разговоре, опять уйдя в повседневные хлопоты. И только оказавшись дома, вспомнил, когда жена рассказала мне про загадочный привет с юга страны.

Как-то вечером, по рассказу жены, раздался телефонный звонок и мужчина с южным акцентом в голосе спросил её, с кем он говорит. Жена назвала своё имя. Мужчина оживился и радостно сообщил ей, что её муж передаёт ей большой привет с юга и просит получить у него небольшую посылочку. Он назвал свой домашний телефон и попросил связаться с ним, когда жена сможет подъехать за посылкой. Лида, будучи женой разведчика (она неоднократно участвовала в различных операциях за границей, помогая мне), насторожилась, но горячее желание получить весточку от мужа взяло верх, и на следующий день она уже была по указанному незнакомцем адресу. Её тепло встретили, угостили чаем и передали небольшой посылочный ящик, от которого шёл приятный аромат южных фруктов. На вопрос о письме ей сообщили, что, вероятно, оно внутри посылки. На крышке ящика незнакомым почерком было начертано - «гранаты».

Приехав домой, жена сначала не решалась вскрыть ящик, подумывала даже посоветоваться с моими друзьями о том, как быть. Но желание узнать новости из Афганистана да и призывный запах дыни сделали своё - она открыла ящик. Там действительно оказались гранаты, спелые, красные, и дыня, а письма, конечно же, не было. И для нас, и для наших родных действовало жёсткое правило конспирации.

На следующий день после возвращения домой я доложил Дроздову о завершении командировки, о благополучном прибытии в Москву части отряда. И приступил к прежней работе.

Нелегальная разведка

Это самое засекреченное подразделение внешней разведки, и работает в нём самый боевой и многоопытный дружный коллектив. Об этой разведке подробно и со знанием дела поведали читателю наши замечательные разведчики, бывшие руководители этой службы - Юрий Иванович Дроздов и Вадим Алексеевич Кирпиченко, в опубликованных книгах воспоминаний. Трудно предположить, что кто-либо другой знает о нелегальной разведке больше, чем эти два уважаемых профессионала, влюблённых в своё дело. Они хорошо осведомлены, чем занимается это подразделение, как, в каких условиях работают разведчики-нелегалы, чем они живут, будучи простыми гражданами России, а не сказочными героями наших былин.

Вспоминая о десяти годах работы в этой разведке, моё сердце переполняется тёплыми чувствами к коллективу этого замечательного отряда, который, подобно великолепному симфоническому оркестру с прекрасными музыкантами-профессионалами, исполняет симфонию защиты Отечества. Я пришёл в нелегальную разведку после многих лет работы в легальной политической разведке. Я побывал в «шкуре» рядового разведчика, активно работавшего в «поле», заместителя резидента и резидента. Можно сказать, что я прошёл всю школу становления разведчика.

Перейдя на работу в это подразделение разведки, я стремился познать самые сокровенные тонкости этой романтической профессии. Для меня, скажу откровенно, было очень почётно работать рука об руку с нелегалами, этими удивительными людьми, которые, действительно постоянно рискуя всем и даже жизнью, выполняют ответственные задания за рубежами Родины. Они - истинные герои, хотя и остаются простыми нашими соотечественниками, они не ждут почестей и льгот, не объявляют каких-либо претензий из-за исключительности своей профессии. Они просто трудятся, как все, каждый в своей области. Но живут в постоянном нервном напряжении. Иной жизни для себя и не видят, так как сами избрали эту профессию - разведчика-нелегала.

И я, оказавшись в числе сотрудников нелегальной разведки, не обманулся в своих надеждах встретиться и поработать вместе с необыкновенными по силе духа, силе характера людьми.

Нелегальная разведка существенно отличается от других подразделений внешней разведки своей спецификой и особой ответственностью. Труд разведчика-нелегала попросту несравним с работой разведчика обычной резидентуры. Каким бы напряжённым ни был день разведчика, работающего, скажем, «под крышей» посольства, вечером он всё-таки возвращается в свою семью и на время забывает тревоги дня. У разведчика-нелегала нет такой «крыши», нет места, где

можно расслабиться и забыться, и часто нет рядом семьи. Он социально не защищён, да и вообще не защищён, всё его спасение - в его собственной голове и в чёткой постоянной работе и в надежде на Центр, который делает всё, чтобы разведчик-нелегал чувствовал за спиной поддержку.

Подготовить настоящего разведчика-нелегала, снабдить его надёжными документами и вывести за рубеж для практической работы - это дело чрезвычайно трудное, требующее огромных усилий со стороны большого количества специалистов разного профиля.

Так кто же такой разведчик-нелегал? Что у него за работа? Нелегал - это особый разведчик, отличающийся от обычного тем, что обладает более высокими личными качествами, специальной подготовкой, что позволяет ему выступать и действовать как местному жителю той страны, где он находится.

Разведчиком-нелегалом может стать далеко не каждый. Профессия требует от кандидата высокого уровня развития интеллекта - мышления, памяти, интуиции, эмоциональной устойчивости, позволяющей сохранять интеллектуальный потенциал в стрессовых ситуациях и переносить без ущерба для здоровья постоянное психическое напряжение. Это ещё и развитая воля, способность к овладению иностранными языками.

Найти людей с таким сочетанием качеств нелегко. Разведка ищет и находит кандидатов сама, перебирая сотни и сотни людей.

Если, наконец, найден человек, у которого все перечисленные качества в той или иной мере есть, это вовсе не означает, что из него получится разведчик-нелегал. Необходимы ещё какие-то свойства натуры, неуловимые и трудно передаваемые словами, особый артистизм, лёгкость перевоплощения и даже некоторая, хорошо контролируемая склонность к приключениям, какой-то разумный авантюризм. Можно сравнить перевоплощение нелегала в другого человека с игрой актёра. Но одно дело перевоплощаться на вечер или на театральный сезон и совсем другое - перевоплощаться в другого, некогда жившего или специально сконструированного человека, мыслить и видеть сны на чужом языке и не позволять думать о самом себе в реальном измерении.

Подготовка разведчика-нелегала очень трудоёмка и занимает несколько лет. Она нацелена на то, чтобы на базе имеющихся личных качеств сотрудника сформировать профессиональные навыки и умение. Она включает в себя овладение иностранными языками, подготовку разведчика в психологическом плане, которая позволяет ему выступать в амплуа представителя той или иной национальности. Это и оперативная подготовка, которая включает в себя формирование навыков получения и анализа разведывательной информации, поддержания связи с Центром и другие аспекты.

За время подготовки и практической работы в разведке нелегал приобретает многое: обширные знания, в частности в политических и экономических вопросах, несколько профессий. Но он и жертвует многим.

Трудно в этих условиях устроить семейные дела: жена, дети, родители - тут вереница бесконечных сложностей, и редко удаётся всё решить более или менее удовлетворительно.

Встречаясь с опытными нелегалами, учишься у них сам. У каждого свой неповторимый опыт приживаемости за границей. При постановке задания нелегалу необходимо точно определить, по силам ли ему эта работа, располагает ли он реальными или потенциальными возможностями. Для этого работнику Центра нужны и большой личный опыт, и оперативная интуиция, и знание конкретной обстановки.

С большим уважением в нелегальной разведке относятся к нелегалам-ветеранам, закончившим боевую работу за границей и приступившим к работе в Центре в качестве воспитателей молодого поколения разведчиков. У каждого позади яркая, необычная жизнь, которая и сегодня, в эпоху безудержной гласности, известна лишь немногим.

Почему нужны нелегалы в разведке? По многим причинам. Прежде всего, потому, что за официальными российскими представителями всегда может следовать «хвост», видимый или, с учётом развития техники, невидимый. А за разведчиком-нелегалом, если он сам не совершил какой-либо ошибки, такого наблюдения нет. Географическое пространство для граждан России за рубежом ограничено различными зонами, а разведчик-нелегал может передвигаться свободно. С рядом государств наша страна не имеет дипломатических отношений, а по делам разведки там иногда необходимо быть.

Вот в такое подразделение внешней разведки я пришёл работать после возвращения из Японии. Коллектив отдела мне понравился, приняли меня хорошо, и я активно включился в работу. Я изъездил почти весь Советский Союз, участвовал в совещаниях, личных встречах и беседах, встречался с руководителями местных органов КГБ. Работа меня захватила, и я ощущал, что есть результаты.

Как-то в мой небольшой коллектив пришло пополнение. Вернулся из-за рубежа наш разведчик-нелегал, и руководство управления включило его в состав нашего отдела. Этот замечательный человек и товарищ до сих пор работает в разведке, и я не могу пока называть его фамилию. Назовём его просто Владимир. Владимир в течение многих лет находился в стране со сложной агентурно-оперативной обстановкой.

Много было затрачено сил и энергии на подготовку к работе в той стране, с большими трудностями он проник туда, закрепился и приступил к выполнению заданий. По независящим от него причинам он был отозван в Центр. Бывает в нашей работе и такое, никто не застрахован от случайностей и просчётов. Но Владимир нашёл в себе силы не сломаться из-за чужой ошибки, собраться в комок и начать жизнь, по сути дела, сначала. В этом ему помогли коллектив управления, товарищи и женитьба. Да, из-за долгой подготовки, условий командировки он должен был выходить в страну холостым, не обременённым семьёй, он был лишён

возможности найти себе спутницу жизни. И пришёл к этому, только вернувшись на родину.

Владимир, будучи по характеру весёлым, общительным человеком, трудолюбивым и усердным, легко вошёл в коллектив и приступил к новой, незнакомой ему работе. И успешно справился со всеми вставшими перед ним проблемами. Я не буду его слишком хвалить, но то, что он всё ещё нужен разведке, говорит само за себя. Я хочу рассказать о его женитьбе, о его семье, о его преданности своим родным.

Владимир был душой нашего коллектива, и все стремились помогать ему. Нас немного удивляло холодное отношение к нему начальника отдела. Разве можно не любить разведчика-нелегала, перенёсшего столько трудностей, чтобы стать им. Но это были мелочи.

Владимир за долгие годы свыкся со своей холостяцкой жизнью. Мы понимали, что он упускает возможность почувствовать себя по-настоящему счастливым, став отцом семейства. Переубедить такого убеждённого холостяка даже для всего коллектива было делом нелёгким. Мы организовывали всевозможные встречи, вечера, где присутствовали незнакомые Владимиру представительницы прекрасного пола. Как профессионал-разведчик он быстро устанавливал с ними человеческий личный контакт, умел завлечь милых женщин своим обаянием, интересными беседами.

К сожалению, все эти знакомства заканчивались очень скоро, обычно в тот же день. Владимир избегал дальнейшего развития отношений с ними. Было понятно, что не находит ту единственную, о которой, наверное, мечтал все годы своего одиночества.

Однажды мы организовали поездку за город по грибы. Среди нас случайно оказалась подруга жены нашего сотрудника. Владимир не обратил на неё особого внимания. Погода была не совсем удачной для грибников, в лесу нас застал сильный дождь. Настроение постепенно портилось, а дождь не прекращался. Все стали возвращаться к машинам, а Владимир вдруг внезапно исчез в лесу. Появился он минут через сорок, и в руках у него была корзинка, полная грибов. Все удивились резвости и удаче Владимира, а он галантно преподнёс свою лесную удачу Леночке. Так звали его будущую избранницу.

Лена с благодарностью приняла корзинку с грибами и выразила Владимиру чувства признательности за оказанное внимание. И Владимир засиял в этот пасмурный день, он был в восторге от своего поступка и удачно сделанного сюрприза милой девушке.

Воодушевлённый этой благодарной реакцией Елены, наш дорогой холостяк вскоре полностью «капитулировал» перед ней. Свадьбу ждать пришлось не долго. И только после свадьбы мудрая Елена призналась Владимиру, что все собранные им грибы в лесу оказались несъедобными.

Сыграли свадьбу, и новая жизнь для Леночки и Володи началась. Не знаю, кто из них смелее, а возможно, они оба не робкого десятка, но в ближайшие годы они обзавелись двумя сыновьями, и получилась

полноценная семья. У Лены, на её хрупких женских руках, оказались сразу три мужчины. Тут, пожалуй, можно было и растеряться, но Володя и сестра Леночки Наташа не дали этому случиться. И растут у нашего нелегала два сына-богатыря не по дням, а по часам.

Нужно видеть, с какой трогательной заботой Лена, Владимир и Наташа опекают ребят. Растут они толковыми, смышлёными и здоровыми. И я уверен, когда эти ребята вырастут, они будут гордиться своим отцом, который был разведчиком-нелегалом российской разведки, верно служил Отечеству и его интересам.

Моя работа в Управлении «С» продолжалась. Когда возникла проблема в Афганистане, я попросил руководство направить меня на работу в эту страну. Я полностью не осознавал всех трудностей, с какими мне придётся встретиться там, но хотелось быть на передних рубежах острой борьбы за спокойное положение в мире. Я почему-то был уверен, что окажусь полезным в той сложной обстановке. Моя просьба была удовлетворена.

В Афганистане, как выше я уже рассказывал, мне пришлось заниматься не совсем обычной работой, она не походила на привычную мне разведывательную деятельность, так как накладывала свой отпечаток открытая вооружённая борьба с противником. Но в то же время имевшиеся у меня навыки агентурной и оперативной практики были полезными. И очень были полезны навыки общения с людьми и приобретённое на месте умение руководить большим коллективом оперативных работников. Здесь, видимо, сказывалось моё военное образование и готовность в определённых случаях брать ответственность за принимаемые решения на себя.

Когда я вернулся из Афганистана и отчитался перед Юрием Ивановичем Дроздовым за проделанную работу, он в шутку заметил, что не сможет предоставить мне здесь в подчинение такое большое количество оперативных работников. Я откровенно ответил, что устал от такой работы и готов отвечать только за себя самого.

Позднее Дроздов перевёл меня на работу в самый важный, по моему мнению, отдел нелегальной разведки. В этом отделе почти все сотрудники были действующими разведчиками-нелегалами. Коллектив этого отдела был и останется в моей памяти до конца дней моих самым лучшим коллективом из всех, в каких мне доводилось работать за долгую жизнь разведчика. Умудрённые жизненным опытом и разведывательной практикой люди были просты в обращении, внимательны друг к другу, точны в работе и исполнительны. Я как-то сразу полюбил их всех. Эти смелые, умные, находчивые, с орденами и Звёздами Героев и без них люди не имели права открыто сказать о себе, о своих заслугах никому. И не тяготились этим. Они просто живут, как все. Может быть, в душе каждого из них не так всё просто, но они умеют управлять своими эмоциями. Они остались разведчиками-нелегалами.

Мы часто общались семьями. Организовывали вечера отдыха, на

которых с большим удовольствием встречались с писателями, музыкантами. Иногда посещали наши московские предприятия. Жена моя сразу же почувствовала особый настрой людей, составляющих мой новый коллектив. Не зная, кто эти люди, она сумела вскоре понять, что все они разведчики, притом разведчики особые. Она не раз говорила мне после наших встреч, что это какие-то необыкновенные люди, они излучают какое-то особое человеческое тепло. У каждого своя аура. Тогда это было модным выражением.

И среди этих моих новых коллег по работе была супружеская пара Анри и Анита. Юрий Иванович Дроздов в своих воспоминаниях о работе в нелегальной разведке очень тепло говорит об этих замечательных людях, называет их псевдонимы.

Анри в своей беседе с корреспондентом «Красной звезды» в сентябре 1993 года представился Георгием Андреевичем. И я буду называть его Георгием Андреевичем. В 1984 году вышел специальный Указ Президиума ВС СССР, который гласил: «За мужество и героизм, проявленные при выполнении специального задания, Президиум Верховного Совета СССР присвоил звание Героя Советского Союза… Анри». Анита была награждена орденом Красного Знамени.

Наши соотечественники, да и люди во всём мире, хорошо знают Зорге, Абеля, Филби. Рихард Зорге работал в Японии, был арестован и казнён. Звание Героя Советского Союза он получил гораздо позже своей смерти. Рудольф Абель работал в США, был арестован, а затем его обменяли, и он вернулся на Родину. Ким Филби был англичанином, активно работал против США и Англии в интересах своей новой Родины, избежав ареста, выехал в Советский Союз. Мы знаем этих достойнейших людей лишь потому, что противник обнаружил их деятельность. И произошло это то ли в силу рокового стечения обстоятельств, то ли из-за предательства или риска, на который они пошли вполне сознательно, понимая, как важны были для Центра добываемые ими сведения.

Таковы уже парадоксы профессии разведчика. Чтобы стать знаменитым, «надо» засветиться. О других, тех, кому с профессиональной точки зрения повезло больше, - они остались нераскрытыми, - как правило, мало кто знает и у нас и, естественно, у них за бугром.

О наших дорогих Анри и Аните знает узкий круг лиц, как правило, связанных с нашей нелегальной разведкой.

А какие это замечательные, добрые и отзывчивые люди. Головы их уже припорошил иней седины, а глаза у них всё те же - молодые и лучистые. Георгий Андреевич - по-настоящему героическая личность, а в жизни скромный, застенчивый и спокойный человек. Наши сограждане, встречая их на улицах Москвы, не обращают на них никакого внимания, а ведь они гордость нации. Живут бывшие нелегалы в небольшой московской квартире, тихо, спокойно, не ждут ни от кого никаких особых почестей. У них нет даже дачи под Москвой.

Как-то я, узнав, что Георгий Андреевич любит летом выезжать за

город на природу, но не может делать этого часто из-за отсутствия личного транспорта, предложил ему содействие в приобретении автомашины. В те времена было ещё очень трудно, даже имея честные деньги, купить автомашину. Георгий Андреевич стал отказываться, но я чувствовал, что идея ему понравилась. Я составил письмо в хозяйственное управление КГБ, подписал его у начальника нелегальной разведки и отправился в путь. В письме я указал, что мы просим выделить машину для Героя Советского Союза. В КГБ в те времена Героев было негусто, как говорится, раз-два, и обчёлся. Я был уверен, что моё письмо произведёт нужное впечатление на хозяйственников. Но меня подвела, как всегда, наивность. Заместитель начальника управления, равнодушно повертев бумагу в руках и зачем-то заглянув даже на обратную сторону листа, промолвил, что поставит на очередь. Делать ничего не оставалось, как ждать.

Прошёл месяц, другой, сдвигов не было. И тогда я ринулся в бой. Я вновь появился в хозяйственном ведомстве и попросился на приём к начальнику управления. Меня стали уверять, что по этим вопросам принимает только заместитель, я же настаивал на встрече с начальником и добился своего. После этого вопрос решился быстрее.

И как было приятно видеть Георгия Андреевича за рулём своей «Волги». Довольна была и его жена. Теперь они были мобильны и могли наслаждаться прекрасными подмосковными местами.

Заканчивая эту главу, хотел бы ещё раз подчеркнуть - кто же это такой нелегал-разведчик? Это человек, примеривший на себя чужую биографию, национальность, психологию, интеллект, образ жизни, язык, стиль мышления, культуру, привычки, историческую память, существующие законы, обычаи... и оставшийся тем, кем он был до этого часа, - верным солдатом Отечества, ради защиты которого он добровольно и бескорыстно взялся за тяжёлую и опасную работу, равную подвигу.

У меня на всю жизнь осталось большое удовлетворение от работы в нелегальной разведке, громадное уважение ко всем товарищам и соратникам по этому тяжёлому ремеслу и особенно, конечно, к нашим разведчикам-нелегалам - золотому фонду нашей разведки. Они и есть истинные герои Отечества нашего.

Сыны отечества

Николай Кузнецов, Рихард Зорге, Дмитрий Быстролётов, Рудольф Абель - эти и не менее известные имена многих других наших разведчиков уже давно стали легендой. Выбрав однажды свою судьбу, они оставались верными своему делу до конца. Вся их жизнь - это постоянный риск, подчас риск смертельный, потому что работа их была героической. Несли все они свою неимоверно тяжёлую ношу, не думая о наградах, почестях, славе, потому что принадлежали к совершенно особому роду людей - разведчикам, или, как с лёгкой руки журналистов их называют, солдатам «незримого» фронта.

Всем названным выше разведчикам, можно сказать, повезло. Они получили, кто после смерти, кто ещё при жизни, всемирную известность и народное признание. И это справедливо. Высшая честь им и слава! Вечная память! Подвиг их во имя народов Советского Союза и всех миролюбивых стран неоценим. Но я хочу сказать о тех, чьи деяния во имя Отечества остались лишь в донесениях и сводках Центру. Их немало. Уверен, когда-нибудь и их имена будут произнесены вслух и молодёжь будет знать - делать жизнь с кого. Моя книга посвящается недавно ушедшему из жизни советскому военному разведчику Ляхтерову Николаю Григорьевичу.

Моё знакомство с Николаем Григорьевичем состоялось зимой 1955 года, когда я находился в отпуске в Москве.

В его дом меня привёл мой сокурсник по Ленинградскому военно-морскому училищу Николай Голубятников. В то время Николай Григорьевич Ляхтеров служил в Генеральном штабе Министерства обороны СССР. Уже много позже я более подробно узнал историю жизни этого замечательного человека - талантливого военного разведчика.

Родился Николай Григорьевич 22 апреля 1905 года в Белоруссии, в городе Могилёве, в русской крестьянской бедной семье. Отец его, Григорий Васильевич, часто болел и в мае 1918 года умер. Семья была большая. Мать работала прачкой. Старший брат - в депо. На Рождество 1917 года он был схвачен жандармами и изувечен ими лишь за то, что в кругу ребят пустил сигнальную ракету. Его обвинили в шпионаже. Маленькому Николаю тоже не повезло.

Учась в реальном училище, он часто видел царя Николая II и наследника. Царская ставка в те дни размещалась в Могилёве, и учеников регулярно привлекали на официальные торжества по случаю встречи с царствующей семьёй Романовых. В 1917 году в Крещение молодой Ляхтеров пострадал во время очередной встречи народа с Николаем Вторым. Конный жандарм, стремясь оттеснить толпу с пути следования царя, наехал на школьников, и конь задним копытом раздробил Николаю пальцы правой ноги.

Когда умер старший брат, Николаю - четырнадцатилетнему парнишке - пришлось работать в депо ремонтником по 12 часов в сутки. Затем его перевели в военизированную охрану железнодорожной станции Могилёв.

Летом 1922 года он добровольно вступил в ряды Красной Армии и прослужил Отечеству более 40 лет, в партию он вступил в январе 1930 года.

В 1923 году Николай Григорьевич успешно окончил пехотные курсы и служил в 31-м стрелковом полку 1-й Ленинградской дивизии. В 1925 году окончил курсы технической маскировки при Инженерной академии и возвратился в свой полк. В 1926-1928 годах он учился и с отличием окончил Киевскую школу командиров, был направлен в 12-й стрелковый полк 4-й стрелковой дивизии командиром роты одногодичников. В 1930-1932 годах - курсовой командир и командир роты курсантов Ленинградской авиатехнической школы. Затем в 1936 году Николай

Григорьевич окончил по первому разряду специальный факультет Военной академии имени Фрунзе. Изучал немецкий и французский языки.

С марта 1936 по апрель 1946 года, а затем с декабря 1956 по сентябрь 1959 года он работал в Разведывательном управлении Генерального штаба на должностях от секретного уполномоченного до начальника Четвёртого управления. Во время войны Разведывательное управление было переименовано в Главное разведывательное управление Советской Армии (ГРУ ГШ Советской Армии).

Николай Григорьевич непосредственно участвовал в агентурной работе, занимался вербовкой и засылкой агентуры и советских разведчиков в страны фашистского блока и в сопредельные с ним государства.

В роковые тридцатые годы армия подверглась террору, не обошёл он и разведку - были отозваны из-за рубежа, арестованы, а затем расстреляны практически все нелегальные и работавшие под прикрытием руководители резидентур Разведупра Красной Армии. Они, по утверждению НКВД, якобы были перевербованы разведками и контрразведками капиталистических государств. Берзин и заменивший его в 1935 году на посту начальника Разведуправления комкор Урицкий уделяли большое внимание подбору и подготовке молодых, перспективных разведчиков, умелому использованию на руководящей работе за рубежом и в Центре лиц, получивших опыт на нелегальной работе. Среди них были Вартанян, Бекренёв, Бронин, Никольский, Рогов, Капалкин, Леонтьев, Мильштейн, Звонарёва, Полякова и другие.

С июля по ноябрь 1937 года Николай Григорьевич работал под непосредственным руководством вернувшегося из Испании начальника Разведупра Красной Армии Я.К. Берзина по восстановлению агентурной сети и созданию нелегальных резидентур «глубокого залегания» (на военное время). Именно в то время были задействованы Треппер, Радо, Кент, фон Шелия, Эльза и другие.

Николай Ляхтеров впервые встретился с Яном Берзиным в 1933 году на специальном факультете Академии имени Фрунзе (Берзин приехал для проведения беседы со слушателями нового набора).

Помню, Николай Григорьевич рассказывал: «Встретил его начальник нашего факультета комдив Куцнер. Провёл в президиум и представил нам. Честно говоря, не верилось, что перед нами сидел легендарный герой борьбы с царизмом, бесстрашный боец Гражданской войны и умелый организатор военно-стратегической разведки. Все мы увидели перед собой высокого (свыше двух метров), стройного, седовласого, с живыми сине-голубыми глазами человека, который в течение полутора часов глубоко и доказательно изложил основные резкие изменения в международной обстановке в связи с приходом к власти в Германии Гитлера и нацистской партии и вытекающие из этого новые задачи стратегической разведки и спецфакультета Академии имени Фрунзе…»

Во время Гражданской войны Ян Карлович Берзин командовал

отрядом ЧК. В 1919 году входил в состав правительства Латвии. С 1921 по 1935 год был начальником Разведывательного управления Генштаба Красной Армии. В 1935 по 1936 год - заместителем командую щего ОКДА (Особой Краснознамённой Дальневосточной армии). 27 августа 1936 года он возглавил советскую военную миссию в Испании, в которую входили также генералы Горев, Малиновский, Кулик, Штерн, Павлов, Сверчевский и др.

Ян Карлович имел природный острый аналитический ум, был хорошим психологом. У него был большой опыт нелегальной работы в условиях царского режима и Гражданской войны. Он был весьма требовательным руководителем, но никогда не рубил сплеча. Берзин лично принимал участие в вербовке ценных агентов, таких, как Зорге, Радо, Треппер, Шелия и др. Он решительно отстаивал перед Политбюро ЦК и лично Сталиным подчинённых ему разведчиков, обвиняемых в антиправительственных действиях. Всех их он хорошо знал, знал их сильные и слабые стороны, их ошибки, допускавшиеся в агентурной или информационной работе.

Н.Г. Ляхтеров вспоминает такой случай: «Летом 1938 года было получено очень важное сообщение от нашего крупного агента фон Шелия о предстоящей встрече польского министра иностранных дел с руководителями фашистского рейха и возможном заключении договора о ненападении и совместной борьбе против Советского Союза. Эта информация немедленно была расшифрована, отпечатана и направлена Ворошилову, его заместителям и начальнику Генерального штаба».

Ляхтеров проверил это сообщение и установил, что машинистка допустила опечатку в одном слове. Было напечатано «посетил», а нужно было написать «посетит». Одна неправильная буква меняла смысл всего донесения. Машинистка сделала исправления в пяти экземплярах, а в шестом, который оставался в документах отдела, стёрла букву «л» и опять напечатала «л».

Ворошилов, прочтя донесение, наложил резолюцию: «Срочно тов. Сталину, тов. Молотову. Машинистка отпечатала два экземпляра и опять напечатала «посетил». В это время Ляхтерову пришлось срочно уехать в Коминтерн, а начальник отдела полковник Струнин, не зная об этой злосчастной ошибке, проверил донесение, напечатанное по шестому экземпляру, и отправил его адресатам.

Через два часа Сталин позвонил Берзину и спросил: «В чём дело? Получил от вас важное сообщение. На первой странице говорится «посетил», а на четвёртой «посетит». Если «посетит», мы можем принять меры воспрепятствовать этой встрече. Разберитесь и доложите».

Берзин вызвал начальника отдела и Ляхтерова, отчитал их в строгой, но тактичной форме, наложил на них взыскание: «Строгий выговор в приказе по РУ» - и ещё раз напомнил им, как важно тщательно проверять всю информацию и документы, получаемые от агентуры, легальных источников, радиоперехватов и т.д.

Докладывая Сталину итоги расследования этого инцидента с буквой «т», он взял на себя всю вину за происшедший недостаток в работе информационных органов Разведывательного управления Генерального штаба.

Берзин разделял взгляды Тухачевского, Егорова (начальника Генерального штаба), Триандофилова, Якира и других крупных военачальников на необходимость срочных реформ в Красной Армии, обновления руководящих кадров армии и флота, создания вооружённых сил, способных противостоять не только вырастающей в Германии фашистской армии, но любой группировке вооружённых сил капиталистических стран. Он никогда не был предателем, шпионом капиталистических разведок и контрразведок.

Трагически закончилась жизнь Берзина и Урицкого - в конце 1937 года они были расстреляны. Сложно складывалась судьба Треппера, Радо, Кента, фон Шелия и Эльзы.

О жизни и работе Леопольда Захаровича Треппера советский читатель узнал из сообщений нашей прессы (см. «За рубежом», № 27 и 28 за 1989 год). Леопольд Треппер, гражданин Польши, журналист, член коммунистической партии с 1925 года, активно работал в Коминтерне. Советская военная разведка привлекла к сотрудничеству, по её рекомендации он отошёл от активной политической деятельности. После соответствующей подготовки Треппер был направлен в Бельгию и Голландию для создания условий разведывательной работы против Германии. В качестве радиста к Трепперу был выведен Кент, советский гражданин.

В Европе Леопольд Треппер создал несколько торговых фирм и приступил к активному выполнению заданий Центра, привлекая к сотрудничеству с советской разведкой новых людей.

Шандор Радо, гражданин Венгрии, руководитель сети советской военной разведки в Швейцарии, был привлечён к сотрудничеству в тридцатые годы. В 1937 году, когда собирались все руководители нелегальных резидентур в Центр, он не поехал в Москву и таким образом избежал ареста и возможного расстрела.

В январе 1945 года Леопольд Треппер, Шандор Радо и ещё несколько человек советским военно-транспортным самолётом отправились из Парижа в Москву. Но так как в Центральной Европе продолжала бушевать война, маршрут на Москву был разработан через южные страны. Во время остановки в Каире Радо бесследно исчез. Вероятно, он отчётливо предвидел свою судьбу, ожидавшую его в Москве. Не испытывая никакого энтузиазма от перспективы закончить жизнь в одном из сталинских застенков, он не полетел в Советский Союз. И мне трудно осуждать его за этот шаг, зная, как сложилась судьба Треппера.

Фон Шелия - немец, выходец из аристократической семьи, в своё время - советник посланника германского посольства в Польше. Он был источником ценной информации советской военной разведки. С его

помощью Рихард Зорге был оформлен за рубежом представителем ряда ведущих газет и журналов Германии.

Эльза - немка, выходец из аристократической семьи, активный член антифашистского движения. Она вела большую работу по добыванию ценной информации из оппозиционно настроенных кругов военного министерства, генерального штаба и военно-воздушных сил Германии. Она подготовила и направила в Москву подробный доклад о планах фашистского руководства по развёртыванию немецких вооружённых сил на ближайшие три года, об этапах перевооружения армии новыми танками, самолётами и другой техникой, а также о расширении военного сотрудничества между Германией и Италией.

Работая в центральном аппарате Разведуправления Генштаба, Николай Григорьевич неоднократно направлялся в краткосрочные командировки в Германию, Чехословакию, Италию, Францию, страны Прибалтики. Где-то нужно было восстановить нарушенную связь с нелегальной резидентурой, передать шифроблокноты, нацелить на новые задания, направить человека в другую страну и т.д.

В декабре 1936 года он выезжал в составе делегации Разведывательного управления в Чехословакию для обмена опытом работы и организации совместной с разведывательными органами чехословацкой армии разведки против фашистской Германии.

Летом 1938 года Николай Григорьевич посетил Германию в составе советской военно-авиационной делегации для участия в работе Международной авиационной федерации (ФАИ).

В состав делегации входили комбриги ВВС Спирин, Громов, Данилин и полковник Юмашев. На конференции, помимо отчётного доклада руководства ФАИ, рассмотрения ряда юридических и технических вопросов, были вручены золотые медали Громову, Юмашеву и Данилину за установление мирового рекорда дальности беспосадочного перелёта одномоторного самолёта по маршруту Москва - Северный полюс - США.

Фашистское руководство широко использовало эту конференцию в пропагандистских целях, пытаясь запугать делегации западных стран, Советского Союза, Балканских государств, Польши, Чехословакии, Австрии довольно широким показом новой авиационной техники и противовоздушной обороны. Одновременно оно стремилось вселить уверенность своим союзникам и сателлитам в непобедимость вооружённых сил Германии и их военнотехническое превосходство. Геббельс организовал для делегатов поездку в спортивный дворец, где выступал Гитлер с полуторачасовой речью перед руководящим составом фашистской партии и немецкой армии. Он без всяких записей говорил об огромных достижениях Германии в области экономики, внешней политики и перевооружении армии новой техникой, приводил сотни цифр в доказательство того, что сделано и что предстоит сделать в ближайший год в деле создания «великой Германии». Он потребовал от военных быстрее завершить реорганизацию частей и соединений армии,

окончательно очистить Берлин и другие крупные города от «врагов нации» - евреев и коммунистов-подполыциков.

«Подготовку к массовым погромам еврейских магазинов и квартир мы сами наблюдали в Берлине, Гамбурге и Дрездене, - вспоминает Николай Григорьевич. - На витринах и квартирах евреев были надписи: «Я еврей». Если еврей бежал в другую страну, то к надписи было добавлено: «Я бежал в Палестину». Магазин или квартира всё равно будут разгромлены, а часто и сожжены. Через пару недель после нашего отъезда в Москву эти погромы начались, и в течение трёх дней были разграблены все магазины и квартиры евреев, убиты и ранены десятки тысяч, а сотни тысяч человек были отправлены в спецлагеря, где и были впоследствии уничтожены».

Рейхсмаршал Геринг устроил большой приём в честь участников конференции в новом здании министерства авиации. Присутствовала там вся нацистская верхушка, за исключением Гитлера. Фашистское руководство не хотело допустить членов советской делегации на осмотр новой авиационной техники и ПВО.

«Но после обеда, - рассказывает генерал Ляхтеров, - к нам подошёл генерал-полковник авиации Мильх - начальник штаба ВВС и заместитель Геринга - и сказал, что Геринг, к сожалению, не сможет самолично с нами побеседовать и поручил ему провести эту беседу с нашей делегацией. Нас провели в отдельную комнату, где находилось несколько генералов-авиаторов и переводчик.

Во время беседы разразился скандал. Мильх задал Громову провокационный вопрос: «Кто ваш отец?» Громов ответил, что его отец был врач, и во время Первой мировой войны руководил военным госпиталем в чине подполковника медицинской службы. Мильх спросил: «А почему большевики не расстреляли его?» Громов не выдержал, стукнул кулаком по стеклу, лежавшему на столике, поднялся и заявил, что это провокация и советская делегация немедленно покидает конференцию и уезжает в Москву. Мильх и фашистские генералы стали его успокаивать, Мильх побежал в кабинет Геринга и доложил ему. Тот заставил Мильха извиниться перед Громовым и пригласить нас осмотреть новейшие образцы самолётов на аэродроме и в полёте, совершить поездку по Пруссии и т.д.

Такие воспоминания остались у Николая Григорьевича после поездки в Германию.

В сентябре-октябре 1939 года он возглавил группу работников Первого отдела Разведывательного управления (комбриг Бронин, капитан Дубов) по оперативной разработке личного состава Чехословацкого легиона, который был интернирован нашими войсками в Польше и передислоцирован в город Могилёв Каменец-Подольской области. Группа завербовала несколько десятков человек, из них девять человек, пройдя соответствующую подготовку в Центре, были успешно переброшены через «зелёнку» в Венгрию и Чехословакию.

Летом 1940 года Николай Григорьевич был командирован с радистом

в Литву, с задачей: используя нашего крупного агента в генштабе Литвы, не допустить до прихода наших войск в Каунас уничтожения документов в разведотделе. И это задание было успешно выполнено.

Руководство военной разведки направляло Н.Г. Ляхтерова и в длительные зарубежные командировки. В 1940-1941 годах он был военным атташе и резидентом в Венгрии. Там он встречался с Ракоши при освобождении последнего из тюрьмы. С октября 1941 года по ноябрь 1945-го Ляхтеров был военным атташе и главным резидентом в Турции. Там он был ложно обвинён в организации покушения на германского посла фон Папена. Фактически это покушение было совершено в 1942 году диверсионной службой НКВД по личному указанию Сталина.

Павел Судоплатов в своей книге «Разведка и Кремль» пишет, что Сталин приказал ликвидировать фон Папена, поскольку тот являлся ключевой фигурой, вокруг которой вертелись замыслы американцев и англичан по созданию альтернативного правительства в случае подписания сепаратного мира с Германией.

Подобное сепаратное соглашение между Великобританией, США и Германией исключило бы Советский Союз из будущего европейского альянса. Однако покушение сорвалось, так как болгарский боевик турецкого происхождения взорвал приёмник «Телефункен» с взрывным устройством раньше времени и лишь легко ранил фон Папена.

Турецкого террориста звали Абдурахман, а его начальника Ихсан. Мощным взрывом Абдурахмана разорвало на мелкие части, и турецкая полиция и контрразведка нашли только каблучок от тапочка, где стояло клеймо гостиницы, в которой последние несколько дней жили оба террориста.

Быстро был найден Ихсан и арестован. На следствии он сперва показал, что ещё в октябре 1941 года посетил советское посольство и предлагал старшему помощнику военного атташе майору авиации Новикову купить у него за хорошие деньги большое количество документов о подготовке покушения на Сталина. Новиков выгнал этого провокатора из посольства и пригрозил вызвать полицию, если он немедленно не исчезнет. Действительно, так и было. Вскоре после нескольких дней пыток он изменил показания. Якобы после Анкары они оба появились в Стамбуле, где и были завербованы сотрудниками генерального консульства СССР и торгпредства Павловым и Корниловым. После этого турецкое правительство предъявило ультиматум о выдаче Павлова и Корнилова для суда и наказания виновных лиц. Наше посольство отказалось принять этот ультиматум, и турецкая полиция, контрразведка и легион белогвардейцев осадили здание нашего генерального консульства, где также находилось торгпредство, аппарат военно-морского атташе и часть аппарата военного атташе.

За два дня до осады советский военный атташе полковник Ляхтеров прибыл из Анкары в Стамбул. Здесь он вместе с руководством генконсульства, торгпредства и аппарата военно-морского атташе и

резидентом НКВД составили план обороны, рассчитали время, необходимое для уничтожения секретных документов, шифров, радиостанций в случае, если в здание ворвутся турецкие янычары и белогвардейцы.

Осада длилась четыре дня, продукты все вышли, и детей сотрудников нечем было кормить.

Советское правительство пригрозило туркам ответными мерами, но согласилось выдать Павлова и Корнилова. Турецкие власти сняли осаду и организовали показательный суд. Павлов и Корнилов были осуждены на 20 лет тюрьмы. Во время следствия и на суде они категорически не признавали своей вины, говоря, что это - явная провокация фашистской контрразведки и профашистских турецких лиц, стремящихся толкнуть руководство Турции на выступление совместно с фашистской Германией против СССР.

Фактически всей этой провалившейся операцией по ликвидации фон Папена руководил Наум Эйтингон (по паспорту он Наумов), заместитель начальника Управления «С» (специальные операции). Он прибыл в Стамбул в конце 1941 года и поселился в генконсульстве. Его помощником в Анкаре являлся резидент НКВД Тарасов (Васильевский).

Со дня покушения и почти весь 1942 год турецкая и западная печать и радио вели бешеную агитацию, обвиняя Советский Союз во всех смертных грехах и попытке якобы втянуть Турцию в войну против фашистской Германии и её сателлитов. Все силы полиции и контрразведки были брошены на круглосуточную слежку за всеми сотрудниками советских учреждений в Турции. Дело дошло до избиения советских дипкурьеров, доставляющих диппочту из Москвы в Анкару, Стамбул, Измир (консульство СССР), и попыток захвата и вскрытия диппочты. Хорошие, добрососедские отношения между СССР и Турцией, которыми так дорожил покойный президент Ататюрк, были на грани разрыва.

Эту кампанию против СССР возглавляли министр иностранных дел Сараджоглу, а в армии и генштабе армейский - генерал Гиндуз. Оба мечтали о быстрейшем захвате немцами Москвы и уничтожении СССР как государства. Они вели тайную переписку с руководством гитлеровской Германии о возможном вступлении Турции в войну против СССР. Но первые успехи Красной Армии и разгром немцев под Москвой и Ростовом в конце 1941 года несколько охладили их пыл. Разгром немцев в Сталинграде в ноябре 1942 года, а затем на Курской дуге и под Ростовом летом 1943 года окончательно убедили турецкое руководство, что курс держать надо не на победу Германии и захват Кавказа турками, а на победу антигитлеровской коалиции и на резкое улучшение отношений с СССР.

Уже в конце 1943 года Сараджоглу изменил свою тактику и, как хамелеон, превратился в поборника улучшения отношений с СССР, стал часто посещать посольство СССР и играть в покер, пить русскую водку,

есть блины с икрой. Он всегда приходил с генеральным секретарём МИДа Нуманом Менеменджоглу, а посол С.А. Виноградов приглашал военного атташе полковника Ляхтерова в качестве четвёртого игрока.

Сараджоглу дал указания контрразведке и полиции прекратить слежку за советскими гражданами, разрешил поездки по стране, дал указания таможенникам на границе в Карсе возвратить советскому военному атташе шесть двухкилограммовых банок зернистой икры, посланных ему из Москвы для представительских приёмов.

«Сараджоглу, - рассказывал Николай Григорьевич, - был очень крупным землевладельцем. Почти вся Измирская область принадлежала ему. Он имел ряд заводов и фабрик, миллионер, а скуп был до невозможности. Он страшно нервничал, когда играл с нами в покер, проигрывая 50-100 лир, и рад был, когда выигрывал у нас небольшую сумму».

После открытия Второго фронта союзниками и выхода наших войск на Вислу и Карпаты президент Турции Исмет Иненю своим указом амнистировал Павлова и Корнилова, а также сто заключённых турками советских разведчиков, засылаемых НКВД, Разведупром Генерального штаба, фронтовыми и армейскими, пограничными разведками. Он дал также указание отправить в Советский Союз двадцать пять интернированных советских лётчиков. Они специальным пассажирским поездом были отправлены в Советский Союз.

Что касается посла СССР в Турции С.А. Виноградова, то с ним Н.Г. Ляхтеров познакомился в июле 1941 года в Стамбуле, когда он приехал из Анкары для контроля и помощи в транспортировке через Турцию интернированных сотрудников советских организаций, прибывших поездами из Германии, Дании, Румынии, Венгрии, Чехословакии, Югославии, Италии. По просьбе правительства СССР Турция взяла на себя посредническую функцию и договорилась со всеми этими странами о порядке и времени прибытия и отправки поездов из СССР в Карс и из перечисленных стран в Стамбул. Надо отдать должное турецким властям, которые хорошо организовали этот взаимный обмен интернированными.

Виноградов был в свои 34 года самым молодым посланником в Европе. Он родился в 1907 году, имел высшее общее образование. Успешно окончил Высшую дипломатическую школу МИДа в 1939 году и назначен был советником посольства СССР в Турции, а спустя год стал Чрезвычайным и Полномочным Послом. Среднего роста, худощавый, с умными тёмно-карими глазами, энергичной походкой, он имел особое умение чётко и быстро решать сложнейшие вопросы с местными властями, дипломатическим корпусом и уже в те годы считался в ЦК КПСС и в МИДе лучшим информатором.

Ляхтеров вспоминает, что когда он был в мае 1941 года на приёме у Вышинского, то он спросил его: «Почему посол в Венгрии Шаронов только раз в месяц с диппочтой информирует МИД, хотя владеет тремя языками,

имеет большие связи в дипкорпусе и с местными властями, а вот молодой посол в Турции Виноградов ежедневно присылает по две-три телеграммы?»

Ляхтеров ответил: «Очевидно, он не знает, что такое информация и как её необходимо организовать». Вышинский ответил на это: «Вы правы, мы срочно его сняли с большого предприятия и послали без дальнейшей подготовки в Венгрию». Он просил Ляхтерова помочь послу и поделиться с ним своим опытом информационной работы. Но было уже поздно - 22 июня началась Великая Отечественная война.

В Турции с Виноградовым Ляхтеров быстро нашёл общий язык по всем вопросам дипломатической и военнодипломатической службы. С весны 1942 года, по решению ЦК и Сталина, посол Виноградов стал осуществлять общее руководство резидентурами НКВД и ГРУ.

Он каждый день в 10.00 и в 17.00 собирал резидентов НКВД, ВАТ, ВМАТ, отделения торгпредства и ТАСС, заслушивал их информацию, полученную от легальных источников и агентуры, кратко суммировал то, что необходимо доложить в Центр, и то, что необходимо проверить, а затем сообщал о новых задачах, полученных из Центра. Затем он быстро составлял телеграфные донесения, передавал их шифровальщикам, а те - радистам. И так все четыре года тяжёлой войны.

Виноградов очень любил охоту, особенно на дроф, и, выкраивая несколько часов, один-два раза в месяц выезжал в район озёр, находящихся в 35 километрах от Анкары. Он сам лихо водил машину и не случайно дважды попадал в аварию, отделавшись тяжёлыми ушибами сам и переломом двух рёбер у сопровождавшего его секретаря посольства в первом случае, а во второй раз во Франции - наездом на старушку, которая сломала ногу. После этой аварии ЦК КПСС запретило послам самим водить машины.

Виноградов проработал в Турции свыше десяти лет, затем был председателем Комитета радио и видеовещания и ТАСС. Двенадцать лет он был послом во Франции и более трёх лет в Египте, где тяжело заболел, срочно на самолёте был доставлен в Москву и во время операции умер. Похоронен он на Новодевичьем кладбище. На могиле его поставлен памятник в рост с надписью: «Послу Советского Союза от правительства СССР». Там же похоронены его жена и дочь.

Вплоть до смерти Виноградова Н.Г. Ляхтеров поддерживал с ним и его семьёй самые дружеские отношения. Он очень сожалел о безвременной смерти этого замечательного человека, подлинного патриота своей Родины, отдавшего все свои знания и силы во имя светлого будущего дорогой всем нам России.

3 мая 1942 года пресс-атташе советского посольства Ахмедов Исмаил (Николаев), офицер военной разведки, добровольно явился в турецкую полицию и заявил, что он им - «брат по крови», сын крымского татарина, муллы, репрессированного КГБ, и просит политического убежища. Турецкие власти отказались выдать его нам, увезли на Принцевы острова

в Мраморном море и вскоре передали его американской разведке. Никаких сообщений в печати и радио не было. Спустя только несколько лет, работая консультантом по России в одной из разведывательных школ США, он написал книгу о советской военной разведке и о том, как он помогал готовить нелегалов для засылки в СССР.

Ахмедов сообщил турецкой и американской разведкам всё, что он знал о центральном аппарате Разведывательного управления и резидентурах РУ и НКВД в Стамбуле и Анкаре, и предал двух нелегалов, с которыми работал. Предатель был заочно приговорён к расстрелу.

В связи с этим предательством Центр дал указание отозвать ряд оперативных работников, о которых мог знать Ахмедов, и в течение 1942-1943 годов обновил состав наших резидентур хорошо подготовленными разведчиками, имеющими значительный опыт агентурной и информационной работы.

Среди прибывших был полковник авиации Волосюк Макар Митрофанович, который возглавил стамбульскую резидентуру. Помощником у него был подполковник Судбин. Волосюк в 1939-1942 годах работал во Франции, там он обрёл большой опыт работы с нелегалами, в частности с Треппером и Кентом («Красная капелла»). Судбин, прекрасно владея турецким языком, непосредственно руководил нелегалами, которые имели доступ к секретным военным документам и добывали ценную информацию о планах и намерениях турецкого правительства по вопросам возможного выступления Турции на стороне Германии против СССР.

Волосюк организовал подготовку радистов для нелегальных резидентур на конспиративных квартирах. Для связи с нелегалами, получения от них информации и документов он привлёк свою жену Галину Петровну. Она имела опыт этой работы во Франции.

Советское правительство высоко оценило их работу, наградив орденами Красного Знамени и Отечественной войны I степени. После войны они работали в Центре на ответственных постах и им заслуженно были присвоены генеральские звания. К великому сожалению, их уже нет с нами. Они умерли после тяжёлых болезней.

Но вернёмся к временам 30-х годов, в то трагическое для руководства Красной Армии время.

10 мая 1937 года маршал Тухачевский, в то время он был первым заместителем наркома обороны, позвонил начальнику военной разведки комдиву Орлову и приказал срочно направить к нему ответственного работника за разведку, в том числе нелегальную, против Германии и её сателлитов. Орлов сообщил маршалу, что он лично отвечает только за информацию, а на немецком направлении сейчас остался только капитан Ляхтеров, остальные работники якобы «больны». Орлов приказал Николаю Григорьевичу немедленно явиться к маршалу.

Тухачевский принял Ляхтерова и сообщил ему, что готовится большая стратегическая игра. Ему необходимы завтра к 11.00 утра последние

данные о состоянии вооружённых сил Германии, сроках развёртывания армии на случай нападения на СССР. Предусматривается, что немцы могут включить в свою группировку до шестнадцати танковых и моторизованных дивизий СС. О штатах таких дивизий разведка получила информацию в 1936 году. Николай Григорьевич отметил, что маршал уже тогда предвидел, что дивизии СС будут использованы в случае нападения на СССР в первом эшелоне немецких войск. А дивизии СА будут использованы как второй эшелон для охраны тыла и порядка в самой Германии и в оккупированных зонах.

На следующий день в точно назначенное время Ляхтеров со всеми необходимыми документами, расчётами и справками прибыл к маршалу, но ему сообщили, что Тухачевский получил новое назначение командующим Приволжского военного округа и отбыл в город Горький. 22 мая 1937 года Тухачевского вызвали в Москву, в поезде арестовали, а 11 июня судили и расстреляли.

Летом 1938 года Ляхтеров был уже майором, начальником немецкого отделения и одновременно исполняющим обязанности заместителя начальника 1-го отдела Разведывательного управления Генерального штаба. Внезапно его вызвал руководитель военной разведки Орлов и приказал немедленно явиться к наркому обороны маршалу К.Е. Ворошилову.

Накануне был арестован полковник Тик, руководивший агентурой, и Николай Григорьевич по приказу руководства весь день и всю ночь знакомился с личными делами наиболее ценных агентов. Он обратил особое внимание на дело агента Эльзы, где имелся её доклад о планах фашистского военного командования по развёртыванию немецких вооружённых сил на ближайшие три года.

Ворошилов принял Николая Григорьевича и сразу же задал ему вопрос - знает ли он источника Эльзу, какова ценность её информации? Ляхтеров ответил, что только вчера познакомился с её личным делом и весьма полным и ценным её докладом. Ворошилов потребовал немедленно принести ему личное дело агента. Через несколько минут Николай Григорьевич возвратился с делом и «бегунком»-распиской на совершенно секретные документы в секретариат маршала. Главный адъютант комкор Хмельницкий заявил ему, что маршал занят, но как только он освободится, то запечатанное дело будет передано Ворошилову. Ляхтеров получил от адъютанта расписку в получении секретных материалов и удалился. Вот здесь майор Ляхтеров совершил большую ошибку, за которую мог быть жестоко наказан. Нужно было ждать и ждать, чтобы передать документы лично Ворошилову, а не доверяться Хмельницкому.

На следующее утро Ляхтерова вновь вызвали к наркому. Взбешённый Ворошилов закричал на него: «Что я вам приказал вчера? Сейчас вызову конвой и отправлю сами знаете куда». Николай Григорьевич не растерялся. Он достал расписку Хмельницкого и сообщил маршалу, что адъютант вчера взял у него запечатанное дело Эльзы, пообещав передать

его сразу же наркому. Маршал вызвал адъютанта и закричал на него: «Эх эта старая п… опять забыл?» Хмельницкий пулей выскочил в приёмную и принёс запечатанный конверт. Нарком взял дело и флотским матом выгнал его из кабинета.

Ворошилов внимательно познакомился с делом Эльзы и её докладом. На докладе было написано - «доложен наркому» и стояли две подписи: начальника Разведупра Генштаба комкора Урицкого и его заместителя по агентурной работе Александровского. Подписи Ворошилова на документе не было.

«Почему вы не задумались над тем, что этот доклад мог быть не доложен мне, а следовательно, и товарищу Сталину?» - спросил маршал у Николая Григорьевича. Немного остыв, он добавил, что понимает положение Ляхтерова, и дал ему следующие указания:

- во-первых: проверить все документы и донесения ценных агентов и доложить ему, если на них нет его резолюций;

- во-вторых: в течение трёх дней найти и доложить, где находится Эльза и можно ли восстановить с ней связь и получение информации;

- в-третьих: изучить, кого из нелегальных резидентов и агентов, связь с которыми была прервана по указанию «свыше» в 1936-1938 годах, можно вновь привлечь к добыванию ценной информации, особенно по Германии, её союзникам и сателлитам.

Ляхтеров по указанию руководства военной разведки с 1936 года поддерживал связь с Коминтерном, в частности, с Димитровым, а в 1940-1946 годах и с Матиасом Ракоши. Он также был связан с начальником отдела кадров болгарином Беловым.

Получив указание Ворошилова найти Эльзу, Ляхтеров через Белова вышел на одного писателя-антифашиста, который сообщил, где находится Эльза. Оказалось, что она уже в течение почти года проживала в одной из гостиниц Москвы. Она не знала, с кем сотрудничала, - то ли с НКВД, то ли с военной разведкой. Эльза ждала, когда с ней свяжутся.

Ворошилов поручил комдиву Орлову и Ляхтерову организовать встречи с Эльзой, выяснить возможности её возвращения в Германию или в Австрию для возобновления получения ценной информации. Задание было выполнено, агент продолжил свою работу, о чём было доложено наркому.

Не менее запоминающимися были у Н.Г. Ляхтерова и встречи с маршалом С.К. Тимошенко и генералом армии Г.К. Жуковым.

Впервые Ляхтеров встретился с Жуковым в Ленинграде зимой 1925 года в кабинете командира 31-го стрелкового полка Клыкова. Жуков, по поручению начальника Высших кавалерийских курсов, должен был договориться об использовании тира полка. Был составлен план тренировок слушателей курсов на зимний период, решены вопросы оборудования и охраны. Дважды в месяц Жуков и Ляхтеров встречались в тире.

Спустя шестнадцать лет Ляхтеров, будучи военным атташе в Венгрии, прибыл 3 мая 1941 года в Москву со срочным докладом об обстановке в Венгрии, Германии, оккупированных странах Европы. В кабинете наркома обороны маршала Тимошенко были во время доклада, кроме хозяина, маршал Будённый и начальник Генерального штаба генерал армии Жуков. Жуков несколько раз пристально взглянул на Ляхтерова, пытаясь, вероятно, вспомнить, где они встречались, но ничего не спросил.

После доклада Ляхтерову были заданы несколько вопросов: интересовались ходом сосредоточения немецкой армии у наших границ; возможностью использования двух венгерских армий в первом эшелоне совместно с немецкими соединениями; какую броню имеют немецкие танки. Ляхтеров обстоятельно ответил на каждый из них. В конце обсуждения доклада нарком заметил Николаю Григорьевичу, что конкретные задачи ему поставит генерал Жуков.

В это время в кабинет наркома вошёл адъютант и сообщил, что начальник Отдела внешних сношений просит разрешить ему срочно доложить о чрезвычайном происшествии. Когда его пригласили в кабинет, он доложил, что в районе Тулы задержан помощник военного атташе посольства Германии, переодетый под колхозника. Задержанного поместили в красном уголке станции и ждут указаний - что с ним делать. Маршал Будённый вскочил со своего места, стукнул кулаком по столу и закричал: «Как что делать - расстрелять!» Тимошенко, улыбаясь, подошёл к Будённому, положил ему на плечо руку и спокойно сказал: «Тише, Семён, а то фашисты всех наших дипломатов в Берлине перестреляют».

Нарком сообщил Ляхтерову, что ему звонил Вышинский из МИДа, он хочет переговорить об обстановке в Венгрии. Тимошенко разрешил Ляхтерову, после беседы с Жуковым, поехать в МИД к Вышинскому.

Прощаясь с наркомом, Ляхтеров передал ему настоятельную просьбу военного атташе в Берлине генерала Туликова разрешить ему срочно прибыть в Москву для доклада о неизбежности войны с Германией, которая может начаться в середине июня 1941 года. Тимошенко ответил: «Сейчас не время заниматься поездками, у нас есть постоянная радиосвязь с Берлином».

Оказавшись в своём кабинете, Жуков вновь пристально посмотрел на Ляхтерова и спросил: «Что-то мне ваше лицо знакомо?» Николай Григорьевич напомнил ему, что много лет назад они встречались в Ленинграде в тире 31-го стрелкового полка. Жуков усмехнулся, ударив себя по лбу, покачал головой и, извинившись за забывчивость, приступил к делу. Он заметил, что детальные задачи по разведке будут поставлены начальником Разведуправления. «Необходимо срочно проверить и установить, имеются ли у немцев сейчас танки с лобовой бронёй 75 мм и выше. В каком количестве и где они находятся.»

Ляхтеров доложил начальнику Генерального штаба, что в Разведуправлении есть сведения о разработке в Германии таких танков и

самоходных орудий. Но специалисты считают, что от первых пробных испытаний опытного образца до серийного производства таких машин требуется от двух до трёх лет. В войсках Германии сейчас таких танков нет. Николай Григорьевич подчеркнул, что он лично наблюдал в марте-апреле 1941 года прохождение через Венгрию трёх немецких танковых дивизий для нападения на Югославию и их возвращение обратно для ремонта. Все танки имели 22-мм броню. (Только летом 1943 года на Курской дуге и в районе Харькова появились новые немецкие танки с бронёй 75 мм - «Пантера» и «Леопард» и самоходные орудия «Фердинанд» с бронёй 220 мм.)

От Жукова Ляхтеров поехал в МИД к Вышинскому. Он проинформировал заместителя наркома об обстановке в Венгрии и о твёрдом решении регента Хорти и правительства страны выступить на стороне фашистской Германии в случае её войны с СССР.

В прессе последних лет уже много писалось о репрессиях в армии накануне второй мировой войны. Они нанесли огромный ущерб Советским Вооружённым Силам, всей обороноспособности Советского государства.

Внутриполитическая обстановка в стране в 30-х годах вызывала у Сталина опасения в отношении позиции крупных военачальников (Тухачевского, Егорова, Триамдофилова, Берзина и др.), которые открыто критиковали выдвиженцев Сталина - Ворошилова, Будённого, Кулика, Щаденко и других, не понимавших необходимости создания современной, высокомеханизированной и мобильной армии, усиливали подозрительность и определённые опасения, что армия может проявить колебания в поддержке проводимого им курса. Отсюда стремление убрать из армии всех колеблющихся, всех, кто вызвал у Сталина и его ближайшего окружения хоть малейшие сомнения.

О характере и размерах репрессий в Красной Армии и Военно-Морском Флоте в 30-40-х годах можно судить по выступлению К.Е. Ворошилова на заседании Военного совета при наркоме обороны СССР 29 ноября 1938 года. Он заявил: «Весь 1937 и 1938 годы мы должны были беспощадно чистить свои ряды, безжалостно отсекая заражённые части организма до живого, здорового мяса, очищаясь от мерзостной предательской гнили». И далее: «За это время мы вычистили больше четырёх десятков тысяч человек... мы можем теперь с уверенностью сказать, что наши ряды крепки и что РККА сейчас имеет свой до конца преданный и честный командный и политический состав».

Комиссия Политбюро при ЦК КПСС по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями, имевшими место в период 30-40-х и начала 50-х годов, установила, что И.В. Сталин не только давал указания об арестах безвинных людей, но вместе с Молотовым, Ворошиловым, Кагановичем и Ежовым они решали вопросы о расстреле большого количества советских граждан, в том числе и видных военных деятелей.

В первую очередь были обезглавлены: Военный совет при наркоме

обороны СССР. Из 85 членов совета было репрессировано 76 человек, 68 из них - расстреляно; затем «мозг армии» - Генеральный штаб, штабы округов и особенно военная разведка всех степеней; руководство всех служб наркомата обороны, ВВС, ВМС, ПВО и военных академий - всего 408 осуждено, из них 401 приговорён к расстрелу. Даже на С.М. Будённого органы НКВД сфабриковали показания о принадлежности его к военно-фашистскому заговору.

Осенью 1938 года Ворошилов решил собрать совещание ответственных работников Разведывательного управления Генерального штаба и узнать их мнение о возможности назначения начальником Разведуправления комдива Орлова, бывшего военного атташе в Германии, он, кстати, с ноября 1937 года временно исполнял обязанности начальника Разведупра. На совещании присутствовал и сам Орлов. Всё было как «выборы» в Гражданскую войну. Маршал задал этот вопрос, но зал молчал. Вдруг поднялся полковник С. Степанов и сказал: «Орлов высокообразованный человек, свободно владеющий тремя языками, отличный информатор, но он никогда не занимался агентурными и военно-диверсионными делами. Поэтому целесообразнее на эту должность назначить одного из работников Разведуправления или начальников разведотделов штабов Ленинградского или Дальневосточного округов».

Ворошилов согласился с этим и добавил: «Подумаем и в ближайшие дни решим».

Фактически начальником Разведывательного управления Генерального штаба был назначен комдив Гендин из НКВД. Его рекомендовали как «одного из лучшик учеников Дзержинского». Его основной задачей было как можно быстрее завершить «чистку» Разведывательного управления от «врагов народа» и создать новую высокоэффективную агентурную сеть. Через девять месяцев он сам был арестован как «враг народа» и расстрелян.

Как говорится в народе, пути господни неисповедимы. В армейских же условиях дальнейший жизненный путь каждого служилого человека зависит от приказа высшего начальства. Так случилось, что после окончания Великой Отечественной войны жизнь Николая Григорьевича Ляхтерова протекала в стенах Военно-дипломатической академии. Туда он был назначен в апреле 1946 года на должность заместителя начальника, одновременно ему было поручено исполнять должность начальника кафедры истории международных отношений и военной дипломатии.

Не знал тогда Николай Григорьевич, что служба в академии продлится у него целых пятнадцать лет и что ему придётся поработать и начальником совершенно новой кафедры - военно-дипломатической службы (ВДС) и начальником спецкафедры (№ 1), а затем заместителем начальника по учебной работе. Много сил и знаний отдал он воспитанию и обучению молодых военных разведчиков, но в декабре 1956 года его работа в академии прерывается почти на три года - он назначается

начальником Четвёртого управления Второго Главного управления Генерального штаба. В сентябре 1959 года Николай Григорьевич возвращается в академию на прежнюю должность и работает там до июля 1963 года. Болезнь помешала ему продолжать службу, он увольняется в запас в звании генерал-майора с правом ношения военной формы.

Кандидат военных наук, доцент, Н.Г. Ляхтеров лично разработал полный курс военно-дипломатической службы (ещё до создания кафедры военно-дипломатической службы) - свыше сорока лекций, десятки семинаров, практических работ, летучек; организовал подготовку слушателей по специализации с привлечением крупных специалистов с большим опытом зарубежной работы (А.А. Трояновский, В.В. Червяков, А.А. Игнатьев, И. Суслопаров, Коровин и другие).

Ляхтеровым разработаны и изданы с грифом «СС» («Совершенно секретно») два тома пособия по ВДС и книга «Из опыта военно-дипломатической работы» (1948 г.).

С созданием кафедры ВДС в 1948 году был создан авторский коллектив (Ляхтеров Н.Г., Берзин, Пинюгин С.С., Самарин Т.Т., Суслопаров И. и Медведев), и в течение 1949-1951 годов были переработаны, дополнены и изданы три тома пособия по военно-дипломатической службе; переведена с английского и издана книга «Этикет»; разработан ряд лекций по дипломатической службе (Яковлев) и издан двухтомник лекций, которые читал А.А. Трояновский.

Для привития навыков в добывании военной информации легальными путями были организованы посещения парадов, танкодромов, аэродрома, манёвров и выезды в страны народной демократии.

За огромный вклад в военно-дипломатическую службу Николай Григорьевич Ляхтеров был награждён орденом Ленина, тремя орденами Боевого Красного Знамени, двумя орденами Великой Отечественной войны I степени, орденом «Знак Почёта», четырнадцатью медалями.

Николай Григорьевич - замечательный, честный, добрый человек, хороший семьянин, до конца жизни оставался любящим и внимательным отцом, дедом и прадедом. У него выросли двое детей (дочь и сын), два внука и два правнука - Денис и Аннушка. Его любили и продолжают любить и уважать бывшие сослуживцы и слушатели академии, многие из них сейчас уже в руководстве ГРУ. Его постоянно приглашали на все торжественные сборы в ГРУ и в академию.

Николай Григорьевич был очень внимательным и добрым другом. Его очень уважали Владимир Александрович Куньщиков и Юрий Георгиевич Смоляков (мои родственники по материнской линии), Иван Васильевич и Нина Александровна Читалины и многие другие.

Читалина Ивана Васильевича я знаю с 1959 года. В то время я был старшим лейтенантом флота российского и только мечтал стать разведчиком, а он был уже таковым в звании полковника. Он прошёл всю Отечественную войну от звонка до звонка, служил в диких, далёких местах. Ныне Иван Васильевич продолжает работу в ГРУ.

Этот человек - заслуженный ветеран нашей военной разведки. Многие сотрудники управления, включая руководителей ГРУ, в прошлом были его учениками, постигали с его помощью азы разведывательного мастерства. Это доброй души человек, отзывчивый и внимательный товарищ. Все ветераны управления и молодые офицеры любят и уважают Ивана Васильевича.

Свою главу о сынах Отечества мне хотелось продолжить воспоминанием Александра Викторовича Фрадкина о своём дяде - замечательном советском военном разведчике Фрадкине Александре Ефимовиче, чья жизнь сложилась совсем не так, как у Николая Григорьевича Ляхтерова.

«В конце сороковых годов я прочитал в одной из американских газет сообщение о том, что такого-то числа бывший бригадный генерал Красной Армии (по-нашему комбриг) Александр Бармин бракосочетался с внучкой бывшего президента США Теодора Рузвельта. Я бывал в семье Бармина - мы жили в одном доме, знал, что он был коллегой моего дяди Александра Фрадкина, работал в тридцатых годах в Греции. Проведав, что Фрадкина отзывают из США в Москву, - а шёл как раз тот самый трагический 1937 год, - он настоятельно рекомендовал ему не возвращаться. Но как он, Фрадкин, разведчик, человек кристальной честности, не знавший за собой никаких грехов, преданно служивший своему делу, своей стране, мог предать, остаться на чужбине. И он вернулся вместе с женой и дочерью…

В далёком детстве, когда был совсем ещё маленьким, я называл своего дядю «мой вождь» и, сидя у него на коленях, трогал пальцем перекрещенные пропеллер и крылышки на его голубых петлицах. Позднее всегда с нетерпением ждал его возвращения из очередной загранкомандировки.

Случилось так, что моя мама разошлась с отцом, когда мне был год, и главным мужчиной в моей жизни, высочайшим авторитетом стал мой дядя, брат матери Александр Фрадкин - человек удивительной доброты, весёлый, остроумный и, по-моему, просто по-мужски очень красивый. Кстати, в честь него я и был назван Александром.

Помню, что, возвращаясь в Москву из-за рубежа и живя здесь осёдло пару лет, он часто ходил в военной форме, на его петлицах были два ромба, что обозначало воинское звание комдив, по-нынешнему то ли генерал-лейтенант, то ли генерал-майор. Я как-то спросил, почему он носит форму. Дядя ответил, что учится на оперфаке Академии имени Жуковского.

По рассказам мамы и её братьев я знал, что Шура - так его называли все мы, его близкие, - детство провёл в маленьком украинском городке (родился он в 1895 году), кончил гимназию, с началом Гражданской войны пошёл добровольцем в Красную Армию. Проучился несколько месяцев в какой-то авиационной школе, стал военным лётчиком, летал на бипланах, или, как их тогда называли, «этажерках». Воевал он на одном из южных фронтов.

Вспоминается такой, рассказанный мне мамой, забавный эпизод, имевший место в Екатеринославе (ныне Днепропетровск), куда к тому времени переехало многочисленное фрадкинское семейство. Было это, очевидно, в 1918 году. С мамой, необыкновенно красивой тогда восемнадцатилетней девушкой, познакомился и начал за ней весьма активно ухаживать Александр Вертинский, уже в те годы очень известный певец, композитор и поэт. Как-то во время очередного свидания он сказал, что собирается в ближайшие дни эмигрировать за границу, и предложил ей уехать вместе с ним. Узнав об этом буквально накануне отъезда Вертинского, Шура разыскал певца и ухажёра и сказал ему всё, что он, коммунист и красный командир, о нём думает. Маму же, предварительно «врезав» ей, запер в комнате на ключ.

Кончилась Гражданская война. Через какое-то время дядя стал дипкурьером, побывал в этом качестве во многих странах, в том числе даже в таком далёком и экзотическом, по тем понятиям, Китае.

Насколько я знаю, первой длительной загранкомандировкой - она началась примерно в 1923 или 1924 году - для него стала Франция. Потом были менее длительные командировки в Германию, Италию, затем снова надолго во Францию. Шура к тому времени в совершенстве знал французский, неплохо говорил по-английски и по-немецки. Что он конкретно во всех этих странах делал, я, естественно, не знал. Представлял только, что работа его так или иначе связана с авиацией.

Последней работой за границей стал Амторг (торгпредство) в США. Уехал он туда весной 1936 года и совершенно неожиданно для себя был отозван в Москву в начале лета 1937 года.

Зловещий 1937 год… Мне было тогда 14 лет, и все страшные дни того года я помню почти что до мелочей. Жил я тогда в доме, принадлежавшем Наркоминделу и Наркомвнешторгу. Думаю, не ошибусь, если скажу, что три четверти его жильцов были отправлены на смерть или на Колыму в чёрных «воронках» и «эмках». Идя утром в школу, я нередко видел эти наводившие страх и трепет машины у многих подъездов нашего дома.

Среди моей родни, близкой и дальней, в тот год было репрессировано семь человек. В живых осталась только одна - жена моего двоюродного дяди.

Самый любимый мною человек, мой Шура, если хотите, мой кумир, Александр Ефимович Фрадкин, был арестован 9 ноября 1937 года. 12 декабря того же года была арестована его жена Татьяна. Ему исполнилось 42 года, ей - 32.

Утром следующего дня после её ареста позвонила их дочь, моя пятнадцатилетняя двоюродная сестра Марианна, и просила срочно приехать. В их квартире на Никольской я застал разгром, опечатанные двери и заплаканную сестру. Марианна рассказала, что ночью арестовали маму и что пришедшие за ней люди заявили, что если в ближайшие день-два её не возьмёт к себе кто-либо из родственников, то отправят в

детский дом.

Моей мамы в Москве не было, она уехала к своей сестре Софье в Харьков, где та жила с годовалой дочкой уже несколько месяцев. Оказалась она в этом городе «благодаря» всё тому же страшному 37-му году.

В мае, как всегда ночью, в их квартиру на Лубянке пришли арестовывать её мужа - заместителя начальника одного из управлений НКВД. Пришедшие попросили сдать оружие. Он направился к письменному столу, стоявшему рядом с балконной дверью, распахнул её и выбросился с седьмого этажа.

На следующий день Софью вызвал к себе один из заместителей Ежова, тоже, естественно, вскоре репрессированный, и сказал, что, если она хочет уцелеть, пускай немедленно убирается из Москвы. Через два дня она была в Харькове.

Туда, в Харьков, я и позвонил маме, попросив срочно возвращаться домой. На следующий день она приехала в Москву, и мы взяли Марианну жить к нам.

Мама, а часто и я с ней, начали регулярно, как на работу, ходить к каким-то окошкам на Пушкинской улице, то есть в прокуратуру, и на Кузнецкий мост, то есть в НКВД. Выстаивали там многочасовые очереди, наивно полагая узнать судьбу моего дяди Шуры и вручить для него передачу. Были счастливы, если передачу принимали: значит, жив, думали мы.

Примерно в феврале - марте 1938 года нам сообщили: Фрадкин А.Е. приговорён в десяти годам лагерей без права переписки, его жена Фрадкина Т.А. получила восемь лет как жена «врага народа».

Сейчас все знают, что всё это была самая беспардонная ложь: никто из осуждённых на десять лет без права переписки домой не вернулся, все они были расстреляны. Мы понимали в общем-то это и тогда, и всё-таки у каждого из нас - так уж устроен человек - теплилась какая-то надежда.

Тем временем в нашу семью пришла ещё одна трагедия: в декабре 1938 года был арестован и, как выяснилось позднее, тоже расстрелян старший брат моего отчима Михаил Кольцов, в ту пору легендарный журналист и писатель. Таким образом, счёт репрессированных родственников дошёл до восьми.

Ещё одно невесёлое воспоминание тех мрачных лет. В 1938 году я вступал в комсомол. На комсомольском собрании комсорг ЦК ВЛКСМ в нашей школе (была в те годы такая должность) задаёт мне непременный по тем временам вопрос: есть ли в семье репрессированные? Честно отвечаю: есть, дядя. Следует ещё один, тоже классический, вопрос: как ты относишься к его аресту? Что на это пятнадцатилетний мальчишка, да и взрослый тоже, может ответить? И всё-таки, потупив глаза и делая немыслимое усилие над собой, отвечаю: раз его арестовали по указанию советского правительства, значит, всё правильно. В комсомол меня

приняли.

Впервые догадываться о том, что мой дядя Александр Фрадкин - разведчик, я начал где-то в конце 40-х - начале 50-х годов. По каким признакам, сейчас не помню. Зримые черты эта догадка приобрела в 1954 году, когда вышла из тюрьмы моя сестра, именно та самая Марианна, и её муж Виталий Зайцев. Да, и её тоже арестовали, но уже в 1947 году. Им предъявили обвинение (а потом и посадили на 25 лет) ни много ни мало в том, что они участвовали в подготовке покушения на жизнь самого товарища Сталина. Печальный, мягко говоря, счёт арестованных родных достиг десяти.

Так вот, Марианна совершенно отчётливо поняла из допросов, что отец её, мой Шура, - разведчик. Уже позднее, в начале 70-х годов, она рассказывала, что её приглашал к себе адъютант тогдашнего министра обороны Гречко и предлагал установить ей пенсию за погибшего отца. Она отказалась. Через некоторое время они вместе с мужем, по приглашению того же адъютанта, побывали в небольшом совершенно закрытом музее, где рядом с фотографиями других известных разведчиков, таких, как Я. Берзин, Р. Зорге, Л. Маневич, они увидели и Шурин портрет.

По всей вероятности, в середине 60-х годов я прочитал объёмистую книгу об известнейшем советском нелегальном разведчике полковнике Льве Ефимовиче Маневиче, умершем в 1945 году, будучи освобождённым из фашистского лагеря. В 1965 году ему посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза. И я соотнёс работу Александра Фрадкина с тем, что делал Маневич. Почему? Дело в том, что они оба практически одновременно работали в одних и тех же странах, добывали развединформацию в одной и той же области - авиации. И тот и другой занимались доставкой авиационной техники в республиканскую Испанию. Об этой стороне своей деятельности, и только о ней, А. Фрадкин незадолго до ареста рассказывал младшему брату, заметив: «Когда-нибудь я расскажу тебе об этом подробнее». Но не пришлось.

Всё встало на свои места в 1991 году. Я написал письмо в КГБ с просьбой дать мне возможность познакомиться с делом, заведённым на А.Е. Фрадкина. Мне разрешили. И летом вместе с младшим братом Шуры мы пришли в приёмную КГБ на Кузнецком мосту. Нас провели в небольшую комнату и вскоре принесли не очень толстую папку. В ней находились три папки поменьше: одна, самая объёмистая, - опись конфискованного имущества с перечислением каких-то носков, штанов, склянок (так и было написано - «склянок») для варенья и т.п.; вторая, намного тоньше, - следственное дело; третья, ещё тоньше, - судебное.

Больше других потрясла меня эта третья папка. Листок с приговором «тройки» под началом председателя Военной коллегии Верховного суда СССР Ульриха представлял собой, по меньшей мере, четвёртую, отпечатанную на фиолетовой копирке копию, в которую, на сей раз через чёрную ленту, была впечатана фамилия А.Е. Фрадкина. Это означало, что пяти, десяти, а то и более бедолагам была придумана одна и та же 58-я

статья с одними и теми же пунктами. Иными словами, расстрел под копирку.

Если мне не изменяет память, судили его 23 декабря 1937 года, то есть через полтора месяца после ареста. И присудили: расстрелять, приговор обжалованию не подлежит. В тот же день его расстреляли.

Была в деле своего рода анкета. В пункте о занимаемой должности значилось: «В резерве ГРУ Генштаба». Таким образом вопрос о принадлежности моего дяди к службе военной разведки был для меня окончательно снят.

Прочитал я и протоколы допросов. По тому, как он отвечал, было предельно ясно, что следователь НКВД имел дело с избитым, до крайности измученным пытками человеком. Все выдвигавшиеся против него обвинения он отрешённо подтверждал. А лепили ему вот что. Фрадкин-де вступил в преступную связь с двумя французами, один из них чиновник министерства авиации Франции, второй - сейчас не помню кто. И им он передавал наши военные секреты, в том числе сведения о конструкторских разработках А.Н. Туполева. А надо бы было написать, что он дружил с очень известным в ту пору гражданином Франции Пьером Котом, министром авиации, ставшим уже после Второй мировой войны одним из организаторов и лидером Движения сторонников мира.

С Туполевым Шура был действительно в добрых отношениях, неоднократно встречался с ним, в том числе и в рабочей обстановке. Не случайно в деле находился протокол очной ставки между ним и Туполевым. Андрей Николаевич всё категорически отрицал, в том числе и причастность Фрадкина к выдаче иностранцам каких-либо секретов. По той простой причине, что Александр Ефимович просто не мог ничего знать, поскольку сам Туполев ничего такого, что составляет военную тайну, ему не сообщал. Можно себе только представить, какого мужества требовалось от генерального конструктора, чтобы произносить это «нет». Видимо, очная ставка с Туполевым оказалась для Шуры решающей. На состоявшемся после неё очередном допросе он на все вопросы следователя стал отвечать «нет».

Наконец ещё один документ. Это - справка, полученная Военной коллегией Верховного суда СССР на её запрос в связи с полной реабилитацией Фрадкина А.Е. Было это в 1954 или 1955 году. Справка подписана кем-то из начальства то ли Министерства обороны, то ли Генштаба, то ли непосредственно ГРУ. К сожалению, точно не помню.

В справке чёрным по белому написано, что Фрадкин А.Е. долгие годы с пользой для дела, плодотворно работал разведчиком в системе ГРУ. И самое интересное: те два француза, что якобы его завербовали, на самом деле были надёжным источником информации нашего разведчика.

Кстати, в полученном нами документе о реабилитации А.Е. Фрадкина было сказано, что он умер в заключении от болезни в 1939 году. И снова, как видите, враньё.

Совсем недавно я познакомился с полученной из ГРУ справкой о

службе Фрадкина А.Е. в этой организации. Содержательная часть справки состоит всего из трёх строк. Вот они: «Фрадкин Александр Ефимович проходил службу в ГРУ ГШ только в период с марта 1936 года по октябрь 1937 года, после чего был уволен из рядов РККА». И всё.

А мне бы хотелось услышать хотя бы несколько добрых слов о моём трагически погибшем дяде. Думаю, даже из чисто прагматических соображений это имело бы смысл. Надеюсь, ГРУ в ближайшем будущем сподобится опубликовать солидный труд под таким примерно названием: «Так работала советская военная разведка». И в нём найдётся место для человека, о котором я написал.

В нашем доме висит портрет Шуры в военной форме - на гимнастёрке петлицы с двумя ромбами. Каждый приходящий к нам новый человек непременно спрашивает: «Что это за человек с таким мужественным, красивым лицом?»

Для меня Александр Ефимович Фрадкин, мой Шура, как был «моим вождём», моим кумиром, так и останется навсегда.

Естественно, эта глава лишь одна страничка из великой летописи о советских разведчиках - людях высочайшего гражданского долга, мужества, профессионализма. Уверен, что с годами эта летопись будет пополняться, и мы узнаем ещё множество имён героев разведчиков и поклонимся их подвигу.

Глава без названия

В последние годы работы в разведке я совершил несколько командировок в дружественные нам в то время страны - снова в Афганистан, в Ливию и на остров Свободы - Кубу. Все эти поездки оставили в моём сердце определённый след и воспринимались по-разному.

Афганистан ко времени моего повторного появления там заметно изменился. Обстановка медленно стабилизировалась, у людей появилась уверенность в себе, в правоте своего дела. Президентом Афганистана уже был Наджибула. Афганцы по-деловому готовились к самостоятельной борьбе за выживание в преддверии вывода советских войск и всего советнического аппарата из страны. Они, естественно, нервничали, как у них получится жизнь без поддержки и нашей всесторонней помощи, но паники не было. Было, как я успел разглядеть, твёрдое желание выдержать новые испытания судьбы.

Я встречался с руководителями спецслужб среднего звена, было их десять-двенадцать человек. Они сами обеспечивали конспиративность и безопасность наших встреч, действовали без поддержки советских представителей в Кабуле. Жил я на конспиративной квартире, встречи проводились на отдельной вилле, расположенной в тихом, спокойном районе столицы. Беседы наши длились весь день и прерывались только на ночь, чтобы отдохнуть. Мои слушатели были образованными, культурными и пытливыми офицерами, чувствовалось, что они хотели

получить от меня как можно больше знаний, не упуская ни одного слова. Переводчиком выступал их коллега, свободно владевший русским языком.

Я не исключал, что среди моих коллег по оружию были и сторонники противной Наджибу стороны. Но это уже было на совести тех, кто собрал команду и организовал нашу встречу. Инициатива, я знал, исходила от самого Наджиба. Я только иногда, да и то по ночам, когда не спалось, удивлялся, что нет попыток выкрасть меня и вывезти к душманам. Но на этот случай мне в представительстве КГБ в Кабуле дали пистолет, в расчёте на то, что живым я не попаду в плен.

Так продолжалось два месяца, и по окончании своих «задушевных» бесед я благополучно вернулся в Союз.

Ливия, а вернее, Триполи в зимнее время совсем не выглядит райским уголком Земли, хотя и расположен на южном берегу тёплого Средиземного моря. Периодически налетающие песчаные бури из пустыни портят всё впечатление от лазурного моря и сине-голубого неба, с яркой луной в ночное время. А там, за морем, на севере, располагалась весёлая Италия. Когда я, отдыхая, бродил по пустынному берегу вдоль кромки прибоя, мне иногда казалось, что слышу итальянские мелодичные напевы. Хозяева поместили меня в отличный отель, расположенный прямо на берегу моря, хорошо заботились обо мне, а я старательно отрабатывал хлеб насущный.

Аудитория была больше афганской, но весьма невысокой по уровню образования, за исключением нескольких человек, и особым прилежанием не отличалась. Но постепенно я их увлёк своими рассказами, иногда на мои занятия приходил заместитель начальника ливийских спецслужб. Он-то и выразил мне глубокую благодарность за беседы. Я не думаю, что это была чисто восточная любезность, так как этот начальник произвёл на меня благоприятное впечатление. Это был действительно образованный, знающий своё дело специалист и очень энергичный и деловой человек. С ним было приятно общаться и рассуждать о бренности нашей жизни.

Через два месяца я покинул берега Средиземного моря, зная, что уж никогда больше сюда не вернусь.

В январе 1990 года я прибыл на Кубу. Наш искренне любимый остров Свободы и особенно люди, с которыми я общался, произвели на меня неизгладимое впечатление. Умные, интересные и доброжелательные собеседники, прекрасная, вечнозелёная тропическая природа Кубы - всё это завораживает и подтверждает мысль, что жизнь на свете интересна и стоит того, чтобы жить. На Кубе я встретил детей из Чернобыля. Кубинцы за свой счёт пригласили их к себе и лечили, отвлекая от мыслей о болезни прелестями своей природы. Много на Кубе было в то время наших, да и западных, туристов. Пляжи не пустовали.

Но особенно интересными для меня были беседы с коллегами по работе. Во время моего пребывания на Кубе там находился с официальным визитом начальник нашей разведки Леонид Владимирович Шебаршин. Он имел откровенные и прямые беседы с руководством

разведки, встречался с легендарным Фиделем Кастро. Но о содержании этих бесед ещё не знали не только рядовые кубинские разведчики, но даже высокое начальство. И поэтому эти люди охотно общались со мной, ненавязчиво пытались выяснить моё отношение к продолжению сотрудничества между нашими службами, между нашими государствами и народами, моё восприятие всего, что происходит дома, в Советском Союзе, и в мире. Я понимал, что этим людям можно и нужно говорить только правду, и я откровенно отвечал им на все интересующие их вопросы, давая свою личную оценку происходящему процессу у нас дома и в мире. Кубинские друзья были внимательными слушателями, доброжелательными собеседниками и очень гостеприимными хозяевами. Дома дела у них шли не очень хорошо, и они откровенно об этом говорили, при этом не старались скрывать своих ошибок.

Когда было свободное время, обычно по воскресеньям, они возили меня по многим интересным местам, с гордостью показывали свои исторические достопримечательности и прекрасную природу Кубы. И даже в ходе этих поездок наши беседы продолжались.

Шебаршин ярко описал свои кубинские впечатления в книге «Рука Москвы». Я полностью присоединяюсь к ним. Куба готовится к народной войне, к отражению американской агрессии. Куба до предела напрягает свои силы. Кубой руководит железная воля Фиделя Кастро. Ему чужды обычные человеческие слабости. «Социализм или смерть!», - сказал Фидель. «Социализм или смерть!» - откликнулись эхом митинги, собрания, лозунги на стенах гаванских домов. Ситуация вокруг острова накаляется, и кубинцы не исключают, что США могут нанести внезапный удар.

Остров изрыт тоннелями, шахтами, штольнями. В подземных сооружениях могут укрыться целые дивизии с полным штатным вооружением, боевые самолёты, ракеты. Вся Куба поделена на полторы тысячи военных районов, и в каждом из них созданы отряды самообороны, которые постоянно готовы к войне. В тоннели, шахты и другие земельные работы вложен труд постоянно работающих двадцати тысяч человек, деньги, строительные материалы. Всего этого, кажется, хватило бы с лихвой, чтобы дать каждому кубинцу приличное жильё, которого сейчас он лишён, привести в порядок потрёпанную красавицу - Гавану. К сожалению, будущее Кубы закапывается в землю.

Кубинцы сами совершили свою революцию, ни у кого не спрашивая совета и ни на кого не опираясь. Затем они стали учиться у своих союзников. Теперь Фидель и его соратники извлекают горькие уроки из опыта союзников, заключает Леонид Шебаршин.

Кубинские друзья с гордостью показали мне свой музей революции, центральным экспонатом в нём является яхта «Гранма». С этой яхты Кастро со своими сторонниками высадился на Кубе. Они попросили меня расписаться в книге почётных гостей музея. Мои слова о том, что я не являюсь почётным гостем, я простой советский гражданин, на хозяев не произвели впечатления. Чтобы не обижать их, мне пришлось поставить под тёплыми словами о героизме кубинцев свою неразборчивую подпись.

Целый день я провёл с гостеприимными хозяевами в бухте Кочинос, на Плайя-Хирон. Здесь в драматические дни вторжения наёмников на Кубу в апреле 1961 года разворачивались основные события. Здесь американцы потерпели поражение от кубинцев.

На обратном пути от этого исторического места мы остановились в хозяйстве, где разводят крокодилов. Мясо и кожа этих рептилий идёт в дело. Мне предложили пообедать в местном ресторане и отведать мяса того, кто мог бы невзначай съесть меня. Это, конечно, экзотика, деликатес, по местным понятиям. Бывая в Азии и на Востоке, я пробовал в ресторанах лягушек, летучих мышей, морских животных, змей. Крокодилов мне есть не приходилось, и я решился попробовать. Обед прошёл с нашей русской водкой, весело, с шутками. Под водку мы и съели крокодильчика, хотя в вольерах лежали и грелись на солнце огромные особи по нескольку метров в длину. Мясо по вкусу походит на куриное, хотя красного цвета, и очень вкусное и нежное.

Красавица Гавана покоряет приезжего, особенно прекрасна набережная вдоль океана. Я заглянул в кафе, где часто бывал великий американский писатель Э. Хемингуэй. Он долго жил на Кубе и любил эту прекрасную страну.

Как-то меня привезли в «Тропикану» - кабаре на открытом воздухе. Это историческая (с 1939 года) достопримечательность кубинской столицы. На стол ставятся бутылки рома, кока-колы, ведёрко со льдом. В одиннадцатом часу вечера начинается шоу. Представление красочно и потрясает посетителя. Радость молодой жизни, яркость красок и света. Десятки стройных и изящных мулаток в минимальных даже для тропиков костюмах исполняют зажигательные танцы на сцене и в воздухе - на канатах. Затем, в зависимости от возраста и количества выпитого рома, ошеломлённый посетитель начинает думать либо с грустью о том, что жизнь прошла, либо с тихой радостью о том, что всё ещё, возможно, впереди. Продолжается этот праздник танца часа три, затем перерыв и танцы для посетителей, а дальше шоу до четырёх часов утра.

Подобное же шоу мне показали в Варадеро - туристическом раю километрах в двухстах от Гаваны. Эта поездка была в самом конце моей командировки на Кубу. Представление было всё то же, что и в Гаване, но мулаток поменьше, а пляшут ещё ярче.

Варадеро с его многокилометровым чистейшим пляжем из белого мелкого песка, вечнозелёными красивыми пальмами, тёплым океаном - действительно рай на Земле. Власти планируют окончательно превратить его в район для иностранных туристов, закрыв туда доступ местным гражданам. В Варадеро действительно о чём трудно думать, так это о войне. Мои кубинские друзья неоднократно подчёркивали, что была бы мирная жизнь, а остальное наладится. И в это хотелось верить.

Жизнь на острове между тем шла своим чередом. Я видел её глазами иностранного туриста. Магазины в столице практически ликвидированы, товары распределяются по карточкам. Продуктов на базарах почти нет,

даже фрукты, висящие во дворах на деревьях, не продаются.

Два месяца на острове пролетели быстро. Мы тепло расстались, надеясь на то, что дружба продолжится. И через шестнадцать часов я снова оказался в сырой, холодной, взбудораженной своими заботами и проблемами Москве.

Работая в Москве, я поддерживал отношения с представителями разведслужб наших союзников: Болгарии, Венгрии, Чехословакии. Мы щедро делились с ними опытом нашей работы, помогали овладевать разведывательным мастерством. А теперь, когда эти бывшие союзники так дружно смотрят в сторону НАТО, выстроились в очередь на вступление в эту организацию, невольно задумываешься - неужели мы добровольно просвещали своего возможного завтрашнего противника? И становится горько. Но жива память. Она, надеюсь, ещё не всё разрушила в наших прошлых дружеских отношениях.

России блудные сыны и предатели

А в Российском доме опять пахнет воровством. Воруют все, кто у кормушки, особенно крупнейшие правительственные чиновники, присосавшиеся, как пиявки, к власти. Воруют без совести и страха, и даже ежедневное упоминание по телевидению этого порока, а ведь называют и конкретные имена, никого не может остановить, напугать или хотя бы вызвать чувство опасности или осторожности. Нет, никто ничего не боится. Воры ведут себя так, как будто завтра наступит вселенский потоп, и всё полетит в тартарары. Действуют нагло, нахраписто, масштабно и рассчитывают, что в час Х они все скроются за «бугром», в швейцариях, франциях, польшах, америках, и уже ничто не сможет потревожить их «заслуженный» покой на кулях с добром и пачками «зелёненьких» в личных сейфах.

Конечно, есть воровство везде - ив благополучных странах, и в бедных, и в развивающихся. Но российские масштабы воровства поражают, как всегда, весь мир. Мы всегда во всём были, есть и, наверное, будем впереди планеты всей.

Эти люди заказывают музыку, а смысл этой музыки в том, что национальными героями России являются пеньковские, гордиевские, поляковы, беленки, шевченки, резуны и др. Конечно, народ не верит в это, но музыка играет, а заказчики музыки надеются: авось что-то и застрянет в головах наших граждан.

Ни в одной стране мира не любят предателей, их ненавидят, они изгои и отбросы общества. Ненавидят и не любят их и в России. Но только в нынешней России кто-то пытается сделать из этих отбросов героев, поднять их на щит, вытащить их из небытия. А зачем? Понять это трудно, но увидеть и понять действия людей, делающих это, надо.

Сейчас Россия вступила в полосу перманентных выборов, это интересно, демократично, ещё бы, такого ещё не было в нашей истории. Но удивляет другое, с какой наивностью мы верим в обещания, посулы и

обманы наших кандидатов в правителей всех уровней. Видимо, нам нужно набить себе много «демократических» шишек, только после этого будем выбирать и умом и сердцем действительно достойных, а не краснобаев и врунов, рвущихся к личной власти, не думающих и не желающих думать о благе Отечества.

Вот в такие бурные и неспокойные времена в нашем доме на политической сцене появляются интересные для психолога и аналитика личности.

Так появился Бакатин. Он охотно взялся за тяжёлое и незнакомое ему дело - руководить КГБ СССР. И стал бодро «рулить» этим огромным механизмом. Но, как следует из его мемуаров, недавно увидевших свет, оказывается, он пришёл в КГБ, чтобы разрушить этого монстра изнутри. Вот это здорово! У нас на Руси появляются люди - разрушители всего и вся. Они охотно берутся за любое дело, чтобы сломать его. В любом государстве к таким кадрам относятся настороженно, обычно, назначая человека на тот или иной ответственный пост, надеются, что он справится с назначением, сделает его как лучше. Но здесь, видимо, был особый случай, и поэтому нашли человека, который сам или по особому указанию, должен был не улучшать дело, а разрушать сделанное до него.

И Бакатин стал всё ломать, удивляя весь мир своими поступками. Он передаёт американцам всю уникальную, дорогостоящую схему расположения подслушивающих устройств в помещении посольства США в Москве. Будучи здравомыслящим человеком, он не мог не знать, что спецслужбы всех без исключения стран, которые могут себе это позволить по материальным соображениям, - а стоит, повторюсь, всё это ой как дорого, - внедряют спецтехнику в помещения представительств других стран в своих столицах. Делается это на всякий случай, а вдруг узнаёшь что-нибудь этакое новенькое, ну например, что думает княгиня Мария Алексеевна о том же Бакатине.

Нарушаются же этические нормы, скажет кто-то, но есть оправдание: так делают все, а мы «рыжие, что ли».

Конечно, Бакатин мог пойти на такой «смелый» шаг лишь по велению свыше. Уверен, будь он человеком расчётливым, государственным, прикидывая цену выбрасываемых миллионов долларов псу под хвост, он мог и должен был бы настоять при решении этого сложнейшего вопроса, заранее договориться с американской стороной о взаимности. Ну, как у нас было и есть сейчас - «ты мне, я тебе». Тогда бы было хоть не так обидно за державу и её государственных «мудрых» мужей.

Но нет и ещё раз нет. Наши горе-руководители в тот момент хотели удивлять весь мир и своих будущих потомков своей же глупостью.

Бакатин делает царский подарок - «от Бакатина-демократа - демократам США», не приподнимая при этом даже своего котелка, ну шляпы, на худой конец. А у американцев отпадают челюсти. Они просто не верят, что такое может быть. Ну ладно, села бы летающая тарелка на Красную площадь, ведь садился же немец Руст здесь. Это может при

хорошей натяжке быть, а чтобы они, русские, сотворили такое, да ещё за так. Нет, что-то здесь не то, опять эти русские готовят какой-то подвох, так и норовят обмануть. Не могут же они быть настолько глупыми. И будучи по характеру нахрапистыми ребятами, американцы тут же не моргнув глазом просят у Бакатина ещё чего-нибудь подкинуть от царских щедрот.

Анатолий Добрынин, бывший посол СССР в США, в беседе с Артёмом Боровиком в программе «Совершенно секретно» в январе 1997 года справедливо назвал действия Бакатина величайшей глупостью.

Подробно о роли Бакатина в развале органов безопасности Советского Союза пишет бывший сотрудник КГБ Вячеслав Широнин в своей книге «Под колпаком контрразведки». О Бакатине информация была скудной, - подчёркивает Широнин. По образованию инженер-строитель, был вторым, а затем первым секретарём обкома КПСС. В годы перестройки Горбачёв назначил его министром внутренних дел СССР. И вдруг он - член президентского совета, член Совета безопасности СССР.

Тревожило то, что приход Бакатина в КГБ сопровождался неумолкающим «демократическим» рёвом: «Ату их, ату! К публичной стенке!» Именно так охарактеризовал тогдашнюю общественную атмосферу один из самых осведомлённых в органах безопасности сотрудников, руководитель Центра общественных связей Алексей Кондауров.

Естественно, на Лубянке нашлись сотрудники, которые позвонили своим коллегам из МВД и поинтересовались профессиональными качествами их бывшего министра. Отзывы оказались крайне удручающими. За короткий период пребывания на этом посту Бакатин, по мнению профессионалов правоохранительной системы, не только ослабил, но и в определённой мере разрушил её. Об этом, в частности, несколько позже публично заявил генерал-майор Алексей Бугаев. До 1983 года Бугаев служил в КГБ, а при министре МВД Бакатине был заместителем начальника ГУВД Москвы. На всех участках работы, какие ему поручались как в КГБ, так и МВД, проявил себя как хороший организатор и грамотный управленец.

Склонный к анализу, Бугаев особо выделил два распоряжения министра Бакатина, которые оказали разрушительное воздействие на систему МВД. По его мнению, видимо наслушавшись и начитавшись историй об «агентах КГБ», Бакатин принялся разрушать сложившийся за десятилетия агентурный милицейский аппарат. Делалось это без оглядки на то, что иной системы в мире не существует. Полиция западных, да и других, стран считает работу с агентурой одним из основных направлений, о чём, между прочим, свидетельствуют десятки детективных киносериалов, заполнивших ныне российский телеэкран. Но Бакатин одним росчерком пера этот институт осведомителей разрушил и предал анафеме. В итоге только в ГУВД число агентов сократилось в сотни раз, а их личные дела по приказу тогдашнего министра пришлось уничтожить.

До тех пор, пока в мире будет существовать разведка, контрразведка и уголовный розыск, основным средством работы спецслужб останется негласная агентура. Об этом не знают только дилетанты, или те, кто намеренно не хочет этого знать, либо те, кто хочет сделать эту работу неэффективной. Ни в одном государстве работники правопорядка не обходятся без информации агентов. Их вербовка всегда регламентируется секретными правительственными актами.

В России также есть закон об оперативно-розыскной деятельности, основное положение которого состоит в том, что он основывается на добровольной, открытой и тайной помощи физических лиц. При этом активная, эффективная помощь оплачивается. Однако министр МВД Бакатин преступно пренебрёг этим законом. В результате был в значительной мере утерян важнейший агентурный инструмент, и борьба с преступностью усложнилась. Таким образом, за нынешний криминальный разгул Россия в немалой степени обязана безответственности Бакатина.

Вторая «заслуга» Бакатина, по мнению многих специалистов, заключалась в развале правоохранительной системы как таковой. Министр издал приказ, согласно которому сотрудники милиции получили право работать по совместительству в других организациях. Многие «совместители» предпочли работу в коммерческих структурах.

Председателем КГБ Бакатин был назначен по инициативе Горбачёва. Горбачёв и его ближайшее окружение никак не реагировали на многократные предупреждения со стороны КГБ об угрозах для безопасности страны, возникших во второй половине 80-х годов. Видимо, считали некоторые сотрудники нашей системы, Горбачёв решил поставить во главе этой службы своего человека, чтобы «охладить пыл» чекистов, которые, мол, по старинке всё ещё видят в лице Запада врага СССР. И поскольку отношения с Западом внешне изменились, а сам Горби превратился в кумира Европы и Америки, то органы госбезопасности должны стать «мягче» по отношению к деятельности зарубежных спецслужб на территории Союза. Этот более «широкий» подход, отвечающий новой международной обстановке, и должен был обеспечить Бакатин. Да, так думали на Лубянке некоторые кадровые сотрудники. Однако они жестоко ошиблись: произошло нечто непредвиденное и невероятное - Бакатина, оказывается, прислали для того, чтобы учинить настоящий разгром органов госбезопасности, по сути, ликвидировать стройную систему КГБ, тем самым ослабив защитную, «иммунную» систему государства в целом.

В этой связи совершенно непонятной была позиция Ельцина. Ведь в тот момент фактическая власть находилась в его руках, и совершенно очевидно, что назначение Бакатина не могло состояться без его согласия. Ельцин прямо на глазах вырывал власть из рук Горбачёва, но разведку и контрразведку - эти важнейшие источники информации - почему-то отдал своему главному сопернику.

Истинные намерения Бакатина обнаружились очень скоро. Он в полной мере проявил свои разрушительные способности и даже не

скрывал поставленной перед ним задачи - разгромить органы госбезопасности.

Разрушительная деятельность Бакатина на посту председателя КГБ вызывала широкое недовольство в коллективе Комитета государственной безопасности. Дело дошло до образования организации, которая, объединив несогласных, выступила с решительным требованием отстранить новоявленного руководителя от занимаемой должности. Такого ещё в истории спецслужб страны не бывало. Несмотря на сложную обстановку в стране в целом, и на Лубянке в частности, антибакатинские настроения носили открытый характер. Но в той политической ситуации Бакатин и Горбачёву, и кое-кому ещё был явно по душе. Он беспрекословно делал то, что способствовало разрушению одного из главных механизмов управления огромной страной, каковым оставался пока СССР.

Став председателем КГБ, Бакатин немедленно предложил небезызвестному генералу Калугину самому подобрать себе должность в этой организации или создать для него персональную. Однако тот согласился лишь принять участие в расстановке кадров, а заодно и поработать в архивах, где явно надеялся найти и уничтожить материалы о своей персоне. Летом 1992 года, уже будучи на пенсии, Бакатин сопровождал Калугина в частной поездке по США. В США они были хорошо приняты, имели многочисленные встречи с представителями американских спецслужб. Встречались эти два «крупных специалиста» по вопросам государственной безопасности там и с бывшим сотрудником советской разведки Левченко. Он в 1979 году, работая в нашей японской резидентуре, бежал в США.

Большинство предателей из бывших сотрудников нашей внешней и военной разведок пыталось представить себя перед лицом мировой общественности в роли политических борцов с социалистической системой, как противников тоталитаризма, как «узников совести». Эти предатели, другого им имени нет, живущие ныне на Западе, естественно не хотят, чтобы их называли предателями. Они даже самих себя пытаются убедить в том, что они не предатели, а идейные борцы-правдоискатели. В целях самооправдания некоторые из них сделали попытку стать писателями. С помощью своих заокеанских друзей они разливают яд по страницам своих писаний. У них виноваты все, кроме них самих. Да и как им в это не верить, ведь им стараются создать подходящий, как ныне говорят, имидж. Ведь западные налогоплательщики, на чей счёт они безбедно живут, должны верить в то, что они на самом деле «герои».

Американец Джон Баррон, написавший книгу «КГБ сегодня», увидел, к примеру, в перебежчике и предателе Левченко «офицера и джентльмена, патриота своей страны, с благоговением относящегося к своей Родине и народу». Видимо, господин Баррон по-своему понимает определение «патриот» и «офицер». Долг и присяга - эти понятия ему уж точно незнакомы. Я же убеждён, что истинные патриоты не могут предавать свою Родину, даже если они не согласны с существующей в

стране системой.

Баррон в своей книге изображает Левченко, с подачи его же «героя», удачливым разведчиком, завербовавшим многих японцев. Получается так, что вся токийская резидентура КГБ только и делала, что вовсю старалась на Левченко, а какой-то чиновник от разведки «третировал и нервировал» его, создавая ему невыносимые условия. Зачем же этот советский Джеймс Бонд вербовал так много японцев, собираясь уйти на Запад, и так боялся этого чиновника? Всё гораздо прозаичнее - Левченко посчитал, что его недооценивают в Москве, испугался проблем взаимоотношений с начальником-чиновником из-за своей пассивной работы в Токио и решил искать счастья у американцев, став предателем Родины.

У меня о Левченко сложилось впечатление как о слабохарактерном человеке, не уверенном в себе, ищущем защиты и покровительства у лиц, старших его по положению. Он был неряшлив в одежде, ни с кем в резидентуре и в колонии не поддерживал близких, товарищеских отношений, - в общем, это был человек, не нашедший своего места в жизни, и, уж конечно, случайный человек в советской разведке. О чём можно только горько сожалеть.

Вот мнение о таких, как Левченко, крупного специалиста, которого никак нельзя заподозрить в симпатиях к Советскому Союзу или России. Итак, слово бывшему директору ЦРУ США (1966-1973) Ричарду Хеллису: «Я не думаю, чтобы хоть один русский перешёл на сторону противника по идеологическим соображениям… У них у всех были проблемы психологического порядка. Именно поэтому Джим Эглтон отказывался от их услуг».

Эглтон, смею заметить читателю, был в своё время начальником внешней контрразведки ЦРУ, отвечал за безопасность. Он отличался крайней подозрительностью и категорически не верил перебежчикам из СССР. Видимо, он исповедовал формулу - предавший раз предаст и ещё, и ещё. Что касается лично каждого известного нам перебежчика, то он видел, что все они были людьми, не имевшими высоких моральных принципов, да и вообще каких-либо принципов. Они, считал он, перебежали или из-за проблем со своей любимой женщиной, или из-за пьянства, или из-за боязни расплаты за совершённое преступление.

Но вернёмся к нашим «корифеям» разведки с предателем Левченко.

В ноябре 1995 года Левченко дал интервью корреспонденту газеты «Вечерняя Москва» в США Давиду Гаю, в котором высказал своё отношение к Бакатину и Калугину. Вот выдержки из его высказываний.

«Вопрос: Доводилось ли вам в Америке встречаться со своими бывшими коллегами?

Ответ: Несколько лет назад я был приглашён Международным фондом свободы на приём, устроенный в одном из фешенебельных вашингтонских особняков. Меня предупредили, что там меня ожидает сюрприз. Главными гостями на приёме были бывший руководитель КГБ Вадим Бакатин и бывший самый молодой генерал разведки Олег Калугин.

Знаю, моим американским друзьям было любопытно, как гости отреагируют на моё появление. Мне и самому было интересно. Меня представили Бакатину. Он крепко пожал мне руку. Мы говорили о разных вещах, тон разговора был дружеским. Каким-то внутренним чутьём я осознавал: он - порядочный человек. Такие же лестные отзывы о нём я слышал от некоторых американцев, встречавшихся с ним... Думаю, он очень хотел переделать КГБ в духе демократических преобразований, но ему не позволили это сделать. Представили меня и генералу Калугину. Эта наша встреча не была первой. В своё время мы три часа просидели с ним в помещении резидентуры разведки КГБ в Токио и обсуждали сложное дело... Теперь в Вашингтоне мы встретились как старые знакомые. Калугин говорил со мной вполне откровенно и даже поделился своими политическими планами. Я не мог удержать журналистского порыва взять интервью у этого весьма незаурядного человека. Калугин, на удивление, легко согласился. Это интервью потом было опубликовано в американской прессе».

Думаю, комментировать эту «приятную беседу» старых знакомых нет нужды. Читатель во всём этом без труда разберётся сам.

Ну, а итог своей деятельности в КГБ Бакатин подвёл сам: «Все эти 107 напряжённых дней прошли, как теперь оказалось, во многом зря».

Не оправдались и ожидания Бакатина по обстановке в стране. Подъём в её настроении в августе-сентябре 1991 года сменился совсем другими чувствами. Вот цитата из его книги «Избавление от КГБ»: «Бюрократизма, неразберихи и привилегий стало больше. Суета. Коррупция. Никто ничего не решает, ни до кого не дозвониться, но каждый требует телефон и автомобиль».

Что же, логичный итог абсурдной, целенаправленной деятельности по разрушению государственности, в том числе в области безопасности. Своим вкладом в это Бакатин может «гордиться» с полным основанием.

Но, думаю, хватит мне распространяться о Бакатине. Для КГБ он был совершенно чужой человек, по-настоящему в этой системе никогда не работал. Ему, естественно, ничего было не жаль, даже кровных русских денег, вложенных с огромным трудом в различные технические проекты, разрабатываемые для пользы Отечества.

Но а как понять Калугина, этого самого молодого в прошлом генерала, преуспевающего в чинах во внешней разведке и контрразведке человека? Ведь именно он сегодня всех больше громит КГБ, чернит своих бывших сослуживцев и помощников по разведывательной деятельности, как будто никогда и не работал среди них, а всегда был там, где он есть сейчас, то есть за «бугром», в США. Умеют же люди устраиваться!.. Правда, его бывшие сослуживцы не завидуют ему, полагая, что он устроился совсем не на тот шесток, уж больно скользкий его путь наверх по лестнице, ведущей вниз.

И никто уже не стремится понять логику его рассуждений и действий. Да, Крючков в своё время возвысил его над другими, приметил

его особые способности, дал генеральское звание, наградил орденами. Он же, Крючков, и развенчал его за определённые «особые заслуги» и личные качества, проявившиеся после внезапного взлёта.

Мне довелось работать под руководством Калугина в 1975-1977 годах, когда я находился в командировке в Японии. Одновременно я подчинялся заместителю начальника разведки Ю.И. Попову. Ясно, что я знаю генерала Калугина не с чужих слов. Однако бывший в течение многих лет руководитель разведки Владимир Александрович Крючков знает его гораздо лучше. Поэтому я хочу сослаться на его мнение о Калугине. Вот его рассказ в моём изложении.

В 1952 году Олег Калугин по просьбе своего отца попадает в одно из учебных заведений органов госбезопасности в Ленинграде. В этом институте в звании капитана госбезопасности и работал его отец.

В конце 50-х годов Олег Калугин направляется под прикрытием стажёра в Колумбийский университет. После окончания стажировки он был направлен в США в длительную командировку под прикрытием журналиста. Вскоре американские спецслужбы подставили Калугину своего «агента». Поначалу поступившая от него информация показалась ценной. Калугин получил за это «приобретение» орден. Но впоследствии данная «научная» разработка оказалась тупиковой, и в результате попытка использовать её нанесла нашему государству ущерб порядка 80 миллионов рублей.

По службе Калугин продвигался стремительно: в 1974 году он возглавил управление внешней контрразведки ГПУ КГБ, а в 40 лет стал генералом.

Но время шло, мнения о его служебной деятельности становились всё более отрицательными. Успехов в работе по разоблачению иностранной агентуры под его руководством не было, а предательства с нашей стороны имели место. Давали о себе знать такие его отрицательные качества, как большое самомнение, интриганство, протекционизм, выдвижение «своих».

Появились сигналы о настораживающем интересе к нему со стороны американских спецслужб. В 1979 году руководство КГБ СССР приняло решение перевести Калугина из разведки в Ленинградское управление КГБ. Эта инициатива перевода Калугина исходила от Андропова.

За время работы Калугина в Ленинграде органы контрразведки неоднократно фиксировали интерес к нему со стороны американцев. Отмечались случаи, когда и Калугин, и американские разведчики «попадались» на одном маршруте.

Оказавшись в Ленинграде, Калугин вскоре стал писать жалобы в ЦК КПСС на сослуживцев, на некоторых работников партийных и советских организаций. Из Москвы одна за другой приезжали комиссии. Проверки показывали несостоятельность утверждений Калугина, о чём ему сообщалось и устно, и письменно.

Калугин, кстати, был ретивым партийцем. Он постоянно требовал усиления партийного руководства, особенно по линии Отдела административных органов ЦК КПСС, видел в этом главное средство решения органами госбезопасности стоящих перед ними задач. Клеймил позором тех, кто отступал от принципов партийного руководства.

Все эти заявления и результаты проверок имеются в соответствующих делах и в свете нынешних нападок Калугина на КПСС выглядят, по меньшей мере, любопытно.

Народным депутатом СССР Калугин был избран в 1989 году, на волне разгула «демократии» активно выступал в печати с критикой органов госбезопасности, выдал немало секретов. В связи с этим против него было возбуждено уголовное дело, но после событий 19-21 августа 1991 года дело прекратили. Указом Президента СССР Горбачёва Калугин ещё до августовских событий был лишён генеральского звания. Но вскоре после августа, как мы уже знаем, по представлению Бакатина он получил это звание из рук того же Горбачёва обратно.

Для полноты характеристики личности Калугина стоит поведать и о таком факте. В 1989 году Калугину было объявлено об увольнении из органов госбезопасности. В его личные планы это не входило, и он принял шаги по предупреждению подобного развития событий.

Попросившись на приём к Крючкову, Калугин прямо заявил, что хотел бы и далее работать в органах госбезопасности, причём в Москве, и что если будет принято такое решение, то он обещает ничего отрицательно о чекистской организации не писать, а жить с КГБ мирно. Но если, грозил он, его всё-таки уволят из органов, то он начнёт публично выступать против Комитета госбезопасности, и никакого мира не будет.

В личности Калугина люди всё-таки разобрались, и когда в 1993 году он попытался вновь пролезть в народные депутаты России, то с треском его провалили. Он получил всего два процента голосов, в то время как в 1989 году за него проголосовало около 60% избирателей.

Предатели были, есть и будут, к великому сожалению, на всей нашей грешной круглой Земле во все времена. Такова уж природа человека - кто-то созидает, кто-то разрушает, а кто-то предаёт. И зря наши «шибко умные» предатели, не все, конечно, рядятся в тогу идейных борцов с режимом. Конечно, стыдно признать, что по натуре своей оказался предателем, иудой, вот и выдумывают они сами или их радетели всякие небылицы о борьбе со злом в лице своего Отечества.

За долгие годы работы в разведке мне довелось видеть падение человека в эту пропасть. Я видел Пеньковского, знал Полякова, был свидетелем падения Левченко. Гнетущее это зрелище.

Учась в Военно-дипломатической академии, я встретил ещё никому не известного полковника Пеньковского. Он очень короткое время, месяца четыре, был начальником следующего за нами курса и, к нашему счастью, не знал нас и не имел никакого отношения к нам. Слава богу, в разведке была и, надеюсь, всегда будет конспирация. В 1959 году он набирал из

армии молодых офицеров для учёбы в академии. Они ещё - не были разведчиками и по злой воле предателя ими так и не стали. А ЦРУ США и МИ-6 Англии позднее трубили, что Пеньковский выдал им более 60 советских опытных военных разведчиков.

Американцы и англичане сейчас лезут вон из собственной кожи, пытаясь показать тот «огромный ущерб», который нанёс Пеньковский Советскому Союзу, изображают его вселенским героем - «шпионом, который спас мир». Ещё бы не стараться, им очень хочется хотя бы приблизить Пеньковского по масштабности к англичанину, советскому разведчику Киму Филби, который действительно спас мир от многих несчастий и потрясений. Но разве можно сравнивать Филби с Пеньковским? Это кощунство, господа хорошие! Правда, они открыто не сравнивают этих людей, но смысл таков. Кстати, одним из авторов публикаций о Пеньковском как «герое века» является другой бывший советский гражданин, и тоже предатель. Вот они-то, как говорится, два сапога пара.

Один американский автор пишет, что самые захватывающие истории о шпионах - это те, которые происходят на самом деле. Факт предательства Пеньковского, продолжает он, не является выдумкой нашей или иностранной разведки, но многие стороны этого случая долгое время были скрыты в документах ЦРУ с грифом «Совершенно секретно». Сейчас их предают гласности.

А зачем сейчас, уважаемый читатель, американцы отряхивают пыль с бумаг «Дела Пеньковского»? А как же, в России настали смутные времена, она сама себя ломает и крушит, им-то этого со всей их военной и экономической мощью не сделать никогда. Вот и надо воспеть предателей, чтобы российский народ дрогнул и послушно пошёл в уготованное для него «демократическое» стойло. А уж хозяин потом разберётся, как кормить и обхаживать новое приобретение. Вот почему так сладко поют наши доморощенные «соловьи», воспевая наших подонков, а другие не менее рьяно всё ломают и ломают Россию, не ведая, что творят и кому это выгодно прежде всего.

Конечно, Пеньковский нанёс нам огромный ущерб, и прежде всего моральный. Он показал всему миру и нам, что в Союзе есть выродки, готовые из-за мелочной обиды, ущемления своего эго, предать Отечество.

Американец информирует нас, что Пеньковский за два года передал ЦРУ и МИ-6 строго засекреченные советские военные планы, схемы ядерных ракет, в общей сложности более 10 000 страниц военных материалов. Я не военный специалист-аналитик и не ставлю себе цель оценить этот ущерб, просто хочу поделиться с читателем мнением: а мог ли знать Пеньковский все эти большие тайны, и был ли предатель настоящим классным военным разведчиком, каким его преподносит нам американец?..

Да, Пеньковский втёрся в доверие к маршалу Варенцову, будучи хитрым льстецом и подхалимом, он поддерживал нужные ему личные

«деловые» связи с Иваном Серовым, начальником ГРУ Генштаба, главным кадровиком ГРУ Смоликовым. Имея таких покровителей, он, естественно, рассчитывал стать генералом, свободно «кататься» в загранкомандировки, походя занимаясь разведкой. Но что-то не получилось у него, а этим что-то, видимо, и было отсутствие у него нужных для любого разведчика качеств. Даже его высокие покровители не могли заменить ему эти качества. Тогда он выдумывает историю про своего отца - бывшего офицера, подпоручика Белой армии, про дворянское происхождение. И всей этой чепухой он объясняет, прежде всего самому себе, а позже и своим заморским покровителям, свои неудачи с продвижением по службе, так как КГБ, а кто же ещё, творит козни против такой светлой личности, какой он является.

Несколько слов о разведывательных и информационных возможностях «шпиона XX века, спасителя мира», а просто предателя. Да, полковник Пеньковский, будучи старшим офицером и сотрудником военной разведки, несомненно, представлял интерес для спецслужб США и Англии. Но весь фокус заключался в том, что не они его нашли, а он сам к ним пришёл и настойчиво, долго добивался их любви и внимания. Он имел доступ к каким-то военным тайнам, а когда был на курсах ракетных войск, то мог фотографировать учебные материалы, по которым учился. Но доступа к «строго засекреченным советским военным планам» этот полковник, конечно, не имел и не мог иметь в силу занимаемого им служебного положения. Учась на курсах, Пеньковский сфотографировал «схемы ядерных ракет», сделал более десяти тысяч снимков страниц военных материалов. О его разведывательной подготовке можно судить по тому факту, что он снимал всё подряд, всё, что попадало под руку и где стоял какой-нибудь гриф секретности. Ведь ему важно было не качеством, а количеством произвести впечатление на своих новых хозяев. И американцам сейчас не остаётся ничего другого, кроме как, потрясая этими страницами материалов, утверждать, что всё это были очень ценные документы.

Действительно, ценную для противника информацию предатель собирал иначе. Используя близость к Варенцову, бывая у него дома на званых обедах и вечерах, где собирались крупные военные и политические деятели того времени, он подслушивал их разговоры, собирал слухи, что-то домысливал сам и писал, строчил информационные сообщения в ЦРУ и СИС.

Об оперативной и разведывательной деятельности Пеньковского за границей есть информация в книге ЦРУ о предателе. Из книги видно, что в 1955-1956 годах Пеньковский был помощником военного атташе в Турции, он дружил с военным атташе США полковником Пиком. Он помог Пику и его жене устроить визы для поездки в Советский Союз. Пеньковский навещал американца у него дома в Анкаре, и Пик шутил, что они с Пеньковским занимались одним делом - вербовкой друг друга.

Пик сообщил ЦРУ имя Пеньковского в качестве возможного агента, но никакого дальнейшего развития это дело не получило.

В архиве ЦРУ находилось донесение, что из-за ограничения в средствах Пеньковский продал какие-то ювелирные украшения и пытался на местном турецком рынке сбыть и фотокамеру, что у него не вышло. Никакими сведениями, что он собирался перебегать или что Пик пытался его завербовать, центр ЦРУ в Анкаре не располагал.

Позже Пик в беседе с сотрудниками ЦРУ вспоминал, что испытывал к Пеньковскому симпатию. Он считал его умным, живым человеком, на порядок выше толстого, запойного, неряшливого генерала Рубенко, который был главным военным атташе. Эта оценка Рубенко, несомненно, была навязана американцу самим предателем, который спал и видел, чтобы занять место резидента в Турции.

Пеньковский затеял скандал с Рубенко, он пошёл на подлость: позвонил в местную полицию и под видом анонимного доброжелателя сообщил место и время встречи сотрудника советского атташата подполковника Ионченко с местным гражданином. Он сделал это, чтобы провал в работе военных помог ему занять место генерала Рубенко. На разведку времени, конечно, не хватало. Всё это описано в книге американцев о своём идоле.

Генерал Рубенко, в свою очередь, в характеристике на Пеньковского, отправленной в Центр, указал, что не исключает измены Родине с его стороны. Оба были отозваны в Центр.

Пеньковский не стеснялся в выборе средств для достижения своей цели - стать генералом Советской Армии. Но ничего не получилось, и он пошёл к противнику предлагать самого себя. Тогда он и надел на себя чужую военную форму, но не генерала, а снова полковника. Однако и новые хозяева генерала ему не дали.

Вот так действовал «разведчик» Пеньковский за рубежом.

А как действовал этот предатель в Москве? Не имея навыков оперативной работы, он подобрал один тайник и одно место встречи. Эти места он использовал для поддержания связи с английской резидентурой, встречался с англичанкой в одном и том же месте, меняя только коробки из-под конфет для детей и самой миссис Чисхолм. В этих коробках он передавал отснятые плёнки и донесения.

А обычно его встречи с англичанами, которые поддерживали с ним связь в Москве, проходили на официальных и неофициальных приёмах, деловых контактах. Здесь и происходили передачи шпионских материалов. Широко использовался английский бизнесмен Винн. Американцы так и не смогли установить с предателем рабочий контакт на нашей территории. Их человек, прибывший специально в Москву для этой цели, профессионально был мало пригоден для дела. Это видно из книги ЦРУ о «герое-спасителе» мира.

Хотел бы отметить, что переаттестация полковника Пеньковского, которая могла бы открыть ему путь возвращения в действующую разведку, так и не была подписана до его ареста. Ни у кого из руководителей ГРУ не поднялась рука протолкнуть это дело вперёд. И он

протирал стулья одним местом в ведомстве гражданском - Государственном комитете по науке и технике. А там особых секретов не наворуешь.

Так что ваш «великий шпион XX века», господа из ЦРУ и СИС, оказался, извините, дутым и голым.

После ареста Пеньковского мудрые разведки США и Англии ломали свои умные головы, пытаясь определить причину провала их источника. А она оказалась проста как пареная репа. В 1987 году Следственный отдел КГБ расследовал уголовное дело по обвинению в измене Родине бывшего ответственного работника ГРУ Полякова. Предатель получил по заслугам. Я вспомнил этого Полякова, так как работал с ним за границей.

Полковник был военным атташе. Среднего роста, с негустыми тёмными волосами, зализанными назад, и острым, настороженным взглядом, внешне он был даже похож на Пеньковского и положительных эмоций у меня не вызывал. Но не внешний вид определяет человека, о нём судят по делам. Поляков ничем особым не выделялся. Правда, самомнение у него о себе было высоким.

Однажды после одного из приёмов в посольстве мой сокурсник по академии пригласил к себе на чашку чая.

Был он помощником военного атташе и жил в одном доме с Поляковым. Наши жёны были ещё в Союзе, ожидали, когда спадёт жара в тропиках. Поляков, увидев нас, напросился в компанию. Был он весел, оживлён, много шутил, рассказывал анекдоты. Мы хорошо выпили, полковник под конец нашей импровизированной вечеринки принёс из своей половины дома какой-то особый, по его словам, дорогой заморский напиток. Выпили и его, не заметив ничего особенного. Полковник явно поплыл, и Василий, его зам, попробовал отправить его спать. Но тот отказался и даже обиделся на него. Я, поняв, что уже пора и честь знать, стал собираться домой. Тогда Поляков предложил последний бокал на дорожку. Мы встали, а полковник начал говорить тост. Он говорил долго, путано, я уловил только то, что он желает нам всем, и себе, конечно, долго и счастливо жить. Внезапно он остановился, повернул лицо ко мне, его глаза были навыкате и излучали дикую злобу. Он выплеснул содержимое своего стакана мне в лицо. Я остолбенел и моментально протрезвел. В голове проскочила мысль дать ему в челюсть, но рассудок не позволил этого сделать. Я с ненавистью, но и с любопытством смотрел в его глаза. И здесь произошло неожиданное: полковник обмяк, в глазах злоба и ненависть уступили место животному страху, он опустился на колени и стал умолять о прощении. Я, буркнув, что на пьяных не обижаются, уехал домой.

На следующий день я зашёл к Василию и спросил его, что он думает о поступке своего шефа. Василий был в недоумении и растерянности, совершенно не понимал этого поступка. После моего отъезда Поляков, по его словам, сразу же ушёл к себе и на работу до сих пор не приехал. Я же рассудил так, что полковник дико боится и ненавидит КГБ, зная, что я из

КГБ, он решил отыграться на мне, выплеснув эту злобу на меня.

Зайдя к офицеру контрразведки, я поинтересовался его мнением о Полякове. Тот ответил, что это очень осторожный человек, к нам относится резко отрицательно, но подозрительных моментов в его поведении не отмечалось.

Через несколько дней я встретил Полякова в посольстве. Он был любезен, о случившемся не напоминал. И я сделал вид, что простил его и ничего не помню, но в душе где-то глубоко копошился червь сомнения: что-то здесь не так, уж слишком он боится КГБ и, видимо, считает, что я приглядываюсь к нему, слежу за ним.

Позднее эпизод этот забылся, полковник уехал в Союз, и я потерял его из виду. И вот только в 1987 году он всплыл вновь. Видимо, ещё в те времена Поляков сотрудничал с противником и поэтому так ненавидел КГБ. Ему казалось, что все сотрудники этой организации только и заняты слежкой за ним. Ну, такова уж жизнь скрытого врага, он всё время ждёт разоблачения.

Поляков работал в США, где, видимо, и был завербован ЦРУ. Затем он был военным атташе в Бирме, Индии, долго работал в центральном аппарате Министерства обороны. Это был хитрый, коварный и опытный враг, гораздо умнее и изощрённее любимца американцев и англичан Пеньковского. Но есть на Руси пословица - как верёвочка ни вьётся, а конец приходит. Пришёл конец и Полякову. В отношении этого человека в КГБ были определённые подозрения, но потребовались годы, чтобы они подтвердились. Суд поставил точку в этом деле.

Работая в Японии, я, помимо решения различных проблем, как должен помнить читатель, отвечал за безопасность деятельности всей резидентуры и каждого её работника.

К нам в Токио прибыл молодой, начинающий разведчик Левченко. Прикрыт он был должностью журналиста. Левченко активно включился в работу коллектива, изучал обстановку в стране и в столице, знакомился с городом, заводил связи. Он часто заходил ко мне в кабинет, советовался, как действовать в том или ином случае для обеспечения своей безопасности, как изучать своих новых знакомых. У нас сложились нормальные рабочие отношения. Видно было, что человек стремится выполнить поставленные перед ним задачи.

Однако я чувствовал, что у него не складываются отношения со своим непосредственным руководителем. Тот, по сути дела, третировал его, допекал мелкими придирками, не оказывая практической помощи в работе. И это в конечном итоге сказалось на морально-психическом состоянии Левченко, хотя последний и скрывал это.

Как-то однажды, когда Левченко зашёл в очередной раз ко мне посоветоваться по работе, я обратил внимание на его трясущиеся руки. Я прямо спросил его, не злоупотребляет ли он спиртным. Будущий перебежчик смущённо стал отрицать наличие такого греха за собой, хотя и неубедительно.

Вскоре я уехал из Японии, закончив свою командировку, а через несколько месяцев появилось сообщение, что Левченко сбежал из Японии, перешёл на сторону противника. Среди разведчиков-японистов ходили слухи, что руководитель Левченко, также выехавший из Японии до этого позорного случая, написал ему в Токио разгромное письмо, обвиняя в бездеятельности и угрожая тем, что не возьмёт его на работу в отдел. Видимо, тот, будучи слабым по характеру человеком, совсем сломался и не нашёл ничего лучшего, кроме как изменить Родине. Это яркий пример того, что человек взялся не за своё дело, переоценил свои силы и характер и, не справившись с проблемами, попытался искать лучшей доли у врагов своего Отечества, пошёл на личный позор и нанёс ущерб своей стране.

В Токио, ещё до моего выезда из Японии, произошёл такой случай. Один наш разведчик, немолодой человек, участник Великой Отечественной войны, работавший в торгпредстве, запутался в своих делах и в разведывательных проблемах. Японцы, присмотревшись к нему внимательно, нагло подошли к нему во время одной его операции и предложили сотрудничать с местной контрразведкой. И этот человек был настолько поражён внезапностью и тем, что японцам, видимо, многое известно о его деятельности в стране, что не нашёл в себе сил дать резкий отпор противнику и согласился. Но через несколько дней, осознав всю глубину своего падения, он пришёл в резидентуру и обо всём откровенно рассказал. Нам пришлось срочно, но так, чтобы об этом не знали японцы, вывезти его домой. Местные контрразведчики ещё несколько дней ждали его появления у себя, но затем поняли, что дело их лопнуло.

Я не хочу называть имени этого человека, так как он до конца испил чашу позора, всё осознал и попытался исправить нанесённый своими действиями вред своей стране.

Хотел бы привести ещё один свежий пример навязывания нам сомнительных героев Отечества. 19 марта 1997 года на телевидении по программе РТР «Россияне» в 19.40 был показан фильм о работе советского разведчика, журналиста и писателя Константина Преображенского в Японии. Автор и режиссёр фильма - С. Пинигин. Казалось бы, главная российская программа телевидения должна показывать нам что-нибудь достойное, с учётом нашего сложного времени. А россиянам навязчиво демонстрировали пародию на работу разведки.

На экране появился герой фильма, он целится из пистолета в зрителя и хитро улыбается. Затем «герой» открыл рот, и мы услышали какое-то спешное бормотание. Преображенский поведал нам, что он разведчик, был послан в Японию работать против китайцев. Он познакомился с китайцем, стал его изучать, но японская контрразведка обнаружила эти его устремления. Китаец и Преображенский были высланы из страны. Затем наш «герой» пустился в откровения. Оказывается, он не любит разведку и не хочет заниматься этой грязной работой. Он, видите ли, журналист. А вывод из всего наговорённого с экрана Преображенским

один: России сейчас не нужна разведка.

Мне трудно не согласиться с этим разведчиком - России действительно не нужна такая разведка, как её понимал и действовал Преображенский. И не нужны ей такие разведчики, как герой фильма. Руководство разведки потому своевременно и уволило его из службы.

С Преображенским, пожалуй, всё ясно. А вот что хотел сказать своим фильмом автор и режиссёр Пинигин? Вывод напрашивается сам собой: автор занялся непорядочным делом - дискредитацией разведки. А зачем это российскому телевидению, для меня не понятно. Видимо, был такой «заказ». Кому-то очень надо, чтобы российская разведка выглядела убогой, никому не нужной. История показывает нам, что ни один предатель, когда бы это ни произошло - в древние времена или сейчас, не был счастлив в своей жизни на чужбине после совершения этого отвратительного поступка.

Наши мудрые предки об этом пороке человека писали так:

«Предателей презирают даже те, кому они сослужили службу» - Тацит (римский историк, писатель).

«Есть преступление, которое не искупается, - это измена родине» - П. Буаст (французский философ. 1765-1824).

«Тот, кто не любит свою страну, ничего любить не может» - Д. Байрон (английский поэт. 1788-1824).

«Предатели предают прежде всего себя самих» - Плутарх (древнегреческий писатель, историк).

«Для измены родине нужна чрезвычайная низость души» - Н. Чернышевский (русский мыслитель, писатель, учёный. 1828-1889).

А какой горький, с привкусом полыни, хлеб предателей. Их хозяева, наши вчерашние противники, сегодняшние партнёры из ЦРУ и СИС, заставляют их отрабатывать сребреники Иуды.

Бывший военный разведчик, бывший офицер Советской Армии, по призванию предатель, Резун нагло лжёт на свою бывшую Родину. Он, желая превзойти Геббельса, действовавшего по принципу - чем ложь невероятнее, тем она выглядит правдоподобнее, утверждает, что не

Германия напала на Советский Союз, а, оказывается, Сталин собирался напасть на Германию. Но Гитлер упредил Сталина. Доводы? Пожалуйста - огромные склады обмундирования, сапоги и валенки на нашей западной границе. С трудом представляю себе бравого Резуна в валенках-катанках, штурмующего весенний Берлин. Но зачем в Европе валенки - не понимаю.

Некоторые западные историки, да и примкнувшие к ним историки с Востока, искали «изюминку» в бреднях предателя, но тщетно, - не нашли. И не могли найти, так как это сказки иуды.

А бывший чекист, бывший офицер КГБ Гордиевский публикует

огромный «труд» - «История КГБ от Ленина до Горбачёва». К сожалению, он не включил в «свою историю достойный труд» демократически настроенного Бакатина по развалу этого страшного для Запада «чудовища». Хозяева Гордиевского, видимо, и сейчас вздрагивают при слове КГБ. Эта «история» полна вымысла, наветов и густой чёрной лжи. Она составлена «во многом благодаря уникальной информации» иуды, сбежавшего в своё время на Запад. И вся «уникальность этого труда» заключается в том, что Гордиевский не мог знать тысячной доли того, что там пытается «изложить». Но услужливые хозяева дали ему всё, что надо было там написать. А правдоборец Калугин мелко льстит «историку» Гордиевскому, заявляя о его опусе: «...более основательного и достоверного исследования о советской разведке никем и нигде пока не опубликовано». Он, Калугин, явно даёт понять, что уж ему-то придётся написать ещё более основательнее, ещё достовернее, чем предыдущий иуда. Ну, если «историк» Гордиевский написал всё очень «достоверно», то «труд» Калугина, видимо, будет сама «правда, и только правда». Должен же он общеголять своего собрата по предательству.

Кстати сказать, как странно переплелись судьбы скандально известного бывшего генерала КГБ Калугина и предателя Гордиевского. В своё время руководство внешней разведки Союза отметило, что происходит утечка секретной информации в резидентуре КГБ в Лондоне. Подозрение пало на Гордиевского, и он под благовидным предлогом был отозван в краткосрочную командировку в Москву.

Шустрый контрразведчик Калугин, находившийся тогда в зените своей дутой славы, убедил высшее руководство в том, что сможет самостоятельно разоблачить Гордиевского. И ему доверили это дело. Предатель, тем временем прибыв в Москву, сразу понял, что находится под подозрением. Он тут же дал англичанам сигнал тревоги.

По предложению Калугина Гордиевского направили «отдохнуть от трудов праведных» за границей в подмосковный санаторий КГБ, надеясь там обеспечить постоянный контроль за ним. Но предатель с помощью английских хозяев благополучно исчез из санатория и был тайно вывезен из Советского Союза.

Все знавшие о прибытии Гордиевского в Москву были потрясены этой наглой операцией английских спецслужб. Нашлись в таком случае и «крайние», а Калугин за свой «промах» отделался только лёгким испугом. Я не могу сказать, что это был умышленный «промах» нашего опытного контрразведчика. Но факт есть факт - предатель, сумев обвести вокруг пальца своего «опекуна», спокойно вернулся на берега столь милого ему Туманного Альбиона.

Позднее, когда спецслужбы США и Англии подготовили капитальный труд, «разоблачающий козни коварного КГБ» за время от Ленина до Горбачёва, и издали его, как я выше уже говорил, за подписями Гордиевского и другого автора, Калугин написал похвальный отзыв этому опусу. Правда, на «более основательное и достоверное исследование о советской разведке» самого Калугина, изданное в США, предатель

Гордиевский пока не решился писать отзыва. Он явно ждёт очередную книгу отставного генерала.

Калугин, будучи, по мнению некоторых руководителей разведки, одним из «лучших специалистов» в работе против главного противника (США - Англия), лично занимался вербовкой сотрудников ЦРУ США за границей. О его такой работе в Индии против американцев я выше уже упоминал. Все его усилия в этой области, по-видимому, были пустыми хлопотами, то есть безрезультатными.

По всей вероятности, в благодарность за все вышеперечисленные «заслуги» перед Западом американцы благосклонно позволили Калугину, вслед за Коротичем - ещё одним запасным демократом, переселиться в Америку. Ему уже дали вид на жительство в стране, что означает, что Калугин может проживать и «плодотворно» писать о КГБ. Ну, а если его «труды» не оправдают надежд его новых «работодателей», его спокойно могут выслать из США за ненадобностью.

Сейчас некоторые предатели нашей Родины спокойно путешествуют по европейским странам, дают интервью журналистам. Раньше они боялись это делать, забивались в глухие места и тряслись от страха за содеянное, находя спасение в спиртном. Подписку, которую они давали, никто не отменял, а значит, приговор, который они сами себе вынесли, остаётся в силе. Сейчас стало им вольготнее.

Какое-то время назад одна общественная организация Германии пригласила бывшего председателя КГБ СССР и руководителя разведки Леонида Шебаршина на встречу. Когда Шебаршин узнал, что на этой встрече будет присутствовать предатель Гордиевский, он отказался выйти в зал. Шебаршин согласился подняться на трибуну перед аудиторией только после того, как из зала будет удалён предатель. Я полностью одобряю поступок Леонида Шебаршина, уважающего своё Отечество и себя.

Но вот другой пример. В начале 1998 года одна из программ российскою телевидения показала странное шоу-телемост Лондон - Москва. На одном конце этого моста находилась группа наших граждан, объединённых программой «Российский национальный интерес». А на другом конце - в Лондоне - заурядный предатель Родины Резун. Бывший капитан Советской Армии, бывший военный разведчик Резун в 1974 году сбежал в Англию в поисках более сладкой и сытой жизни. Однако этот несостоявшийся военный разведчик проявил «талант» к написанию книг. Пишет он в основном о военной разведке, о Советской Армии, о Великой Отечественной войне. Предатель избрал себе литературный псевдоним Суворов. Ну как же иначе привлечь к себе внимание русского читателя? Можно бы было подписывать свои книги так - «Выдумки обыкновенного предателя Родины». Это броско, ново и коммерчески выгодно. Но уж очень позорно, стыдно перед своим народом. Вот и решился изменник обозвать себя славной русской фамилией.

Наш читатель не избалован информацией о разведке, о фактах

военной службы, некоторыми историческими подробностями минувшей тяжёлой войны. И поскольку сейчас у нас в России можно печатать всё, лишь бы был спрос и материальная выгода, вот и стал падкий на сенсации народец покупать книги Резуна, надеясь найти там правду про наши сложные и тяжёлые годы или что-нибудь «жареное», обличительное. Сейчас этот интерес упал. Все увидели, что в книгах иуды - ложь и вымысел.

Телемост этот Лондон - Москва транслировался два дня и привлёк к себе внимание части российских зрителей. Ещё бы, впервые на экране можно было видеть живого и невредимого, пышущего благополучием, лоснящегося от счастья и безнаказанности предателя. А подготовлен этот изменник к беседе был хорошо. Не зря английские хозяева иуды едят свой хлеб с маслом.

Наша же сторона, к великому сожалению, была просто не готова к открытой и откровенной беседе с изменником Родины. Вот и получилась очередная реклама «героя Запада», подонка и отступника, клеветника на Отечество.

Ничуть не удивлюсь, если телевизионная программа «Российский национальный интерес» подготовит нам очередной телемост, к примеру, Вашингтон - Москва. На этот раз на том конце моста, почти уверен, может появиться Калугин. Думаю, что американцы подготовят этого бывшего генерала не хуже англичан, показавших Резуна, ведь последний только бывший капитан, а тут будет настоящий генерал с хорошо подвешенным языком и опытом «правдоборца», приобретённым в России.

Между тем в начале 1998 года у нас вышла в свет книга бывшего военного разведчика Виталия Никольского под названием «Аквариум-2». Автор правдиво рассказывает о том, что видел и пережил на своём военном веку. Перед читателем предстаёт совсем другое Главное разведывательное управление (ГРУ), чем в скандально известной книге предателя Резуна «Аквариум». Виталий Никольский в своей книге спокойно и со знанием дела разоблачает выдумки и голую ложь Резуна, наполнившие через край его книги «Ледокол», «Аквариум», «Освободитель» и другие. Любознательный же читатель, любящий Россию, сможет сам убедиться, где правда, а где ложь, прочитав книгу Никольского.

Одним словом, хочется сказать: «Нет, господа хорошие, как бы вы ни старались, не получится героев из предателей. Народ знает цену всем этим пеньковским, гордиевским, шевченкам, резунам, поляковым, и цену эту он им никогда и ни за что не изменит.

Настоящие герои России - люди обычные, скромные, не кичащиеся своими заслугами перед Отечеством, в это смутное время, ни изменив принятой раз присяге, продолжают служить России, - прошу не отождествлять это с нынешними правителями, - пытаются поднять её с колен, помогают ей снова занять своё достойное место в мире. Все они - братья и сёстры по бывшему СССР: русские - татары, русские - грузины,

русские - армяне, русские - осетины, русские - абхазы, русские - казахи, русские - евреи и, конечно же, братья славяне - помнят своё огромное Отечество и надеются, что придёт срок - будут они все вместе. И уж конечно же никогда не забудут истинных героев, в том числе и разведчиков, которые делали всё, чтобы была на Земле наша Родина - СССР - Россия».

Беседы старых друзей

Я уже говорил, что в наше время, смутное и тревожное, вселяющее в души людей неуверенность, тревогу и переживания за близких, ушли куда-то в далёкое прошлое теплота человеческого общения, чувство локтя товарища, коллективизм, чувство уверенности в завтрашнем дне и вообще в надёжности своего бытия. Появились новые ощущения, новые словесные выражения - тусовка, потолкаться на презентации, на халяву махнуть пару стаканчиков заморского пойла и др.

Многие сейчас только изображают полную, бурную и счастливую жизнь, но не ощущают её. Иначе чем объяснить иногда появляющуюся во взгляде людей какую-то тоску, даже испуг, а в поведении - неуверенность и страх. Наши «новые русские» также не ощущают, как мне кажется, несмотря на огромные состояния, обладателями которых они стали в одночасье, полноты жизни и уверенности в себе и своём будущем. А работают они на себя, на своих детей.

Мы как-то стали более отдалены друг от друга. Повседневные заботы о хлебе насущном, мелочная и серьёзная суета, тревоги о будущем заполняют наши сердца, заставляют уединяться, отбирают много времени и энергии. А на голубом экране нам показывают западные боевики со стрельбой, погонями, убийствами мужчин, женщин и даже детей. И всюду - кровь и смерть. Как будто в жизни этого мало? Или - безумное лихое веселье под бормотание, улюлюкание заморских безголосых певцов, какофония диких звуков вместо музыки и дикие африканские пляски в исполнении белых в цивильных европейских одеждах и без них. Новости тоже кровожадны - похищения, убийства, заложники, пожары, аварии, чрезвычайные происшествия. И вруны-краснобаи: у нас дома всё хорошо, везде стабилизация, а вот завтра, ну, в крайнем случае, через год нам всем выплатят зарплату или пенсию - и всё будет о'кей, как в Америке. Только ждите и веселитесь. Правда, изредка есть и трезвые призывы - работайте, но не говорят где. Заводы и предприятия между тем стоят. Больницы и школы закрываются. И всё не наступает это обещанное счастливое завтра, а жить становится всё труднее и безрадостнее.

Ждали коммунизма - не пришёл. Видимо, не те люди нами рулили. Теперь ждём светлого капитализма. Тоже что-то не торопится. Не оттуда, наверное, ждём или идём не по той дороге. Или опять нами правят не те люди? А мы их выбирали. Сейчас всё чаще сам спрашиваешь себя - почему произошла эта историческая трагедия именно в нашей стране? И я согласен с мнением Николая Леонова, высказанным в книге «Лихолетье», что есть одна общая причина, которая может вобрать в себя все иные,

которая задушила нас. Этой причиной была и есть - ложь. Ложь убила наши души. Она живёт и в других обществах, у других народов, но там она дремлет, как туберкулёзная палочка в здоровом организме. У нас же ложь нашла очень питательную среду в виде доверчивого населения с крайне низким уровнем гражданского сознания. Ложь пожаром охватила нашу общественную жизнь, стала почти неотъемлемой частью национального сознания. Она стала основной формой общения между лидерами и народом.

Насаждая феодально-бюрократическую систему, нас обманывали, убеждая, что это социализм. Социалистическая революция в России была самой масштабной, самой глубокой и влиятельной из всех ранее предпринимавшихся человечеством попыток создания справедливого общества. Она оказалась порочной. Но не потому, что порочна сама идея, а потому, что она была извращена теми, кому народ позволил узурпировать над собой власть. Нам подавали зауряднейшую личность как «выдающегося руководителя партии и государства», бедность выдавали за процветание. Потом стали называть развал огромного государства как путь к возрождению России. Распад общества, расцвет преступности, всеобщую корумпированность представляют как демократию. Нас отучили видеть вещи такими, какие они есть. Повинны в создании липкой паутины лжи только те, кто одержим особой страстью - властолюбием, и те, кто из корысти помогает им ткать эту паутину, - отмечает Леонов.

Мы только тогда научимся противостоять лжи, когда будем трезво, критически относиться к претендентам на роль наших вождей и будем судить их только по их делам, по результатам их деятельности, а не по обещаниям и посулам. Это и будет наш шаг к гражданскому выздоровлению. В противном случае мы ещё долго будем слышать из уст наших правителей - хотели как лучше, а получилось как всегда.

Другой наш бич - пьянство. Можно и нужно ругать этот порок, бороться с ним. Но надо делать это с умом, а не вырубать прекрасные виноградные лозы. При чём здесь растения, такие волшебные и благодарные за тяжёлый труд виноградаря? Пьяница в доме - это беда для всей семьи. А если этот порок на самом высоком уровне - несчастье для всей страны, позор всему умному нашему народу.

Ещё одна очень важная проблема - взаимоотношение с внешним миром. Опыт развития России, да и всего мирового сообщества, подтвердил ту истину, что у любого государства не может быть ни вечных друзей, ни постоянных врагов, есть лишь интересы, которые с течением времени меняются. Эти интересы и должна защищать разведка своими специфическими средствами. Защищать интересы России означает для разведки добывать информацию: о секретных планах других государств в отношении России и о связанных с этими планами военных и политических приготовлениях; о состоянии тех отраслей науки и техники, которые могут резко изменить в одну сторону установившийся военно-стратегический паритет; о работе спецслужб других государств против

государственных учреждений России за рубежом и против сотрудников этих учреждений, располагающих важными секретами.

Соответствует ли интересам США возрождение сильной и независимой России, природные богатства и высокий военный, научный и технический потенциал которой теоретически могут обеспечить ей статус супердержавы? Очевидно, не соответствует. Можно без труда высказать предположение, что в ближайший период США будут активизировать свою разведывательную работу на территории России. Круг интересов США по отношению к России и бывшим союзным республикам будет расширяться, о чём свидетельствуют постоянные высказывания официальных лиц США. Но воспринимать всё это следует спокойно и трезво, как историческую данность и самим вести разведку и проводить защитные контрразведывательные мероприятия.

Российская Федеральная служба контрразведки сообщает нам, что каждый год она выявляет шпионов больше, чем в прошлом году. ФСК считает, что после ликвидации в 1991 году КГБ у ведущих разведывательных служб мира появилась возможность почти без помех действовать в России, создавая по всему государству и во всех его политических структурах шпионские группы.

Можно добавить, что сегодня над нашей территорией круглосуточно ведут космическую разведку около 50 спутников-шпионов. Самолёты-разведчики стран НАТО регулярно курсируют вдоль наших границ. Иностранные корабли радиотехнической разведки, закамуфлированные под рыболовные траулеры и научные суда, нарушают наши территориальные воды. Сеть наземных станций радиоперехвата ныне усилилась за счёт стран - бывших союзников по Варшавскому Договору. Это, видимо, их своеобразный «взнос» для будущего вступления в НАТО. Но, как полагают в ЦРУ, ни один спутник не может ощутить настроение людей на рынке, обстановку в столице иностранного государства, кризисную ситуацию в каком-либо регионе, причины этой ситуации. Американцы считают, что главный добытчик информации - это человек, завербованный ими агент. И чем выше его служебный ранг, тем эффективней решается разведывательная задача. Это - аксиома для любой разведки.

Путешествуя по миру, общаясь с разными людьми, в частности, с американцами, я часто слышал от них откровения, что они завидуют нашему чисто русскому чувству коллективизма, товарищества, взаимопомощи, дружбы. Да, американцы - индивидуалисты, они полагаются только на себя, рассчитывают только на свои силы. Своих детей они с детства, как правило, воспитывают в спартанском духе, приучают к самостоятельности, к жестокой борьбе за выживание, за место под солнцем. У нас с детьми всё наоборот - мы пестуем, балуем, защищаем их от всяких мелочных хлопот и забот. Видимо, нужно искать золотую середину в воспитании молодёжи. А вот в отношении нашего чувства товарищества они во многом правы. И, к сожалению, надо признать, что сейчас в нашем обществе идёт выкорчёвывание этого

благородного качества россиянина. Поэтому приятно осознавать, что ещё не всё кануло в Лету, ушло в невозвратное прошлое, ещё сохранилось в нас тепло человеческих отношений, прелесть дружеского душевного общения. И какой наступает подъём, когда твой верный, надёжный, а проще - порядочный, уважаемый тобой человек вдруг однажды позвонит и скажет: «А не встретиться ли нам за рюмкой чая и вместе посидеть вечерок, вспомнить прошедшие дни, когда мы были молодыми, когда трудились не брюха собственного ради, а на пользу Отечества?»

И ведь летишь на эту встречу, окрылённый тёплыми воспоминаниями, садишься в мягкое кресло, а иногда и на жёсткий стул на кухне - и потекла задушевная беседа о пережитом, о сегодняшней жизни, о будущем. И чувствуешь, как успокаивается душа. Ты снова живёшь... Приятно видеть старые знакомые лица, грустные или весёлые, лукавые или смеющиеся глаза друзей и вспоминать. И время летит незаметно, и сердце избавляется и очищается от чёрствости, от боли, от приобретённых за последнее время ран и пороков.

И всё же одно тревожит, не даёт покоя:

«Куда теперь идёт наша Родина? Есть ли будущее у России?..»

Ответов пока нет. И не видно сегодня сил, способных возглавить действительное возрождение страны и русского, российского народа. А жаль...

Послесловие

Эта книга адресована в первую очередь нашей молодёжи, тем, кому ещё предстоит нелёгкий выбор будущей профессии, а также молодым разведчикам, уже сделавшим свой выбор. Что получится в жизни из молодого человека в конечном итоге, зависит, помимо огромного множества различных объективных и субъективных факторов, от состояния его внутреннего мира. А также от его твёрдого желания добиться своей цели в нашей сложной действительности. Я хотел показать, что профессия разведчик - это нелёгкая, сложная, кропотливая работа, включая и работу над самим собой.

Возможно, в некоторых местах мои рассуждения похожи на лекцию, но это необходимо, как мне кажется, для понимания сути профессии.

В разведывательной деятельности очень много рутины, даже канцелярской работы. Так, по крайней мере, было, когда я служил в нашей внешней разведке. Заведение, подшивка и ведение дела оперативной разработки, наблюдательного дела, личного дела на агента или разработки - возможного будущего агента разведки. Написание отчётов о встречах, составление справок, анализ поведения источника при личных контактах, первичная обработка полученной информации и т.д. И всё это занимает массу времени и требует напряжённого неформального труда.

Но есть, безусловно, и романтика, особенно в оперативной

деятельности. Есть риск, и немалый. Есть большое нервное напряжение. Вся работа разведчика за рубежом - сплошное нервное стрессовое состояние.

Я решился раскрыться перед нашим читателем в том, что был разведчиком, потому что ЦРУ США, СИС Англии и, возможно, другие спецслужбы знали или подозревали о моей принадлежности к советской внешней разведке. И произошло это не из-за моих провалов в работе, а из-за предательств. Были предатели среди нас, которые тоже работали в разведке и по различным причинам, чаще всего мелочным, меркантильным перешли на сторону противника, предавали и продавали своё Отечество, предавали нас - своих коллег.

Я обсудил намерение написать книгу о своей работе в разведке со старшими товарищами и друзьями по профессии. Благословил меня на эту необычную работу Леонид Владимирович Шебаршин (с 1989 по 1991 год он руководил нашей внешней разведкой). Беседовал я о будущей книге и с Юрием Ивановичем Дроздовым (до конца 1991 года он был начальником нелегальной разведки). Выяснил мнение о своей идее у Дмитрия Александровича Ерохина (он был резидентом КГБ в Индии и Японии, руководил отделом). Эти три человека и сегодня пользуются большим и заслуженным авторитетом среди наших разведчиков.

Все мои друзья, а также бывшие руководители поддержали идею написания книги воспоминаний, и я взялся за перо. Эта поддержка и эмоциональный душевный настрой сделали своё дело - книга написана. Я не пользовался никакими закрытыми материалами своей службы. Основные источники книги - беседы с героями моих воспоминаний и память. Я писал, а жена печатала на машинке мою рукопись, в надежде на хорошего редактора, понимающего толк в наших делах.

За последнее время появились на нашем книжном рынке воспоминания отечественных разведчиков и контрразведчиков: Владимира Крючкова, Леонида Шебаршина, Вадима Кирпиченко, Юрия Дроздова, Николая Леонова, Вячеслава Широнина и других. Наш читатель должен знать, что действовала и действует отечественная разведка всегда с огромной пользой для Отечества. Не зря государство расходует большие средства на содержание этой организации.

Все перечисленные выше авторы воспоминаний были в своё время в составе высшего руководства разведки или контрразведки. Они делятся с читателем своим мнением об этой организации и её деятельности, как говорится, со своей высокой колокольни. Мне же хотелось показать работу разведки с позиции рядового исполнителя решений, принимаемых наверху. Некоторые подробности и детали, упомянутые в работах выше перечисленных товарищей, я использовал в своей книге с их благословения, за что и говорю им огромное спасибо.

На своём примере я постарался осветить многогранную работу разведчика за рубежом. Показывал и свою оперативную деятельность - вербовку иностранца, осуществление связи с агентом, выявление за собой

наружного наблюдения со стороны контрразведки и т.д. Отдельной главой показал работу нашей разведки в Афганистане во время боевых действий.

Описывая свою деятельность разведчика, я пытался показать читателю всё, с чем я был связан, что меня окружало, - жизнь простых людей, природу тех мест, где шла моя разведывательная служба.

Читателю уже известно, что мне довелось работать как в политической, так и в нелегальной разведке, и я коротко постарался дать представление о разнице между этими разведками.

Словом, основная мысль книги: разведка ведётся простыми людьми - гражданами нашей страны, совершающими геройские, мужественные поступки не ради славы, а для защиты Отечества. Я называю в своей книге и несколько реальных фамилий наших разведчиков, которые также стали широко известны противнику по причине предательства. Других фамилий я не называю. Время для этого ещё, по понятным причинам, не пришло. Эти люди в строю. Каких-либо фактов или примеров работы разведки, могущих нанести ущерб деятельности российской разведке, в книге, естественно, нет.

Кстати сказать, американцы открыто популяризуют среди своих граждан деятельность ЦРУ США. Полагаю, что и наши граждане имеют право знать о работе отечественных разведчиков за рубежом в разумных пределах, чтобы представлять себе, насколько трудна и опасна эта работа. Одно повторю, что российские граждане могут гордиться своими разведчиками.

Было только одно сомнение при написании книги - будут ли эти строки интересны для нашего будущего читателя? Но первые отзывы друзей о написанном воодушевили на завершение начатого дела. Мои товарищи по возможности помогали мне в сборе материалов. Мы смогли получить подтверждение о работе Александра Ефимовича Фрадкина в рядах советской военной разведки в довоенный период. Использовал я и воспоминания Николая Григорьевича Ляхтерова о жизни и работе в военной разведке. Беседовал я о своей книге с Александром Мачехиным, Иваном Читалиным и другими товарищами и коллегами. И им большое спасибо за помощь.

В конце 1991 года из разведки ушли многие профессионалы, такие, как Шебаршин, Дроздов, Леонов и ряд других опытных специалистов своего дела. Естественно, это была большая потеря. На место Шебаршина пришёл академик, учёный-востоковед Евгений Максимович Примаков. Многие сотрудники разведки восприняли это назначение настороженно. Однако эти опасения, слава богу, были напрасны. Примаков оказался именно тем человеком, который не дал разрушить многим желающим сложный и тонкий механизм разведывательной организации. Позднее Примаков перешёл на работу в МИД России. И там он оказался, как показало время, на месте. Ценой больших усилий ему удаётся исправлять многие ошибки, просчёты, а может быть, даже намеренные действия,

направленные на разрушение нашей державы, своих предшественников. Взять хотя бы Шеварднадзе. Вот как характеризует его американский коллега - госсекретарь Бейкер в своих мемуарах.

«Советский министр иностранных дел Шеварднадзе, - пишет он, - не мог ни в чём отказать американцам. Так было с объединением Германии, с принятием совместного заявления по Ираку в 1990 году (агрессия против этой страны - «Буря в пустыне»). Зная слабости министра, западные партнёры грамотно подталкивали его к нужным Америке решениям».

Россия не получила никаких политических и экономических дивидендов от роспуска Варшавского Договора и вывода войск из Германии. Американцам отдали часть акватории Берингова моря с шельфом, хотя в СССР против этого возражали буквально все - военные, рыбаки, геологи… (журнал «Профиль», № 27 от 21 июля 1997 г.).

При Козыреве Россия утеряла почти все рычаги влияния на международную политику, ушла с мировых рынков оружия и, забыв о своих собственных интересах, практически во всём соглашалась с Вашингтоном. В своих мемуарах бывшие госсекретари США Шульц и Бейкер откровенно признаются, что сначала Шеварднадзе, а затем Козырев складывали к их ногам «один подарок за другим». А попросту говоря, поступались глобальными интересами России, потворствуя выгоде и пользе Америки.

Новый министр Примаков заговорил о «диверсификации внешнеполитических связей России», о «многополярном мире». Он позаботился о создании противовеса западному влиянию через сотрудничество в рамках СНГ и со странами Востока: Китаем, Индией, Ираном. Следует признать, что человека, который мог бы сравниться с Примаковым по профессионализму, сегодня в России нет.

Много сделал Евгений Примаков и в урегулировании отношений Россия - НАТО. Министр с самого начала поставил НАТО условие: договор с Россией должен иметь обязывающий, а не декларативный характер и предусматривать отказ от размещения на территории новых членов ядерного оружия. И эти условия были выполнены. Запад пошёл на серьёзные уступки и даже согласился на создание совместного постоянного совета НАТО, через который будут идти консультации с Россией.

России сейчас остро нужны люди, закалённые в политических боях.

Примакова на должности директора службы внешней разведки заменил Вячеслав Трубников, являющийся, как и Леонид Шебаршин, профессионалом своего дела. Он прошёл весь путь от рядового сотрудника до руководителя разведки. Хочется надеяться, что разведка в России будет укрепляться, что на смену ветеранам будут приходить люди молодые, профессионально и морально сильные. И самое главное - преданные своему делу и родному Отечеству.

Как говорят: «Восток - дело тонкое». Мне в полной мере довелось

постигнуть эту народную истину. Бирма и Индия, Малайзия и Япония, Афганистан - все эти страны, такие разные, сильные и слабые, богатые и бедные, объединяло одно: всё это - Азия с её неповторимым колоритом.

Приложение

Исповедь разведчика Вадима Сопрякова в этой книге начинается драматической историей ареста японской политической полицией советского разведчика, работавшего под «крышей» специального корреспондента АПН в Токио, Александра Мачехина и не совсем простого его освобождения из тюремных застенков. К проведению этой операции был вплотную причастен автор книги. Ниже публикуется из архива автора перевод статьи из газеты «Токио таймс», которая была распространена в Москве агентством «Кедо». (Перевод с японского - А. Ефимова.)

«Токио Таймс», 16 мая 1976 г.

Арест, нарушающий дипломатический обычай

Москва, 14 мая, агентство «Кедо». Арест советского корреспондента (спецкора АПН Мачехина) Главным Полицейским управлением по подозрению в попытке нарушения специального уголовного закона, основывающегося на японо-американском договоре безопасности, является беспрецедентным случаем. 14 числа этого месяца в первую очередь МИД СССР, а также Агентство печати «Новости» заявили протест.

Однако в то же время иностранные дипломатические круги в Москве были удивлены, поскольку была ли так называемая «шпионская деятельность» или нет - это другой вопрос, а соответствующие полицейские органы приняли всё-таки довольно «прямые» меры.

Сбор информации является, если так можно выразиться, неотъемлемой частью деятельности дипломата и корреспондента, и иногда это вплотную подходит к шпионской деятельности. В западноевропейских странах, которые, так сказать, привыкли к этой проблеме, даже тогда, когда против дипломата или корреспондента имеются очень веские подозрения, то, по обычаю, ему по неофициальным дипломатическим каналам намёком делается «предупреждение», принимаются необходимые меры, например, он «добровольно уезжает».

И в данном случае, если делать как обычно, тоже должны были быть приняты отдельные меры.

По этому поводу некоторые западные дипломатические круги указывают, что, даже признавая, что у советского журналиста, особенно за рубежом, есть возможность заниматься деятельностью по сбору информации, не был ли, во-первых, чрезмерной мерой его арест и, во-вторых, не было ли ошибкой мнение о недостаточности выяснения этого вопроса с соответствующим дипломатическим учреждением и смелое вмешательство соответствующего полицейского управления.

Если не брать произошедший в Японии инцидент Растворова во

времена «холодной войны», то в последних «шпионских» случаях есть в некотором смысле и много смешных сторон. Например, во время инцидента, который произошёл недавно между СССР и ФРГ, сначала западногерманское телевидение засняло и показало сцену, показывающую, видимо, процесс сбора информации двумя советскими дипломатами. В ответ на это советская сторона тоже назвала двух немецких дипломатов в Ленинграде и Москве «шпионами» и сообщила об этом в газете. У одного из них - пресс-атташе - по случайному совпадению в это время истёк срок службы, и он, как и намечалось, вернулся домой, а инцидент на этом закончился.

Похоже, речь идёт о «сообразительности» в дипломатии, которая с наступлением эпохи информации регулирует отношения с «государственными секретами».

И немало людей, которые считают, что в данном случае нельзя было использовать такой незрелый повод, как знакомство с членом команды американского атомного авианосца, всё без разбору ставить на одну доску, и даже если «попытка нарушения» имела место, не было бы лучше проявить немножко больше «сообразительности». Находящиеся под впечатлением этого вопроса восточноевропейские круги подвергают резкой критике принятые японской стороной меры, говоря, что «действия полиции в Японии опасны».

По-видимому, протесты следуют один за другим, и в них выражается гнев советской стороны по поводу такого нарушения «дипломатического обычая».

В настоящее время советская сторона требует освобождения этого корреспондента, однако, поскольку это дело стало достоянием гласности, создалась такая ситуация, когда лица, имеющие к этому вопросу отношение, как с японской, так и с советской стороны, видимо, не смогут его сами разрешить, и в этом случае есть опасение, что инцидент окажет некоторое влияние на японо-советские отношения.

(Отп. лб 18.5.1976)

«Каскад» действует

Имена бойцов группы «Каскад» до сих пор не рассекречены и подробности многих операций не преданы огласке. Сведения об этой команде отрывочны и разноречивы. Известно только, что «каскадёры» занимались разведдеятельностью на территории Афганистана. О деталях работы этой группы читатель узнал из рассказа командира (1981-1982) Вадима Сопрякова. Ниже публикуются фрагменты интервью, которые дали газете «Век» В. Сопряков и его товарищи. («Век», № 27 от 25-31 июля 1997 г.)

Офицер М.:

- На переговоры банда согласилась, но поставила условие: наш представитель должен прийти один. В 17 часов парламентёр должен был

выйти из машины на выбранном душманами месте и, подняв руки вверх, пройти порядка двухсот метров на запад. Там встретят. Рассказав это, человек, передавший эту информацию, добавил от себя, что «может, даже не убьют». Хотя, по его словам, банда явно «любительская» и договориться с ней можно. На переговоры с бандой пришлось ехать мне. Указанное информатором место оказалось равниной - ни кустика, ни деревца, ни холмика. Я вышел из «уазика» и с поднятыми руками направился на место встречи. Душманы появились неожиданно. Меня положили на землю и, приставив к голове автомат, обыскали. После этого подвели к бородатому человеку лет сорока в чёрной чалме. С ним я и должен был вести переговоры о перетягивании банды на нашу сторону.

В. Сопряков:

- Основной задачей «Каскада» было не допустить свержения правительства Бабрака Кармаля и отстранения от власти народно-демократической партии (НДПА). Как это делать, зависело, в первую очередь, от нашей импровизации.

Врагов у Кармаля было множество - от ЦРУ до своих же однопартийцев. Поэтому без работы «Каскад» не простаивал. Двум сотням офицеров КГБ приходилось вести работу с огромной агентурой, просчитывать каналы поставок оружия, обнаруживать банды, склады оружия и многое другое. Каждый день о результатах работы группы я докладывал лично генералу армии Ахромееву. Однако, несмотря на все усилия, ситуация накалялась.

С каждым днём я всё отчётливее видел, как нарастает враждебность населения к кабульским властям и рикошетом - к советским войскам. Борьба за власть шла не по человеческим стандартам - жестоко, кроваво, дикими, нецивилизованными методами. Авторитет Кармаля пддал катастрофически быстро.

Офицер М.:

- Как это оговаривалось в штабе, я предложил командиру воевать на стороне режима Кармаля. Реакция на это была бурной: бородатый вскочил, заорал, что это оскорбление, и велел меня расстрелять. Я даже испугаться не успел. Только смотреть старался в сторону от наставленных на меня автоматов. Но когда они уже щёлкнули затворами, командир дал отбой, и мы продолжили переговоры. После этого за время беседы меня «убивали» ещё четыре раза.

Постепенно я начал чувствовать, что душмана удалось убедить. Он всё так же хватался за автомат и вытаскивал из ножен финку, но я всё вернее ощущал, что дело двинулось и уж хотя бы не нападать на наших я его точно уговорю. Бородач даже торговаться начал. И тут меня ждал сюрприз, от которого я чуть не поседел: в самый пик диспута послышатся гул, а уже через минуту позиции банды бомбили наши советские самолёты.

В. Сопряков:

- Контакты с главарями банд, особенно теми, которые ещё не успели вымазаться в крови, - дело обычное. «Начинающих» склоняли к сотрудничеству с «Каскадом» и направляли на борьбу с непримиримыми. За «смену ориентации» душманам предлагались рабочие места, гуманитарная помощь или ещё чего-нибудь - по ситуации. Чаще в качестве компромисса предлагалось или вообще не вступать в войну, или уж, по крайней мере, не нападать на советские войска. К счастью, во время переговоров ни один боец «Каскада» не погиб. Специалисты рассказывают, что в самом начато разговора душманским лидерам стоит намекнуть, что советская разведка прекрасно осведомлена о всех членах семьи повстанца и о том, где все они в данный момент находятся. Каскадовцы могут вспоминать о пережитом часами. Просто волосы дыбом встают.

Офицер М.:

- И вот после этого налёта мы с душманами из щелей вылезаем. Я смотрю на бородатого и только руками развожу - ну что тут скажешь. А он тоже откуда-то из-под скалы вылез. Злющий, как чёрт. Посмотрел на мои руки разведённые, засмеялся и тут же согласился на все мои условия. Меня после этого, когда я уже к своей машине вернулся, просто истерика била.

Подполковник Александр К.:

- Самое страшное? Пожалуй, две вещи. Мерзкие афганские мухи, которые переносят такие же мерзкие болезни, и агента потерять. Источник информации пуще глазу беречь, во время обстрелов прикрывать, из переделок вытаскивать. Меня чуть не пристрелили, пока я агента своего прикрывал. Он у меня хромой был, быстро бежать не мог - вот я и отстреливался короткими очередями минут пятнадцать. Хотя, может, и гораздо меньше. У страха ведь глаза велики.

Воспоминания об отце

В одной из глав книги есть рассказ о советском военном разведчике и военном дипломате Ляхтерове Николае Григорьевиче. Публикуемые ниже воспоминания написаны его дочерью - женою разведчика Вадима Сопрякова - Лидией Николаевной. Вслед за ними публикуются фрагменты её интервью газете «Комсомольская правда». Думается, что и воспоминания и довольно откровенная беседа с корреспондентом «толстушки» будут интересны читателю, поскольку они весьма колоритно передают дух эпох работы обоих разведчиков и, безусловно, расширят представления читателя о жизни и быте как самих разведчиков, так и их семей.

Эти воспоминания об отце начинаются со времени его учёбы в Военной академии имени М.В. Фрунзе. Помню большую светлую комнату в общежитии, где с нами жила и моя бабушка. Помню стол, вечно заваленный книгами. Каждый раз, когда я просыпалась ночью, передо мной было лицо отца в зеленоватом отблеске настольной лампы.

Занимался он тогда до трёх-четырёх ночи. Мама тоже работала по семь часов, а вечером убегала на хор. Она всегда была полна энергии. В праздники слушатели собирались вместе. Пели, танцевали. Никогда я не слышала ссор или повышенного голоса отца. Это уважение в семье друг к другу и к детям сохранилось и впоследствии.

По окончании академии мы переезжаем в только что построенный для работников Генерального штаба дом. В те годы этот семиэтажный дом № 13 на Плющихе считался элитным. Здесь жили офицеры, генералы и маршалы. Среди них: полковник Степанов, генерал Попов, полковник Лукманов, генерал Маслов, маршал Рыбалко и другие.

Здесь же в моей детской душе поселилось ожидание чего-то плохого. Может быть, это был просто страх. Шёл 1937 год. Иногда мы слышали разговоры взрослых о «чёрном вороне». Если отец задерживался, мама не спала. Вечерами дети собирались в широких коридорах, покрытых отличным паркетом, который сохранился до сих пор, и перешёптывались, передавая новости.

Вчера забрали мать нашей подружки. Она работала за границей. Мы бегали к ней в квартиру, смотрели на красивые заграничные куклы. В каждой кукле нам мерещились шпионские сведения, заделанные в фарфоровых ручках и туловище игрушки. «Шпионы, шпионаж» - насколько это страшное, ползучее слово, как змея. Это понимаешь только сейчас. «Никто не мог вступиться за обвиняемого тогда, - говорит отец. - Каждый день мы ждали своего собственного ареста».

Год спустя, когда отец стал работником Генштаба, участились его отлучки из дома. Сначала на неделю, потом на месяц. «Папа в командировке», - говорила мама. Отец всегда возвращался весёлый, с небольшим чемоданчиком, но всегда с подарками. Часто он привозил «оттуда» пластинки. Это были и Лещенко, тогда почти запрещённый, и Карузо, Пампанинни и другие знаменитые итальянские оперные певцы. Эти пластинки сохранились в семье до сих пор. А Лещенко кто-то «унёс», когда мы были в эвакуации. К приезду отца собирались гости. Меня с братом не допускали на эти встречи друзей-коллег, но иногда и я присутствовала при разговорах. Помню, отец рассказал о своей поездке в Италию, после чего раздался взрыв хохота. Только шестьдесят лет спустя он объяснил многое более подробно. Речь шла о встрече с агентом в Риме. Отец, как было условлено, должен был встретиться на площади перед собором Святого Петра. Агента не было видно. Наконец-то он увидел его голову (агент был около двух метров роста), торчащую из знаменитого по тем временам итальянского туалета. Лишь по выходе из туалета, поменяв несколько заранее обдуманных точек, они встретились в парке и обговорили все детали операции.

Таких поездок было много - по всем странам Европы.

Однажды нам сказали, чтобы мы готовились к отъезду в Венгрию. Отец уже был там, исполняя обязанности военного атташе при посольстве СССР. Послом Советского Союза тогда был Шаронов. При первой встрече с

послом и его женой за обедом началось моё дипломатическое воспитание. Папа говорил потом, что он не знал, куда провалиться от стыда за моё с братом поведение. Стол, как говорится, ломился от всяких заморских яств, а мы с братом набросились на кислую капусту и чуть не подрались.

Заграничная жизнь резко отличалась от нашей родной. Мы это понимали. Нас поселили в дом, сделанный мужем известной тогда актрисы Франчески Галь. В феврале 1941 года она присутствовала на большом приёме, устроенном нашим посольством по случаю Дня Красной Армии. Затем, не захотев жить в стране с фашистским режимом диктатора Хорти, уехала в Америку. Дом напоминал древний замок. По крайней мере, нижние комнаты были стилизованы под старинный замок. Огромный камин, сложенный из камня, узорный пол, также выложенный камнем, на стенах - оружие и рога А в белоснежной спальне под балдахином я чувствовала себя принцессой. Дверь из спальни выходила на балкон такого размера, что мы с братом катались на нём на роликах.

Но и здесь действительность брала вверх и над нами. Перед домом всегда стояли два венгерских полицейских. В первые дни, когда наступали сумерки, а родителей не было, мы с братом гасили в комнате свет, затем ползли к краю балкона и следили за полицейскими. Потом нам это надоело. Часто днём мы с мамой выходили гулять в парк. И здесь взглядом «профессионала» наблюдали за собой слежку. На рынок, в магазин - везде нас с мамой кто-то сопровождал. Но и к этому мы привыкли. Папа умел как-то мельком всё это разъяснить нам, не ранив наши детские души.

В доме была приходящая прислуга. Кажется, немка по происхождению. Я вспоминаю её милое, доброе лицо. Она часто делала нам вкусный венгерский торт с шоколадом. Вскоре она стала как своя, очень полюбила мою маму. Даже пригласила её на конфирмацию своей племянницы, подарив фотографию с надписью. Она искренне плакала, когда мы покидали Венгрию. Как рассказал отец потом, он, да и мама знали, что она была агентом венгерской разведки.

Часто по воскресеньям мы с родителями выезжали в горы. Там проходили подготовку любители-скалолазы. Необычная горная природа глубокие таинственные пещеры нас завораживали. Оказывается, в эти же минуты отдыха проходили встречи отца с агентом. Там же мы узнали и Будапешт, старый и новый город, красивый и незабываемый.

Родителям приходилось часто быть на приёмах и устраивать их самим. Мама, всегда скромно одетая в Москве, просто преобразилась. Её вещи были настолько элегантными и добротными, что я долго потом донашивала их и удивляла понимающих в моде наших дам.

Среди частых гостей в нашем доме был человек, который производил на меня особое впечатление своей шотландской юбочкой. Это был английский военный атташе. Он оказался потомком знаменитого Барклая-де-Толли, верного соратника Кутузова в Великой Отечественной войне 1812 года. Фото его с дарственной надписью хранится в альбоме отца

Несмотря на то, что отец ещё был молод, в то время ему исполнилось только 35 лет, он пользовался большим уважением среди своих коллег, как русских, так и иностранцев.

Когда он уезжал из страны, ему устроили большой приём. На стене в нашем доме как память о тех днях висит огромное серебряное блюдо, на котором около полусотни подписей агташатов и других дипломатов, служивших в то время в Венгрии.

В 1940 году в Будапеште состоялась выставка достижений народного хозяйства Советского Союза. Вся наша колония помогала в организации и в последующей её работе. Участвовала в ней и моя мама. Были летние каникулы, и все дети вместе с родителями проводили их на выставке. Никто не ожидал такого большого успеха. Каждый день масса людей проходила через строй полицейских, чтобы посмотреть, как живут русские. В конце дня на столах с литературой не оставалось ни одной книги, ни одного буклета. Два огромных снопа из колосков пшеницы тоже разбирались начисто. Каждое утро приходилось восстанавливать их заново, раскладывать литературу. Женщины в связи с этим жаловались мужьям, но они ничего не предпринимали. Тогда дети и придумали метод борьбы с растаскиванием книг. Те, кто был помладше, укрывались под столом, на котором были разложены книги, и отмечали мелом на ботинках тех, кто брал книги, другие, постарше, стояли на выходе и отбирали эти книги. Взрослым пришлось извиняться перед посетителями, которые возмущались, что мальчишки пытаются отобрать у них книги. Отец не ругал нас. Собрав детей, он объявил им, что они молодцы, проявляют бдительность. Но в данном случае лучше подарить книгу. Люди мало знают о СССР, а прочитав её, будут знать больше и лучше к нам относиться.

Война приближалась с каждым днём.

Вот в посольство привезли венгерского коммуниста Ракоши, министра первой Венгерской Советской республики 1919 года. Он был приговорён к шестнадцати годам тюремного заключения. Его венгерские власти решили на кого-то обменять. Будет произведён его обмен. Ответственность за переправку его в СССР возлагалась на отца. Операцию эту он провёл успешно.

Наступил момент и нам уезжать из страны. Отец подбадривал маму и нас. Он ещё оставался в Венгрии. Обстановка накалялась, и мы это чувствовали. Уезжали мы с одним чемоданом. Браг плакал, что оставляет свой любимый и первый в жизни велосипед. Отец обещал привезти его потом. Никто из нас не подозревал, что скоро всё изменится и мы могли бы и не увидеть отца. Когда началась война, весь дипкорпус был интернирован, а потом обменян.

Мы уже воочию увидели фашистов. На перроне Берлинского вокзала, куда нас доставили, стояли дюжие молодцы со свастикой на рукаве, широко расставив ноги и держа в руках автоматы. Посольство, где мы остановились, готовилось к отъезду. Помню подвальное помещение, где

жгли документы и сотни хороших книг, разбросанных на полу. Так для всех нас начиналась война.

В Москве - время отпусков, жаркое лето. Нас отправили отдохнуть в Евпаторию. Несколько дней мы провели в карантинном боксе. А когда настало время присоединиться к отдыхающим ребятам, где-то совсем близко на море загрохотало. Бомбили нашу эскадру кораблей. Бабушка горько заплакала, приговаривая: «Это война». Отправляли нас последним вагоном. В памяти и сейчас - вой сирен и перекрещивающиеся лучи прожекторов, а в их свете - фашистские самолёты.

В Москве маму назначили начальником охраны порядка Жители следили за затемнением, проверяли крыши, сбрасывали зажигалки с крыш домов. Все наши знакомые удивлялись, откуда только братась смелость у такой скромной женщины, как моя мама! Однажды в доме напротив ярко вспыхнул свет. Я дежурила вместе с мамой. Мы бросились в этот дом. Дверь была нараспашку. Кругом свет. Занавески отдёрнуты. Но никто не откликнулся. Отец потом ругал маму, что она рискнула пойти туда одна. Уже тогда в Москве начались диверсии. Однажды, где-то под вечер во время налёта, мы находились во дворе. Коля Феденко, который был чуть старше меня, помогал маме. Что-то ему показалось, и он позвал её. Она бросилась к нему, и в это время фугаска врезалась в то место, где она только что стояла. С семьёй генерата Феденко родители дружили долго. Коля приходил к нам во время войны, когда его направляли на учения. Помню, мама его кормила болтанкой из муки, так как ничего другого тогда не было. Потом он стал военным медиком и дослужился до полковника. Меня он благословил на учёбу в МГУ - изучать психологию людей. К сожалению, ни отца, ни сына Феденко нет сейчас на нашей земле. Остались красивые гранитные памятники на Введенском кладбище и наша светлая о них память.

Осенью 1941 года маму всё-таки уговорили, не дожидаясь приезда отца, увезти нас с последним составом на Урал, в эвакуацию, как говорили тогда. Не обошлось без приключений. Поезд наш бомбили, но пострадавших не было. С нами уехали и последние семьи из нашего дома на Плющихе - жена полковника Степанова с тремя детьми (сам он эвакуировал институт военных переводчиков из Ставрополя) и жена полковника Лукманова, который готовился в командировку. Вагоны, в которых мы ехали, - перестроенные теплушки для скота. Нас поместили на нижних полках, бездетных на верхних. Кто-то сверху попросил маму взять на станции горячей воды и стал передавать бидон. В это время поезд резко затормозили, бидон выскользнул из рук. Удар, хорошо, что по касательной, пришёлся маме по голове. Мы с братом заплакали, увидев много крови. Тут же на станции маму перевязали, после чего она зсе-таки взяла злополучный бидон и свой чайник и пошла к очереди за водой. От вагона отделился мужчина и побежал к очереди со словами: «Пожалуйста, пропустите раненую». Он ещё долго объяснял публике, что нас в Москве бомбили. В результате слух обошёл весь состав, и всю длинную дорогу в Долматово её пропускали, как героиню, что, конечно, смущало её.

Теперь, когда прошло более полувека, вспоминается с удовольствием то, что этим человеком был замечательный артист всех времён Аркадий Райкин. Он потом опекал нас всю дорогу.

Долматово - красивейшее древнее село. Раньше оно стояло на берегу глубокого озера, где была форель и другие ценные породы рыб. Я видела старинную литографию. На берегу озера стоял огромный монастырь. А вокруг дивный ландшафт: дубовые рощи, переходящие в леса, где мы собирали грибы. Здесь же мама работала на лесоповале. Женщины и рубили, и носили брёвна.

Нас приютила семья секретаря райкома, выделив нам комнату. Мы с братом спали на полатях, а мама с бабушкой - на скамьях. Нам дали карточки. Помню, что мы смогли «отоварить» их только конфетками, похожими по величине на пилюли, и сетками для волос. Когда брат заболел желтухой, мама с секретарём райкома на бричке поехала в дальнее село продать тёплые вещи и купить продукты. По дороге они натолкнулись на бежавших из тюрьмы заключённых, но сумели уйти. А перед селом их стала преследовать волчья стая. Пришлось остановиться. Секретарь боялся за казённых лошадей. Сначала жгли ветки, а потом в ход пошли и вещи, которые мама хотела продать.

Летом мы с братом работали в поле за булку и стакан киселя в день. Осенью ходили за ягодами и грибами и собирали промёрзшую картошку на колхозных полях, которую некому было собрать раньше.

Зимой мама и я вязали носки и варежки. В школе вышивали платки и рисовали, сочиняли стихи. Потом выходили на железнодорожные пути и забрасывали посылочки через открытые двери теплушек, в которых солдаты отправлялись на фронт. У нас не было ни радио, ни телевизоров, из которых нынче можно раз сто услышать о разнообразии прокладок с крылышками и без, о стимороле, который надо жевать целый день. Вечером приходил наш хозяин и рассказывал последние новости с фронта.

Вечерами мама много рассказывала об отце. Они познакомились в Ленинграде, на выпускном балу в военном училище. У мамы был красивый голос. В этот вечер её объявили как выпускницу консерватории. В действительности она была ученицей профессора консерватории, который руководил самодеятельностью. Он даже предлагал ей помощь в поступлении в консерваторию.

Папа впоследствии рассказывал, как мама в этот вечер пела, танцевала, читала стихи. Зал был заражён её темпераментом. А когда она попросила публику подпевать припев к цыганской песне «На степи молдаванские всю ночь глядит луна…», который заключался в словах «тра-ля-ля-ля», слушатели повскакали с мест. И красавец Николай, на которого засматривались многие девушки, был покорён.

Делегация выпускников пригласила артистов отпраздновать с ними окончание училища, пожертвовав им свои бутерброды и чай. Так зародилась любовь на всю жизнь. Скромная, без поцелуев на глазах у

всех, но крепкая и с большим уважением друг к другу. Вообще отец отличался своим уважением к людям. Он, всегда внимательно выслушав человека, отвечал на его вопросы, никогда не навязывая своего мнения. Для него было всё равно - простой крестьянин или посол с двадцатилетним стажем. Помню, был у отца отпуск на целых две недели. Проводил он его с нами под Москвой. Хозяин дачи, где родители снимали две комнаты, пригласил их на какой-то праздник. Малопьющий отец по просьбе хозяина попробовал бражку. После этого отец проговорил с хозяином до вечера. Все две недели к хозяину приходили соседи, чтобы поговорить с отцом «за жизнь», и приглашали родителей к себе.

В начале 1942 года в Долматово пришло известие, что мы должны быть в Москве. Опять утомительная дорога, но уже радостная.

Москва нас встретила затемнённой. В небе - дирижабли с сетками. За Москвой-рекой в районе Можайского шоссе зарево пожаров. Оказалось, что отец уже в Турции и ждёт нас там.

Дорога наша в Турцию - в объезд через Красноводск, Ленинакан, Карс - была долгой. Мы с братом сразу же пошли в школу. Тогда там была десятилетка. Учителя все опытные, знающие и всесторонне образованные люди.

Жили мы в городе в большой светлой квартире. Родители опасались за нас и просили не отходить далеко от дома. В те времена турки брали в жёны 12-13-летних девочек. Часто их просто «умыкали». За четыре года мы с братом научились общаться с турками. Начало обучения - анекдот, который тогда знали все.

Отец рассказывает свою версию происхождения этого анекдота. При посещении генерального штаба Турции ему показали стол Ататюрка, на котором стояли портреты Ворошилова и Будённого. Сопровождающий сказал, что Будённый хорошо знал турецкий язык. Отец спросил у посла Виноградова, в действительности ли это так? Посол рассказал, что в 1933 году, в год десятилетия Турецкой республики, туда была направлена делегация, возглавляемая Ворошиловым. В ней был и Будённый. Перед отъездом он вызвал переводчика и попросил подготовить ему 70-80 слов, самых распространённых в таких общениях.

В колонии была очень дружелюбная обстановка. Папа умел привлечь людей к работе, но иногда мог и высказать недовольство. Как-то мы небольшим коллективом выехали за город. Молодой сотрудник, проходя по мосту, вдруг прыгнул на широкие перила, отделяющие мост от высокой плотины. Потом прошёлся по ним и, улыбаясь, спрыгнул. Все вскрикнули от неожиданности, а папа в очень резком тоне сделал ему замечание, сказав, что здесь ни время, ни место показывать свою «храбрость». Грубости или народного жаргона я от него никогда не слышала

Обстановка в Анкаре была напряжённой. Вот-вот и Турция станет фашистской страной. К тому же очень часто возмущалась и природа. Постоянные землетрясения вынуждали сотрудников и их семьи выезжать за город, даже среди ночи.

Иногда мы отправлялись на машинах в Стамбул. Очевидно, так было задумано по работе отца. Проезжали мимо необъятных песчаных карьеров, пещер с сотнями ласточкиных гнёзд, а внизу виднелись огромные густонаселённые посёлки. А через месяц, проезжая назад, уже не находили ни гнёзд, ни селений. Обвалами после землетрясений всё было погребено под песком.

Вспоминаю такой эпизод. Как-то отец собрался в «командировку» на американском джипе. Он попросил маму купить спортивный костюм. Когда он померил его, то стал походить на американского солдата - высокий, красивый, в костюме цвета сафари, он был совершенно нерусским человеком. Такая маскировка была ему кстати.

Каждая такая поездка стоила маме больших нервов. Через три дня к дому подъехал джип. Мы не узнали ни отца, ни его спутника. Волосы были песчаного цвета, ресницы такие же, а костюм полез по швам в самых неожиданных местах. Отец часто с юмором вспоминает эти моменты.

Иногда он выезжал с послом на охоту, но, как видно, у него была там, на болотах, своя «охота». Много писали о покушении на фон Папена. О такой «охоте» я читала потом в детективе под названием «Операция «Цицерон». Но ведь могли охотиться не только на фон Папена?

Когда в Турции арестовали Павлова и Корнилова, папа организовал женщин атташата помочь им, чем можно. Я помню, как мама собирала ковры, чтобы застелить сырую камеру, где наши товарищи сидели после ареста.

Несмотря на то, что отец часто работал ночами, он старался и нам уделить внимание. Он покупал много книг на русском языке. Потом их скопилось два огромных ящика. И когда мы с мамой, опять без отца, уезжая домой, в Москву, проходили таможню, таможенники удивлялись такому богатству. Тем более за всё пришлось платить большие деньги. Папа после этого в Москве расплачивался два года.

В посольстве была прекрасная, ещё со времён царя, библиотека. Мне повезло, что меня иногда туда допускали. Вернее, когда родители уходили на приёмы, они оставляли меня с женщиной-библиотекарем. Однажды я так зачиталась, что не заметила прихода родителей. У отца было несколько удивлённое лицо, когда он увидел название книги: «Декамерон» Боккаччо. Но он не акцентировал на этом внимание, и теперь, как родительница и психолог, я понимаю, что он поступил правильно. Проблемы этого произведения тогда меня не очень ещё волновали.

Мы, дети, иногда задавали своему отцу педагогические загадки. Однажды брат, разозлившись на мои колкости в его адрес, запустил в меня перочинным ножом. Нож попал в руку. Отец был разъярён. Он повёз меня к врачу, а маме велел посадить брата в тёмную комнату. По приезде он положил его на кровать и первый раз в жизни отлупцевал ремнём. Потом он рассказывал послу: «Я его порю, а у него ни слезинки!». Через неделю, не выдержав, папа спросил у брата, почему он не плакал.

Оказывается, браг подложил в брюки тетрадки. Эта сообразительность помогала ему, когда он работал с конструктором Сергеем Королёвым и придумывал всякие интересные штуки. Только Сергей Павлович всегда удивлялся, откуда у него такое имя - Марат? Секрета тут не было. Во-первых, в доме на Плющихе, 13, было модно называть детей именами известных людей: Фридрих (Энгельс), Максимильян (Робеспьер), Вильгельм (наверное, Пик) и т.д. Во-вторых, Маратом отец его назвал в честь линкора «Марат», на котором он проходил практику во время рождения сына.

Иногда я слушала беседы отца о воспитании. Посол Сергей Александрович и его жена Евгения Александровна воспитывали свою дочь почти что в спартанском духе, как мы тогда считали. Она была всегда строго одета, скромно причёсана, много занималась. Наши родители много говорили о значении знания иностранного языка. Отец соглашался с послом, что будущее за английским языком. Правда, он считал тогда, что для меня сейчас ещё нет возможности его изучать. Так я окончила французскую школу, а дочь посла изучала два языка. Она с отличием кончила физический факультет МГУ, вышла замуж, родила дочь, но рано умерла из-за единственного удара на волейбольной площадке. А французский мне пригодился позже в общении во французском посольстве. Многие мои замысловатые фразы просто приятно удивляли французских друзей. Учение пошло на пользу. Сам папа изучал французский язык, и почти до самой кончины у него на столе лежал словарь французского языка.

Он много читал, несмотря на плохое зрение, и мог осветить многие современные вопросы. Его никогда не интересовали ни машины, ни дачи. В те далёкие времена это мало кого интересовало. Я сравниваю время, когда сама находилась в командировке с мужем в 60-70-е годы. В посольстве только и говорили о машинах, шубах, дачах…

Приехав в чужую страну первый раз, муж не имел транспорта. Тогда мы сами купили подержанную машину. Однажды для женщин посольства объявили профсоюзное собрание. Я опоздала на него, так как муж не смог меня вовремя подвезти. Извинившись за опоздание, я села и услышала наставнический голос дамы-профорга. Она говорила, что в посольстве есть родители, которые не пускают своих детей в садик, так как копят деньги на машины. Оказывается, мой четырёхлетний сын тоже очень хотел машину и соврал. А дама не захотела даже поговорить с родителями, дабы не потерять придуманную ею «сенсацию». И не могла я объяснить даме, что муж не всегда может привезти сына в посольство вовремя. Для меня важнее было накормить семью, быть всегда одетой соответственно обстановке, устроить приём для тех, с кем муж общался. Прежде всего - работа. Это, конечно, пришло от родителей.

Приёмы родителей всегда проходили с большим успехом. Иногда были и казусы, которые не проходили мимо детских глаз. Так однажды у нас в доме проходил очень важный приём. Гости были в хорошем настроении. Икра, водка… После обеда все увлеклись беседой. Отец

заметил пропажу одного военного атташе. Он вышел на веранду и исчез. Другие тоже выходили и долго не появлялись. Отец послал своего заместителя выяснить, в чём дело. Оказывается, один гость, сильно выпив, уснул в туалете. Ему стучали, звали, но всё напрасно. Мама прибежала к нам, сказав, чтобы мы шли в детскую, так как гости будут пользоваться нашим туалетом. Когда взломали дверь, обнаружили гостя мирно спящим. Вообще кто говорит, что русские много пьют? По моим пятнадцатилетним наблюдениям, иностранцы на приёмах пьют больше, особенно на дармовщинку. А русские просто не всегда умеют пить.

Отец всегда умел держать себя в руках. Однажды к нему напросился один иностранец. Нас сразу же закрыли в детской. Очевидно, разговор был для отца ценным, нужно было много узнать из этой беседы.

Когда гость ушёл, я и мама вошли в комнату. На столе стояло несколько бутылок. Гостя фактически донесли до машины. А отец сидел на стуле… Затем, улыбаясь, посадил меня к себе на колени и стал читать из «Евгения Онегина»: «Театр уж полон; ложи блещут…»

В детстве мы с папой часто ходили в Большой театр. Тогда начиналась блистательная карьера Плисецкой. Танцевали Уланова, Семёнова и др. Было много прекрасных певцов. Эта любовь к театру передалась и мне. Ещё в молодости в Ленинграде отец часто посещал театры. Много лет спустя в Ленинграде у фонтана его окликнул высокий человек. Окружающие сразу же узнали в нём артиста Черкасова. Оказывается, артист проходил военную службу в части отца и хорошо его запомнил.

Отец всегда учил нас быть честными и не ябедничать. В посольстве был небольшой сад с черешней и яблонями. Школьников запускали туда поесть и собрать ягоды, но нам говорили, что мы должны «помочь собрать». В четырнадцать лет это воспринималось фактически. Я съела буквально несколько ягод и до конца сборки рьяно собирала их в корзину. Хотя многие ребята воспользовались вкусными плодами. Потом многие устали, и моя подружка, подбежав к дереву, на котором я сидела, повисла на огромной ветке. Девочка была старше меня и намного выше. Ветка с треском оторвалась. Подруга убежала, а меня долго допрашивали, кто сломал дерево. Я стояла на своём и не хотела выдавать девочку. «Это я», - твердила я и директору, и маме. Отец потом мне сказал, что он тоже не поверил, но что я всё-таки хорошо сделала, что не выдала подругу. После этого нас долго не допускали в сад.

Уже близился конец войны. Немцев интернировали и разместили как раз рядом с садом. Как-то гуляя там, мы наблюдали, как сын фон Папена перелез через ограду и, раздетый догола, побежал по улице. Говорили, что он сошёл с ума.

Работа в Турции дала отцу много хороших друзей. До конца жизни он дружил с Волосюк, Виноградовым, Ивановым, Лукмановым и другими. Крепкая дружба связывала его с военным атташе в Польше Леонидом Николаевичем Калиниченко. После их смерти отец поддерживал

дружеские отношения с их семьями.

Ни одна компания у нас не обходилась без отца. Каждый спрашивал: «А папа будет?» В жизни иногда не замечаешь, как берёшь, как бы походя, некоторые черты родителей. Мне кажется, что не только обстановка работы за границей, но и влияние отца привило мне выдержку, которая впоследствии помогла мне в общении с иностранцами.

Вот наконец наступил самый счастливый день моей жизни и жизни моей семьи! Объявили о Победе над гитлеровской Германией. Ночью нас разбудил водитель и отвёз в посольство. Вся колония собралась в посольстве. Отец пропадал там уже много дней. Радость переполняла всех.

В 1946 году мы уже были в Москве. Жизнь продолжалась.

Я - настоящая жена Штирлица

(Большая часть этого интервью опубликована в «Комсомольской правде», № 77 от 25 - 30 апреля 1997 года)

Быть женой разведчика непросто. Хорошая жена шпиона сама со временем превращается в эдакую Магу Хари. О том, как жили жёны разведчиков, рассказывает супруга одного из советских резидентов Лидия Сопрякова:

- Когда мы познакомились с Вадимом, он учился в военно-морском училище в Ленинграде. Ни о какой разведке тогда речь не шла. Я должна была стать женой военного моряка и, как и положено, ждать его на берегу. Но после охончания училища и службы на флоте Вадима направили в дипломатическую академию. Конечно, там уже поменялся профиль, и его готовили к карьере дипломата-разведчика.

С этого момента изменилась и жизнь всей нашей семьи. Психолог по образованию, я стала учиться в академии на специальных курсах для жён.

В первую очередь нас готовили как жён дипломатов. Мы изучали протокол, учились вести себя на приёмах. В академии накрывался стол, а мы должны были правильно расставлять тарелки и приборы. Учили нас и одеваться. Ну а о том, что касалось специфики работы мужей, мы узнавали косвенно. Напрямую, конечно, нам никаких инструкций не давали. Говорили только о том, что к нам будут подходить разные люди, задавать каверзные вопросы. Преподаватели многое недоговаривали: мол, чем меньше знаете, тем лучше. Учились мы три года, даже оценки нам ставили. Вот жён нелегалов готовили более серьёзно. Я, конечно же, знала, чем занимается мой муж. У нас даже шутка была: «Муж работает в консерватории».

Первая командировка моего мужа-разведчика Вадима Сопрякова должна была проходить в Англии. Я начала совершенствовать свой английский, читала книги по истории этой страны. Но в последний момент что-то изменилось, и мы стали готовиться к поездке в Бирму.

В Бирму мы попали в 1963 году и прожили там четыре года По легенде, мой муж закончил инъяз, а я, как и было на самом деле, психфак. Первое время было очень тяжело. Во-первых, климат: сорокаградусная жара и очень большая влажность. Кругом ядовитые змеи, скорпионы. В чемоданы залезали какие-то жуткие муравьи и всё там съедали. Как-то испортился кондиционер, открыли его, а там змея! Было очень много желудочных болезней. Для бирманцев холера - как для нас насморк. Решили как-то для сына нанять няньку из местных. А у неё, оказывается, была холера. Но это - бытовая сторона. А что касается работы, то сложился очень хороший коллектив, с которым работал Вадим. Я тоже помогала мужу - ходила на приёмы. На приёмах как раз и идёт основная работа разведчиков.

У жены разведчика не может быть задушевной подруги, которой доверяются самые сокровенные тайны. Абсолютно все, даже сердечные, переживания приходится переваривать в одиночку. Мы никогда не обсуждали работу мужей - ни на кухне, ни в кровати. В любом месте могли быть «жучки». Вся жизнь проходила в напряжении. Но если очень хотелось чем-то поделиться, я говорила мужу: «Пойдём прогуляемся». И уже вне дома мы могли поговорить. В Индии в этом отношении было очень хорошо - там были великолепные сады. А вот в Японии - какой-то кошмар! Узенькие улочки, крутом домики, везде уши. Но мы вели себя железно. В крайнем случае, разговаривали в посольстве. Но и там бывали проколы. Советское посольство в Малайзии оказалось нашпигованным «жучками».

Мы хотели, чтобы наш сын поступал в военный институт, и нужно было обсудить, кто может в этом помочь. Так вот даже об этом мы говорили вне дома. Иногда использовали записки, но это как-то не прижилось.

По-настоящему использовать все свои знания, интуицию и женские чары приходилось на приёмах. В основном я работала с женщинами. Хотя иногда была как приманка. Ко мне был неравнодушен французский посол. А познакомился он сначала с Вадимом. Катался как-то посол на яхте и вдруг перевернулся. А Вадим это увидел и спас его. После этого посол стал приглашать нас на приёмы, где были посланники разных стран, военные атташе, - то, что нужно было мужу по работе.

То, что французский дипломат, как я заметила, был неравнодушен ко мне, очень хорошо сказывалось на работе мужа. Но я не могла предпринимать никаких самостоятельных шагов.

Я сама ничего не могла себе позволить, даже если бы мне кто-то понравился. В Индии была одна дама - жена апээновца. Она очень любила кокетничать с мужчинами, на приёмах только этим и занималась. Потом в Финляндии спуталась с одним финном, и мужа выслали из страны. Никакого инструктажа на этот счёт не было, но всё и так было ясно. У иностранцев с этим было намного проще. Французский посол мог иметь любовницу - жену заместителя английского атташе. И это было нормально. У нас - просто невозможно.

За моим мужем тоже много дам ухаживало. Конечно, я ревновала, но ничего поделать было нельзя. Одна такая дама ввела нас в банковские круги. Ко мне был неравнодушен, например, один маркиз, по совместительству разведчик. А его жена ухаживала за Вадимом. Настоящая француженка была! Бывает, напьётся, ляжет на пол и стонет: «Ах, мне плохо!» А сама так игриво ножку вытягивает. Плохо ей! Но для разведывательной работы очень важны хорошие личные контакты, и тут ничего не поделаешь…

На дипломатических приёмах собирались целые толпы разведчиков. И мужу приходилось не только заниматься вербовкой и налаживанием контактов, но и умело уходить от пристального наблюдения иностранных «коллег». И здесь не последняя роль была и за мной.

Пришли как-то на приём. Я сидела мелсду двумя мужчинами, напротив - мой муж. И один из собеседников начал заваливать меня вопросами, досконально выспрашивал, с кем общаемся, куда ездим. Я сразу поняла, что он не из праздного любопытства меня пытает. Сначала хотела мужу по-русски сказать, чтобы он его отвлёк, - очень боялась запутаться, сказать что-то не то. А потом подумала, а вдруг кто услышит. Приём закончился, возвращаемся домой, и Вадим мне говорит: «Знаешь, кто это был? Американский резидент. У него мать русская, он прекрасно говорит по-русски». Как хорошо, что я сдержалась!

Бывало и так: муж говорит, что ему нужно серьёзно поговорить с человеком. Я тут же беру на себя его даму. Прикидываюсь дурочкой, раскладываю журналы мод и начинаю с ней обсуждать наряды. Я нейтрализовывала жён. Вообще я не пью, так, бокал шампанского, но однажды пришлось выпить целую бутылку коньяка с одной очень любопытной американкой. Хорошо, что дело было после обеда и я не опьянела!

Ещё я помогала мужу знакомиться с нужными людьми через их жён. На одном из приёмов я прикинулась простушкой и подошла к жене американского советника: «Ах, какое у вас платье!» Слово за слово, и знакомство состоялось.

Приходилось мне бывать и в более серьёзных ситуациях. Как-то в Индии Вадим познакомился на приёме с очень высокопоставленным человеком и предложил ему сотрудничество. А он пригласил нас к себе домой. Для мужа это была очень важная связь. Мы собрались, уложили ребёнка и в 12 ночи выехали. Добирались на нескольких машинах, уходили от «хвоста». А у меня волосы-то светлые были. Я говорю Вадиму: «В темноте светлое пятно будет привлекать». Он надел на меня чёрную косынку, прямо как у местных женщин, и только к трём часам ночи мы добрались. Я осталась с его женой, а мужчины пошли курить. Миссия была выполнена. Правда, возвращаться пришлось в полной темноте по какому-то пустырю среди змей. Через некоторое время опять приехали к этому человеку в гости. Сидим за столом. И вдруг врывается служащий: «Вам прислали документы». А он совершенно спокойно говорит: «Проходите, знакомьтесь. Это мои друзья из Швеции». В общем, всё

обошлось, а индуса Вадим завербовал.

Мало того что жёнам разведчиков постоянно нужно было «прикрывать» мужей, им ещё приходилось «работать» с посольскими женщинами. И это действительно была работа.

Разведчики жили не в посольстве. В Бирме, например, нам предоставили очень красивый коттедж. Выходить просто так на улицу я не могла. Обязательно надо было появляться или с мужем, или с соседкой. Посольские дамы этого не понимали и думали, что мы очень высокомерные. Гости к нам могли приезжать только по приглашению. Были у нас «чистые» друзья. Приехали они как-то к нам без звонка, а у мужа - важная встреча. Потом ещё раз. В конце концов пришлось им намекнуть, и они всё поняли.

Жёнам разведчиков, работавших под дипломатическим прикрытием, приходилось соответствовать образу. Однако при тогдашних зарплатах советских дипломатов приходилось всячески изворачиваться. В Бирме вообще было очень тяжело с нормальной европейской одеждой. Они ведь все в балахонах ходят. А уж подобрать что-то достойное вообще было невозможно. Приходилось покупать ткани и шить у портнихи. Или выписывать по каталогам. Мы всю свою зарплату на одежду тратили. Сейчас ведь опять в моде платформа. У меня вон весь шкаф забит такими туфлями. Только носить это я уже не могу.

На каждом приёме, по этикету, нужно было появляться в новом наряде. И однажды в Бирме произошёл неприятный случай. Выписала я по каталогу очень красивое платье, прихожу на приём. И тут выходит жена посла Родионова в точно таком же! Но она была умной женщиной и тут же пошла переодеваться. Бывали такие накладки. Поэтому я старалась всё шить.

А однажды я сшила платье из небесно-голубой ткани с люрексом. Ну очень оно красивое было. На голове у меня была «хала». И вот я пришла на приём. Тут ко мне стали подходить женщины и говорят: «Здравствуйте. Вы артистка? Мы вас видели». Я ничего не понимаю, растерялась. Оказывается, везде были развешаны календари с портретом Ирины Скобцевой. А она там в голубом платье и с «халой» на голове. Действительно, мы были похожи.

К нам вообще очень часто приезжали актёры, космонавты. Как-то приехала Терешкова. А она тогда беременная была, но на маленьком сроке. Пришли в какую-то молельню (это было в Бирме), а там надо было обувь снимать. А в Бирме страшные кожные болезни, вплоть до проказы. К тому же Терешкова боялась простудиться. И мы пошли на маленькую хитрость, дали ей тонкие гольфы. Но бирманцы заметили и заставили снять их. Ну, она быстренько пробежалась по молельне, а потом в машине мы ей на ноги целую бутылку виски вылили для дезинфекции.

Жизнь дипломатов, состоящая из сплошных приёмов и светских раутов, кажется простому смертному недосягаемой сказкой. На самом деле всё было не так уж и сладко.

В нашей жизни было очень много минусов. Самое тяжёлое - разлука с детьми. Во многих странах наши дети могли учиться только до четвёртого класса. С пятого класса наш сын учился в интернате КГБ. Многие жёны полгода жили в Союзе с детьми, а полгода - с мужем. А наш посол в Бирме Ледовский вообще жил один. Его жена постоянно была в Союзе с пятью дочерьми.

Сейчас я иногда встречаюсь с жёнами других разведчиков. Сидим, вспоминаем молодость, разговариваем о том, о чём раньше даже упоминать было нельзя. Больше всего, конечно, вспоминаю Бирму. Это - моя молодость…

Российская организованная преступность

(Взгляд спецслужб из-за океана)

Бывшему разведчику Вадиму Сопрякову, как заметит читатель, не очень импонирует современная жизнь России. Нет, он ни на что не жалуется. Россия - это Родина, а Родина - это родная Мать. И не любить её нельзя. Но указывать на пороки, считает он, надо безо всяких излишних разговоров. Да, Россия нынче больна. Её разъедают коррупция, взяточничество, воровство, бандитизм как в политике, так и в быту.

То, что в России нынче воруют, известно давно. Но чтобы эта зараза так широко захлестнула всю высшую чиновничью рагь, такого ещё не было в истории государства Российского. Даже наши «самые близкие и искренние» новые друзья поражены масштабами «чумы» конца XX века. Спецслужбы государства Друга Билла составили потрясающий доклад о тесном сотрудничестве государственной власти с местной воровской «малиной» под названием «Российская организованная преступность».

В подготовке доклада приняли участие такие ведомства и учреждения США, как министерства обороны, юстиции, энергетики, государственный департамент, ЦРУ, ФБР, таможенная служба США и др. (по состоянию на август 1997 года). Перечислим только некоторые громкие имена авторов доклада: У.Х. Уэбстер - бывший директор ЦРУ и ФБР, Р. Гейтс - бывший директор ЦРУ, Р.Дж. Булей - бывший директор ЦРУ, У. Сешенс - бывший директор ФБР, У. Коэн - министр обороны, С. Найт - директор секретной службы США, генерал Э. Сойстер - бывший директор управления военной разведки, А. де Боргрейв - старший советник Центра стратегических и международных исследований и др.

Ниже приводятся краткие выдержки из основных частей этого доклада.

Вступление

Российские новые реформаторы экономики стоят перед трудной проблемой, не имеющей исторического прецедента. Несмотря на создание в марте 1997 г. ориентированного на реформу кабинета, который начал пробиваться к твёрдому, как гранит, фундаменту

российских монополий, большая часть мешающих экономической и политической реформе препятствий продолжает существовать.

Шестой год подряд валовый национальный продукт падает на 6%. Одна четвёртая часть населения России бьётся, чтобы свести концы с концами, за чертой бедности за 25 долларов в месяц. Средняя продолжительность жизни снизилась с 69 лет в 1990 году до 57 лет в 1996-м.

Демографы предсказывают, что российское население уменьшится со 147 миллионов до 123 миллионов в последующие 3 десятилетия, что является резким спадом в период мирного времени.

Несмотря на эти трудности, президент Ельцин в июле 1997 года уверенно предсказал, что экономика окончательно стабилизировалась и что в 1998 году будет наблюдаться значительный подъём. Но большинство наблюдателей России воздерживаются от слишком сильного оптимизма, считая, что всё требует осторожности в предсказании быстрого изменения.

Такая же неопределённость существует в отношении другой большой программы Ельцина - по реформе Вооружённых Сил, где условия ещё более ухудшились. 14 февраля 1997 года командующий Сибирским военным округом прислал президенту телеграмму с сообщением о том, что «Офицеры и рядовые находятся у предела выживания. В течение 6 месяцев никому не платили. Многим семьям не на что купить даже хлеб». Послание министра обороны Родионова было ещё более зловещим: «Россия скоро дойдёт до предела, за которым мы не будем в состоянии контролировать ракеты и ядерные установки». Через 4 месяца после этого смелого заявления Родионов был снят, по официальной версии, за то, что он препятствовал реформе.

Вооружённые Силы России проникнуты коррупцией. Более 100 генералов, замминистра обороны и несколько других высоких чиновников Министерства обороны находятся под следствием по обвинению в коррупции и хищениях. В 1996 году военными было совершено около 6 000 преступлений. Обычным делом стал чёрный рынок по продаже военного оборудования иностранным государствам. Доходы используются для покупки и строительства домов для старших офицеров. Коррумпированные чиновники Министерства обороны черпают выгоду из теперешнего хаоса в военной области.

Слияние криминального капитала с неперестроенной коррумпированной государственной бюрократической машиной в России привело к тому, что председатель Комитета по международным связям США Бенджамен Джилман охарактеризовал как «практически оперившуюся клептократию».

Директора западных разведслужб сейчас обладают неопровержимыми доказательствами того, что преступные синдикаты в России пользуются защитой правящей олигархии, которая выросла в ранний постсоветский период и консолидировала свою силу в 1996 году.

Юрий Лужков, сильный мэр Москвы и кандидат на замену Ельцина, говорит, что Россия сейчас столкнулась с «беспредельной криминализацией экономики и самого правительства России». Политическая реальность в России оказывает огромное давление на некоррумпированных государственных чиновников. Те чиновники, которые получают заказ от местной мафии, имеют «серебряный или свинцовый выбор»: сотрудничать и брать деньги или быть убитыми. К человеку в правительстве, который не берёт, коррумпированные начальники относятся с подозрением. Честность является риском как для личной безопасности, так и для их профессиональной перспективы. Количество заказных убийств составляет в среднем 500 в год; ни одно из них не раскрыто. Нет ни одного правоохранительного органа, способного обеспечить защиту от криминальных организаций. Генеральный прокурор Скуратов в августе 1997 года заявил газете «Бизнес России», что борьба с преступностью - только видимость. Это делается только для того, чтобы успокоить общественное мнение, практически на эти программы не выделяется никаких денег.

Директор центральной разведки США Джон Дейч заявил конгрессу, что «связь между правящей элитой и уголовными элементами не даёт российскому правительству оправдать надежды населения страны на социальную справедливость и улучшение жизненного уровня». «Коррумпированные чиновники, - подчеркнул Дейч, - снабжают преступные синдикаты экспортными лицензиями, свидетельствами о таможенной очистке, налоговыми льготами и государственными контрактами, чиновники правоохранительных органов и служб безопасности представляют преступникам защиту от ареста и следствия».

Влияние российской организованной преступности на ситуацию в России и США

Если не обуздать российскую организованную преступность (РОП), России грозит опасность превратиться в криминально-синдикалистское государство, состоящее из бандитов, коррумпированных правительственных бюрократов и нечестных и иногда достаточно известных бизнесменов, продолжающих накапливать огромное богатство, поощряя и используя коррупцию и уязвимые места, характерные для общества, которое находится на переходном этапе развития. Российская преступность, рост которой происходит головокружительными темпами, является основной силой, определяющей политическое, экономическое и социальное развитие России после развала СССР. Фактически ни один из секторов российского общества не защищён от воздействия организованной преступности.

- Правительство: несмотря на беспокойные избирательные циклы российской политической жизни, российская организованная преступность является постоянной силой, определяющей российскую политику по двум основным направлениям.

Во-первых, неспособность правительства эффективно бороться с организованными преступными группировками (ОПГ) ведёт к кризису доверия к политическим институтам, управляющим в настоящее время Российским государством.

Во-вторых, коррумпированные государственные руководители сами зачастую являются неотъемлемыми компонентами российских ОПГ.

- Экономика: эксперимент по либерализации рынка был подорван организованной преступной деятельностью. Большие объёмы природных ресурсов России продаются за границу российскими ОПГ, прибыль же для российского общества от этих операций крайне мала. Эти группы также лишают государство столь необходимого дохода в виде налогов. Более того, такие противоправные насильственные действия со стороны российских ОПГ, как вымогательство и запугивание, являются важнейшим фактором, препятствующим столь необходимым сейчас иностранным инвестициям.

- Банки: экономический эксперимент в России ещё больше осложняется в связи с постоянной коррупцией в финансовых кругах. Банки являются центральным компонентом деятельности РОП и как главный объект для вымогательства, и как основное средство крупномасштабного отмывания денег. Этот вид деятельности инициируется на транснациональном уровне, о чём свидетельствует проявление активности российских ОПГ на Кипре, островах Карибского моря и других оффшорных центрах банковского дела по всему миру.

- Вооружённые силы: российская организованная преступность как способствует ослаблению военного комплекса, так и использует это явление в своих интересах. Лишая государство необходимого дохода, российские ОПГ внесли свой вклад в плохую готовность и низкий моральный дух вооружённых сил. Провал в Чечне связан с этим упадком, а также спекуляцией военным имуществом и использованием его для преступных, вместо военных, целей. Другие виды незаконной деятельности российских ОПГ и их коррумпированных сообщников среди высших офицеров, начиная от незаконной продажи вооружения до махинаций с жильём для военных, анаюгичным образом имели негативный эффект на боеготовность и моральное состояние российской армии.

- Силовые министерства: мощный аппарат КГБ советской эпохи, хотя и был расколот, остаётся важным аспектом проблемы российской организованной преступности. Многие сотрудники КГБ предлагали свои услуги в частный сектор в период распада СССР. С тех пор и действующие, и уволившиеся сотрудники органов безопасности и разведки сотрудничают с российской преступностью. Тайные умения и навыки КГБ находятся сейчас на вооружении российских ОПГ. Доступ к компрометирующей информации о политических и коммерческих конкурентах, электронное прослушивание и средства безопасности связи, отечественные и международные подставные компании, сети осведомителей и агентура, а также знание контрабандных маршрутов

представляют лишь малую часть услуг, которые могут оказать действующие коррумпированные сотрудники российских органов безопасности и разведки.

Российские ОПГ прибегают также к помощи сотрудничающих с ними сотрудников МВД для защиты своих преступных предприятий путём срыва и наведения на ложный след расследований, проводимых честными работниками российских правоохранительных органов. (Следует отметить, что составители этого доклада настолько ненавидят и всё ещё боятся КГБ СССР, да и Россию в целом, что выдают зачастую желаемое за действительное. - В.С.)

Угроза для США

Влияние российской организованной преступности на стабильность демократической России в будущем - основная угроза для США. Вторая серьёзная угроза - транснациональная деятельность российских ОПГ, которая характеризуется быстрым и трудным для противодействия расширением незаконных операций международного характера. Сильно развитая жадность и авантюризм, присущие российской преступности, могут вызвать политический кризис, который прервёт процесс реформ и помешает России войти в сообщество демократических государств. Бывший директор ЦРУ Вулси указывает, что российские ОПГ уже обладают достаточной силой, чтобы спровоцировать такой кризис. Вулси отмечает, что «российские преступные организации не только угрожают авторитету правительства, но рассматриваются... гражданами России как альтернатива государственной власти». Эти явления отражают эрозию эффективности действий российского правительства в его борьбе с организованной преступностью.

Ключевые выводы

- В отсутствие сдерживания организованной преступности (РОП) Россия находится под угрозой превратиться в «криминально-синдикалистское государство», находящееся под контролем коррумпированных правительственных бюрократов, политиков, бизнесменов и преступников, с которыми нормальные отношения будут невозможны.

- РОП представляет непосредственную угрозу интересам национальной безопасности США, поскольку усиливает нестабильность в одной из ведущих держав, обладающих ядерным оружием.

- Таким же зловещим является вызов национальной безопасности и правоохранительной системе, брошенный транснациональными операциями и альянсами групп, принадлежащих к РОП.

По данным ФБР, принадлежащие к РОП группы в настоящее время имеют связи с партнёрами по преступному ремеслу в 50 странах мира, тогда как два года назад таких стран было всего 29. Сейчас по всему миру действует порядка 200 крупных, хорошо оснащённых группировок,

принадлежащих к РОП.

- Группы РОП обладают исключительно опасными возможностями приобрести и распространить ядерные материалы.

- РОП скрытно вывозит за границу миллиарды долларов и редко реинвестирует свои доходы в целях поддержания внутригосударственной экономики через строительство современной инфраструктуры.

- Коррупция, которая распространена на всех уровнях российской бюрократии, является основным препятствием в борьбе с организованной преступностью в России.

- Процессы демократизации и экономической либерализации в России серьёзно подрываются РОП.

- Эрозия правительства усилиями РОП подвергает опасности усилия по сотрудничеству в вопросах поддержания мира, нераспространения ядерного оружия и экономической реструктуризации.

- РОП охватила своими щупальцами всю экономику России. Она придаёт ореол законности бесчисленному числу незаконных действий, включая манипулирование банковской системой и финансовым рынком России.

- В отсутствии эффективно работающих судов, нормально функционирующей правовой системы и последовательного применения торгового и контрактного права криминальные элементы фактически стали арбитрами. Представляемая рэкетирами защита по существу заменяет традиционно принадлежащие правительству правовые функции и гарантии.

- Усилия внутри России по борьбе с организованной преступностью были и по сей день являются неслабыми, однако часто отклоняются в сторону из-за страха и взяточничества а зачастую терпят крушение из-за убийств.

Рекомендации

- Российская организованная преступность должна быть признана президентом США в качестве угрозы национальной безопасности.

- Развитие свободного рынка в России, основанного на господстве права, должно быть признано в качестве единственного долгосрочного политического решения проблемы РОП и должно быть стержневым для всех политических решений США.

- В целях сокращения случаев коррупции внутри российских структур управления политика и действия США должны отойти от поддержки политических личностей к поддержке тех сегментов российских структур управления, которые работают в направлении утверждения правового государства. Укрепление господства права будет способствовать возникновеиию жизнеспособной рыночной экономики в России, свободной от принуждения и вымогательства групп РОП.

- Россия должна работать над созданием сильной и беспристрастной судебной власти с целью выполнения и принудительного обеспечения исполнения свода справедливого гражданского, уголовного и контрактного законодательства и вернуть контроль над арбитражной функцией, реализуемой в настоящее время группами РОП.

- Должны реализоваться строгие требования, позволяющие обеспечить «прозрачность» в вопросах использования Россией иностранной помощи, а также многосторонних займов и экспортного финансирования, чтобы изолировать эти денежные средства от РОП и гарантировать их получение по назначению.

- Разведывательное сообщество США должно быть нацелено на сбор информации по РОП. Службы, составляющие это сообщество, должны использовать оперативные «ноу-хау» и средства для привлечения информаторов из среды РОП и для стимулирования вербовки людей из разных слоёв, которые могут обеспечить надёжное знание того, как действуют или не действуют, сотрудничают или не сотрудничают различные элементы РОП.

- Взаимопроникновение официального истеблишмента, бизнеса и преступных организаций делает более насущным, чем когда-либо, всеобъемлющее сотрудничество правоохранительных органов и разведслужб США между собой и обмен результатами своей работы, чтобы более эффективно служить политике, безопасности и интересам США.

- Тесная связь правительства США с коррумпированными элементами из российского правительства рискует вызвать опасную отрицательную реакцию народа России. Подобная связь укрепляет растущее в народе восприятие демократических политической и рыночной экономической систем только лишь в качестве прикрытия хищной преступности.

- Правительство США должно поддерживать не только реформаторов высшего звена в российском правительстве, но также и реформаторов вне правительства.

По рассказам наших популярных российских артистов сцены, сейчас у нас на Руси всего три честных человека - Борис Абрамович, Борис Ефимович и Борис Николаевич. Возможно, к ним причисляет себя и бывший студент кулинарного техникума. Но он не Борис.

Вот и всё?!

При написании книги использовались некоторые материалы из книг следующих авторов:

Крючков Владимир Александрович «Личное дело»,

Шебаршин Леонид Владимирович «Рука Москвы»,

Кирпиченко Вадим Алексеевич «Из архива разведчика»,

Дроздов Юрий Иванович «Нужная работа»,

Леонов Николай Сергеевич «Лихолетье»,

Широнин Вячеслав Сергеевич «Под колпаком контрразведки».

Несколько слов об авторе

Сопряков Вадим Николаевич - капитан первого ранга в отставке. Служба в КГБ СССР с 1952 по декабрь 1991 года.

В 1956 году окончил Ленинградское пограничное высшее военно-морское училище. Служил на Чёрном и Балтийских морях.

В разведке с 1959 года. В 1962 году окончил Военно-дипломатическую академию Советской Армии.

1963-1967 годы - работа в Бирме.

1968-1971 годы - работа в Индии.

1971-1973 годы - резидент КГБ в Малайзии.

1975-1977 годы - заместитель резидента КГБ в Японии.

1977-1987 годы - Управление «С» ПГУ КГБ СССР (нелегальная разведка).

1981-1982 годы - работа в Афганистане, руководство отрядом «Каскад».

1987-1991 годы - Учебный центр КГБ СССР. Поездки в Афганистан, Ливию, на Кубу. Работа с разведчиками Венгрии, Чехословакии, Болгарии и ряда других стран.